

И. И. Поповъ

Великая могила
прошлого

Тутевская впечатлительная

Москва
1912

Изд. В. М. Саблина

**Великая
могила
прошлого.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Италія! Сколько поэтическихъ грезъ, историческихъ воспоминаній, охватывающихъ цѣлыя тысячелѣтія, представленій о несмѣтныхъ богатствахъ искусства и благодатной роскоши природы связано съ этою страной, населенной поющимъ народомъ. Природа отдѣлила ее отъ остальнаго міра единственнымъ по разнообразію красокъ моремъ, въ прозрачныхъ волнахъ котораго охлаждается жаркій сирокко, и Альпами съ бѣлоснѣжными вершинами, съ причудливыми очертаніями и мягкими контурами горъ, среди которыхъ теряются холодные сѣверные вѣтры. Поверхность территоріи Италіи не велика, но разнообразна и по своей природѣ и по историческимъ воспоминаніямъ, памятникамъ искусства и характеру жителей.

Въ сѣверной Италіи съ ея красивѣйшими въ мірѣ озерами у подножія Альпъ, съ мягкимъ климатомъ, съ роскошною растительностью, со сказочными пейзажами, можно только отдыхать,—это уголокъ неба, упавшій на землю. Въ Ломбардіи, въ долинѣ рѣки По съ многочисленными ру-

кавами, нужно удивляться трудолюбію жителей, создавшихъ на болотахъ и лагунахъ культурныя земли и громадныя города. Красочная итальянская Ривьера съ зимними курортами, роскошная Тоскана, перерѣзанная Аппенинскимъ хребтомъ, на высокихъ плоскогорьяхъ котораго пасутся стада козъ и живутъ пастухи, такъ часто изображае-

Италія.

Каденабія.

мые на итальянскихъ картинахъ; Генуя, Пиза, Флоренція и Болонья переносятъ насъ въ Средніе вѣка и эпоху Возрожденія. Суровая сѣверная Кампанья съ Вѣчнымъ Городомъ хранитъ въ себѣ и циклопическія постройки, и шедевры современнаго модернизма. Тамъ передъ мысленнымъ взоромъ проходитъ исторія отъ временъ этрус-

ковъ, черезъ эпоху царей, республики, императоровъ и папъ, до нашего времени, когда объединенная Италія, сбросивши цѣпи клерикализма и тираніи бурбоновъ и австрійцевъ, праздновала 50-тилѣтіе своего новаго демократическаго возрожденія. Южная Кампанья—сплошной садъ мандаринныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, съ грязнымъ,

Италія.

Белладжіо.

но великолѣпнымъ Неаполемъ, съ не менѣе великолѣпнымъ заливомъ, у входа котораго лежитъ Капри, а съ него открывается дивный видъ на панораму съ Сорренто и Неаполемъ по краямъ, съ вѣчно дымящимся Везувіемъ посрединѣ. Здѣсь отрытые изъ-подъ пепла и лавы Помпея и Геркуланумъ, подземные грохоты Везувія говорятъ о при-

зрачности земного. А тамъ, южнѣе—Апулія и Калабрія, одѣленные узкой полосой воды отъ Сициліи, съ полутропической растительностью, среди которой блеститъ на солнцѣ бѣлоснѣжная вершина Этны, окутанная облакомъ дыма и отражающаяся въ темно-синемъ, переливающимся всѣми цвѣтами радуги морѣ...

Землетрясенія, бывшія катаклизмы и современные катастрофы не умаляютъ красокъ природы, цѣнности памятниковъ старины и великолѣпія шедевровъ искусства въ *bella Italia*. Люди, несмотря на ужасы природы и кровавый гнетъ тирановъ, не бросали благодатнаго края, на мѣсто разрушенныхъ городовъ воздвигали новые и сбрасывали иго угнетателей. Въ годъ 50-тилѣтія объединенія Италіи кровавые призраки прошлаго тонутъ въ торжествѣ свободы и демократіи. Счастливая Италія, счастливая по красочной природѣ и богатству былого, становится счастливой и по социальнымъ условіямъ жизни...

Юбилейный годъ, связанные съ нимъ торжества, выставки, конгрессы создали новый интересъ для путешественниковъ по Италіи, передъ которыми встало въ видѣ памятниковъ бывшее величіе поистинѣ великаго народа.

Но Италія интересна всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ и во всѣ времена года. Для ѣдущихъ за границу—это самая интересная страна въ Европѣ.

О художественныхъ богатствахъ Италіи, объ ея историческихъ памятникахъ и красотахъ при-

роды имѣется обширнѣйшая литература на всѣхъ языкахъ міра. И, несмотря на эту литературу, Италія безъ конца будетъ давать темы и для научныхъ трактатовъ, и для беллетристическихъ произведеній, и для описаній. Описывали и воспѣвали Италію и русскіе писатели и поэты. Посвящаль ей свои стихотворенія Пушкинъ, воспѣвали ее Баратынскій и Тютчевъ, писали о ней восторженно Герценъ, Гоголь и почти всѣ выдающіеся писатели, включительно до писателей послѣдняго времени: Мережковскаго, Вал. Брюсова, В. Иванова, Б. Зайцева и др.

Уже самый фактъ обширнѣйшей литературы показываетъ, насколько интересна страна, къ которой, говоря словами Баратынскаго,

Рвется душа нетерпѣньемъ объята
Къ гордымъ остаткамъ падшаго Рима,
Снятся мнѣ доли, лѣса благовонны,
Снятся упавшихъ чертоговъ колонны!

Тотъ, кто хотя бы разъ побывалъ въ Италіи, навсегда сохранить о ней воспоминанія. Когда покидаешь эту страну, то чувствуешь—„кого-то полюбилъ здѣсь и что-то навсегда въ ней поразило тебя—никогда этого не забудешь. Точно заглянулъ въ озера какія—глубокія, скорбныя, на днѣ которыхъ нѣчто неразсказываемое“... (Б. Зайцевъ).

Мы конечно не даемъ художественныхъ образовъ великой могилы прошлаго, таящей въ себѣ цѣлыя тысячелѣтія, не даемъ и исчерпывающего

Италія.

..1

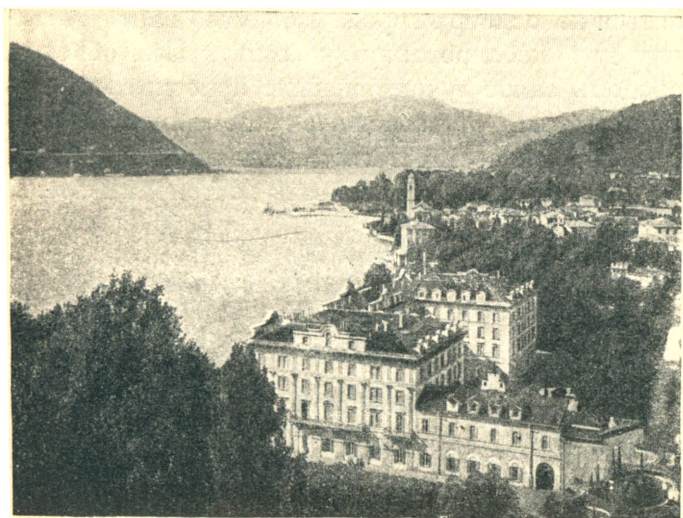
Островъ Комочина.

описанія видѣннаго нами въ теченіе трехъ нашихъ поѣздокъ по Италіи, изъ которыхъ послѣдняя была въ 1906 г., во время изверженія Везувія. Мы просто старались запечатлѣть въ бѣглыхъ очеркахъ наши воспоминанія, которыя по большей части написаны въ вагонахъ желѣзной дороги или въ гостиницахъ въ промежутки времени между осмотрами.

Передъ поѣздкой въ Италію и во время ея мы пересмотрѣли литературу объ Италіи, познакомились съ источниками, бедкерами, путеводителями и вообще старались ориентироваться въ странѣ, въ которой такъ безконечно много интерес-

наго. Быть можетъ вслѣдствіе этого кое-что покажется нами заимствованнымъ, навѣяннѣмъ другими авторами. Но мы и не претендуемъ на оригинальность среди тысячетомной литературы объ Италіи. Наши очерки бѣглы и отрывисты. Цѣль ихъ помочь человѣку, впервые попавшему въ Италію, по возможности быстро оріентироваться среди неисчислимыхъ богатствъ старины и искусства и черезъ историческую перспективу взглянуть на памятники былого.

Свои путевыя впечатлѣнія мы начинаемъ отъ Москвы и даемъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе интересный и исчерпывающій для Италіи марш-

Италія.

Лаго-Маджіоре.

ругъ, который можно выполнить въ 2—3 мѣсяца, затративъ на это путешествіе около 400—700 руб. Для ѣдущихъ въ Европу на короткое время, слѣдуетъ брать круговые билеты, по которымъ дѣлается скидка съ желѣзнодорожнаго тарифа въ 30—40%. Билетъ во 2 кл. по маршруту, который описанъ въ нашей книгѣ—Москва, Варшава, Вѣна, Миланъ, Болонья, Флоренція, Римъ, Неаполь, Сицилія, Пиза, Генуя, Ницца, Марсель, Парижъ, Кельнъ, Франкфуртъ-на-М., Лейпцигъ, Берлинъ, Дрезденъ, Москва — стоитъ около 200 руб. Въ книгѣ мы не рекомендуемъ гостиницъ, а советуемъ каждому ѣдущему за границу пріѣзжать въ городъ днемъ, оставлять вещи на вокзалѣ, отправляться на осмотръ города и попутно найти гостиницу или меблированную комнату. При осмотрѣ городовъ самое лучшее меньше прибѣгать къ помощи гидовъ, а, запасшись бедкеромъ и планомъ города, постараться самому оріентироваться и самостоятельно осматривать достопримѣчательности.

До Вѣны.

I.

Снѣжная пелена тяжелымъ слоємъ лежала на землѣ, деревья были окутаны инеемъ и снѣгомъ, когда мы въ февралѣ выѣхали изъ Москвы. Въ Варшавѣ было сыро и холодно...

Быстро проѣхавъ по Краковскому предметью и Маршалковской улицѣ, осмотрѣвъ памятникъ Шопену и поклонившись другу Пушкина Мицкевичу, памятникъ которому — даръ польскаго народа — одно изъ лучшихъ украшеній Варшавы, мы попали въ настоящее столпотвореніе языковъ. Какой языкъ преобладалъ на вѣнскомъ вокзалѣ надъ остальными — сказать трудно. Здѣсь были и русскіе, и поляки, и славяне всевозможныхъ народностей, нѣмцы, англичане, французы... — все это стремилось на Западъ, на Берлинъ и Вѣну. Берлинскій поѣздъ ушелъ, переполненный пассажирами; нашъ на Вѣну былъ наполовину пустъ. Но, несмотря на удобные вагоны, уснуть не удалось: стояла невыносимая жара, а

главное—постоянный контроль билетовъ и справки, неизбежныя у насъ передъ выѣздомъ за границу, нарушали покой ночи. Въ 6 ч. утра поѣздъ привезъ насъ въ Границу, конечный пунктъ нашей родины. Обычный обмѣнъ денегъ на австрійскіе гульдены и кроны (двойная денежная система, существующая въ Австріи, представляетъ не мало затрудненій для иностранца), визированіе паспортовъ и исполненіе другихъ формальностей передъ рубежомъ, задержали поѣздъ на часъ. Наконецъ насъ передали австрійцамъ.

Промелькнулъ мостъ черезъ пограничную рѣчку, на одной сторонѣ которой стоялъ русскій солдатъ, а на другой австріецъ.

„Мальчикъ безъ штановъ“, по мѣткому выра-

Улица въ Брестѣ.

Улица въ Варшавѣ.

женію Щедрина, остался позади; „мальчикъ въ штанахъ“ замѣнилъ его. Фуражки, сѣрыя шинели жандармовъ и солдатъ замѣнились кепи, касками и цвѣтными мундирами. На станціяхъ стали попадаться австрійскіе жандармы съ ружьемъ за спиной, съ примкнутымъ къ нему штыкомъ; но они стояли гдѣ-то въ сторонѣ и вполнѣ безучастно смотрѣли на вокзальную сутолоку. Въ общемъ на станціяхъ полиціи и жандармовъ не видно. Неизмѣннымъ остался красный цвѣтъ головного убора начальника станціи, но фуражки замѣнились высокими кепи.

Русскія деревни съ соломенными и земляными крышами, казавшіяся грязными пятнами даже на весеннемъ ландшафтѣ, рисовались въ нашемъ

воображеніи какъ прошлое, милое и дорогое сердцу: становилось стыдно при взглядѣ на каменные дома, покрытые черепицей, галиційскихъ, моравскихъ и австрійскихъ крестьянъ. Культура и относительное благосостояніе „мальчика въ штанахъ“ и культура „мальчика безъ штановъ“ рѣзко отличались одна отъ другой. У насъ — большія пространства невоздѣланной земли, плохо обработанныя поля, отсутствіе ирригаціи, гніющіе и выгорающіе лѣса, чахлая лошаденки и скотъ, изможденные ихъ хозяева въ рваномъ платьѣ, рѣдкіе заводы и фабрики... Здѣсь — фундаментальныя постройки, отсутствіе невоздѣланной земли, которая обработана съ нѣмецкой тщательностью, искусственное орошеніе, сотни десятинъ насажденнаго сосноваго лѣса, здоровый скотъ, прекрасныя и прочныя повозки и упряжь, сытые крестьяне; заводы, фабрики и опять заводы безконечной лентой тянутся по обѣимъ сторонамъ рельсоваго пути, по которому нашъ курьерскій поѣздъ летитъ съ неизвѣстной у насъ быстротой. Станціи мелькаютъ, на вокзалахъ не замѣтно ни той безтолковщины, которая характеризуетъ мятущихся безъ всякой причины русскихъ пассажировъ, ни шума, ни звонковъ, давно изгнанныхъ на Западѣ. Поѣздъ подходит и уходитъ безъ всякихъ предупрежденій: каждый пассажиръ самъ долженъ знать время отхода, — онъ не нуждается въ особливомъ попечительствѣ о немъ; онъ — взрослый, самостоятельный человѣкъ.

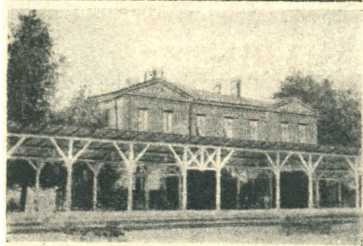
Варшава.

Памятникъ Мицкевича.

Мы, русскіе, и въ Австріи не нашли, когда съ насъ таможенныя чиновники потребовали пошлину за 1000 папирозъ около 20 кронъ. Мы безропотно заплатили; нѣмцы возмущались и нами, и своими чиновниками, воспользовавшимися нашей

русской готовностью всему подчиняться и начальству не прекословить.

Равнинная мѣстность, характеризующая большую часть Россіи, постепенно переходитъ въ Галицію и Моравіи въ холмистую страну. Но болотистыя мѣста встрѣчаются и здѣсь, а частыя наводненія отъ разлива рѣкъ въ Моравіи и Силезіи придаютъ мѣстности еще болѣе болотистый характеръ. Вода разли-

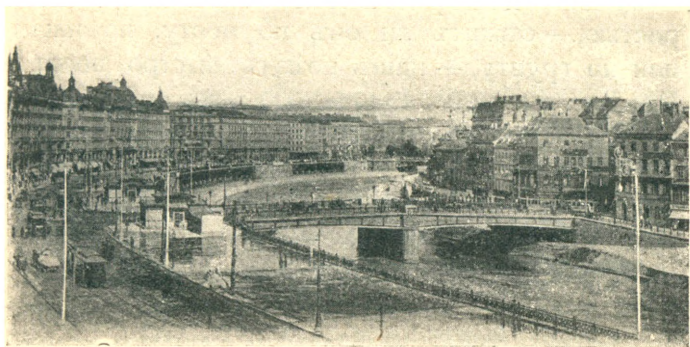

Ст. Граница.

Пограничный мостъ.

лась на громадныя пространства, затопила лѣса, поля и даже деревни. Поѣздъ бѣжитъ какъ бы среди лагунъ Венеціи. Только отроги Карпатъ красиво обрисовываются на горизонтѣ. Живописный видъ ихъ очертаній оживляется разбросанными то здѣсь, то тамъ старин-

ными церквами, замками, длинными сводчатыми каменными мостами, переносящими насъ въ эпоху, по крайней мѣрѣ, тридцатилѣтней войны. Но средневѣковый феодализмъ, въ видѣ замка, уже раритетное явленіе; онъ затерялся среди доменныхъ печей, фабричныхъ и заводскихъ трубъ; его вилланы уже не крѣпостные барона; свободные продать свой трудъ, свободные отъ средствъ

Вѣна.

Мостъ Фердинанда.

къ существованію, они служатъ капиталу. Современный рабочій, конечно, уже не мечтаетъ о феодальной эпохѣ; онъ благословляетъ небо, что избавился отъ нея; но онъ не долюбливаетъ и капиталъ, сознавая, что рабочій дорогъ послѣднему только какъ производитель прибавочной стоимости. Рабочій организуется въ союзы, чтобы успѣшнѣе отстаивать свое право на существованіе, и уже въ Одербергѣ, въ одномъ изъ промышленныхъ

центровъ, организація рабочихъ успѣшно борется съ представителями капитала, проводя своихъ делегатовъ въ рейхсратъ.

Рабочій вопросъ въ многоязычной и разноплеменной Австро - Венгріи постепенно отодвигаетъ на второй планъ національные вопросы, сплачивая подъ своимъ знаменемъ рабочихъ—и нѣмцевъ, и славянъ, и венгровъ, и итальянцевъ...

Среди воды, среди горъ, съ одинаковой скоростью, — бѣжить ли онъ по мосту, по насыпи или по грунту, — нашъ поѣздъ быстро неся къ Вѣнѣ.

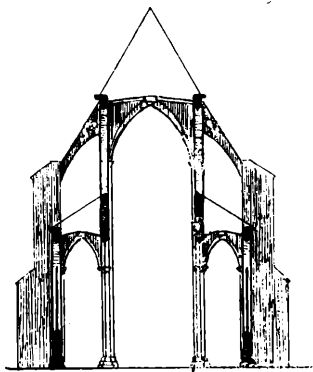
Вѣна.

II.

Пробѣжавъ 500—600 верстъ отъ Границы до Вѣны въ теченіе 8 часовъ, мы въ четыре часа дня прибыли въ Вѣну, которая уже потонула въ сумеркахъ, быстро спустившихся на насъ. Пріѣхавъ въ Hotel и, по обычаю русскихъ, посѣтовавши на нѣмцевъ за холодъ въ комнатахъ, мы отправились осматривать Вѣну.

Вѣна—красивый и благоустроенный городъ со множествомъ замѣчательныхъ по своей архитектурѣ и по своимъ историческимъ воспоминаніямъ зданій, съ массой памятниковъ и монументовъ, разбросанныхъ по красивымъ улицамъ Вѣны. Перечислить ихъ всѣ нѣтъ возможности. Здѣсь памятники знаменитыхъ музыкантовъ: Моцарта, Бетховена, Гайдна, поэтовъ: Гете, Шиллера и др., Гуттенберга, правителей и государственныхъ дѣятелей, среди которыхъ по красотѣ и изяществу выдается памятникъ Маріи Терезіи. Изъ зданій,

конечно, нужно отметить грандіозный соборъ св. Стефана, начатый постройкой еще въ 1300 г. и сохранившій слѣды церкви X ст. Архитектура—строга готическая; окна цвѣтныя, покрытыя живописью, которая во многихъ отношеніяхъ замѣ-

Схематическій разрѣзъ готическаго храма.

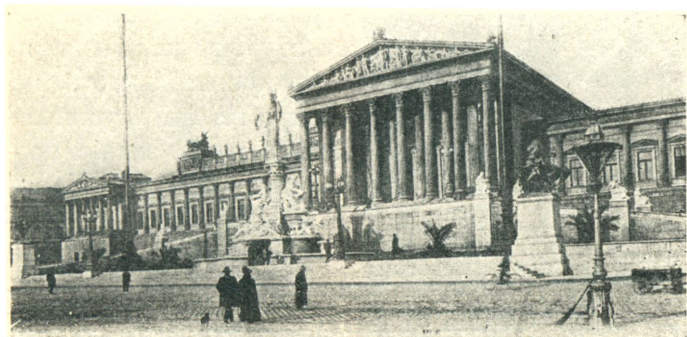
Готическій храмъ.

чательна. Здѣсь же гробницы королей, въ томъ числѣ и Рудольфа Габсбургскаго. Таинственная темнота и готическій стиль, по моему мнѣнію, болѣе соотвѣтствуютъ той идеѣ, которая должна воплощаться въ храмѣ. Остроконечная стрѣлочатая арка—главный элементъ архитектуры готическаго собора—даетъ не только средство поднять храмъ въ высоту, но какъ бы сама влечетъ зданіе въ высь и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ со-

всей силой порывъ отъ земли къ небу, который является главной чертой религіозной жизни Среднихъ вѣковъ. Эту особенность готической архитектуры, въ которой камень являлся выразителемъ христіанскаго спиритуализма, отмѣтилъ еще Гейне.

Вѣна богата остатками этой эпохи.

Германскіе императоры Священной Римской импе-

Вѣна.

Рейхсратъ.

ріи, имѣвшіе резиденцію въ Вѣнѣ, долгое время были гонителями всякаго проявленія свободнаго духа человѣка и посылали на костеръ еретиковъ, въ томъ числѣ и патріота Гусса. Мы не будемъ останавливаться на этой мрачной сторонѣ, да и современная Вѣна съ ея Рингъ - штрассе, массой театровъ, опереткой, веселой уличной толпой не располагаетъ къ такимъ мыслямъ. Къ средневѣковымъ зданіямъ по своему характеру

Вѣна.

Брюгель. Портретъ.

наиболѣе подходитъ Гофбургъ, резиденція императора; статуи и прекрасныя группы оживляютъ этотъ обширный по своимъ размѣрамъ дворецъ, состоящій изъ нѣсколькихъ зданій. Городская ратуша также построена въ готическомъ стилѣ, но, несмотря на свою колоссальность, несмотря на спиритуалистическій стиль, зданіе производитъ впечатлѣніе не только легкости и ажурности, но и веселости.

Аллея памятниковъ борцамъ за свободу и равноправіе соединяетъ ратушу съ Бургъ-театромъ, гдѣ резиденція драмы и комедіи. По моему мнѣнію, это—наиболѣе красивый изъ всѣхъ вѣнскихъ театровъ, съ замѣчательной живописью на стѣнахъ и плафонахъ. Громадное фойе огибаесть весь театръ, упираясь въ роскошное мраморное, съ замѣчательной отдѣлкой *entrée*. Красивъ, очень изященъ и театръ

Вѣна. Валь Дикъ. Портретъ.

оперы; отдѣлка и барельефныя украшенія и здѣсь замѣчательны. Меньшее впечатлѣніе производятъ остальные театры, которыхъ въ Вѣнѣ болѣе, чѣмъ достаточно. Нѣкоторые изъ нихъ очень просты. Вѣна славится своими постройками: зданія университета, музеевъ, дворецъ юстиціи, очень мно-

Вѣна.

Мурильо. Св. Іоаннъ Креститель.

Вѣна.

Мемлингъ. Марія съ Младенцемъ.

гіе частные дома принадлежатъ къ красивѣйшимъ зданіямъ въ мірѣ. Точно такъ же красиво и грандіозно зданіе парламента съ статуей свободы передъ нимъ, съ статуями классическихъ философовъ, разработавшихъ вопросъ о народномъ представительствѣ, и съ конными группами, вѣнчающими

Вѣна.
Рембрандтъ. Собств. портретъ.

интересные вопросы не обсуждались, хотя было время для смѣтъ; депутатовъ собралось очень мало, и они, собравшись небольшою кучкой, спиною къ президентскому бюро, слушали горячо ораторствующаго по одному частному вопросу депутата. Попадать въ рейхсратъ очень легко: корона-двѣ, данныя швейцару, свободно отворяютъ двери на галерею.

Въ Вѣнѣ такъ много замѣчательныхъ памят-

зданіе. Залъ засѣданій съ 450 мѣстами для депутатовъ очень богатъ, украшенъ фресками, изображающими отдѣльные моменты изъ исторіи человѣческой культуры. Къ сожалѣнію, въ немъ много блестящихъ золотыхъ украшеній, что придаетъ залу нѣсколько мѣщанскій видъ. На засѣданіи рейхсрата, на которое намъ удалось попасть,

Вѣна. Рембрандтъ. Пѣвецъ.

никовъ, художественныхъ произведеній, остатковъ старины и пр., что объ всемъ этомъ можно написать цѣлую книгу. Среди художниковъ мы должны отмѣтить Мурильо, ванъ Дика, Рембрандта, ванъ Эйка, Мемлинга, Бругеля и др., картины которыхъ находятся въ національной галлерей. Мы, конечно, не осмотрѣли и сотой доли всего, потому что мои спутники, иззябшіе въ нѣмецкихъ комнатахъ, стремились на югъ, куда мы и выѣхали съ утреннимъ поѣздомъ, оставивъ Вѣну, окутанную утреннимъ туманомъ, среди котораго быстро безъ всякаго шума и въ разныхъ направленіяхъ, обгоняя и отставая одинъ отъ другого, неслись электрическіе трамваи, автомобили, почти вытѣснившіе съ улицъ Вѣны извозчичьи экипажи...

Тироль.

III.

Rapide съ головокружительной быстротой мчалъ насъ на югъ. Вѣна быстро исчезла въ утреннемъ туманѣ, и мы неслись среди равнины. Пирамидальные тополя съ опавшею листвою, виноградники, окутанные на зиму соломой, фруктовые сады, бѣлыя, желтыя и оранжевыя зданія, покрытыя красной черепичной крышей, фабричныя трубы, дачныя виллы мелькали передъ нашими окнами. Пробѣжавъ часа полтора, мы почти внезапно въѣхали въ живописную мѣстность, прорѣзавъ растянувшійся на нѣсколько километровъ сосновый лѣсъ.

Картина, благодаря выпавшему снѣгу, намъ живо напомнила родину. Чѣмъ дальше мы подвигались къ югу и поднимались на горный хребетъ, тѣмъ снѣгу становилось все больше и больше, и за Леобеномъ передъ нами развернулася картина настоящей сибирской зимы, съ сугробами снѣга, обсыпанными инеемъ соснами и елями, съ замерзшими

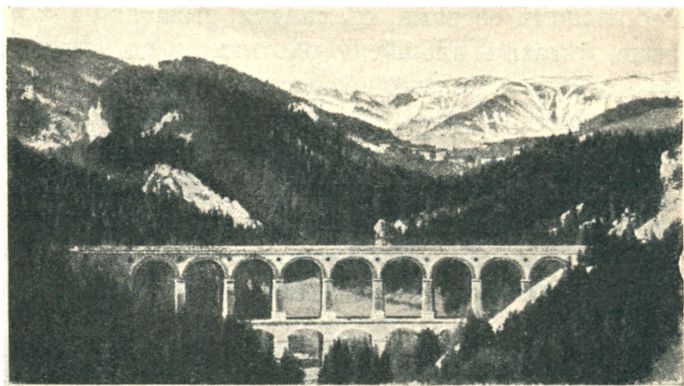
небольшими озерами, съ санями, лыжами, на которыхъ бѣгаютъ альпійскіе охотники и пр. Мы жадно вдыхали морозный воздухъ и задавались вопросомъ, чѣмъ-то насъ встрѣтитъ Венеція. Но вотъ мы оставили позади себя Тироль, прорѣзали нѣсколько хребтовъ восточныхъ Альпъ, и зимняя картина смѣнилась осенней, а въ Венеціи на насъ ласково взглянула въ городскомъ саду зелень. Обсыпанныя пушистымъ снѣгомъ ели уже намъ ри-

Гарвисъ.

совались какъ сонъ, на минуту налетѣвшій на насъ для того, чтобы ярче показать контрастъ между суровымъ сѣверомъ и благодатнымъ югомъ съ его померанцевыми и апельсинными рощами, тутовыми деревьями и розами.

Дорога отъ Земеринга до Венеціи одна изъ живописнѣйшихъ въ мірѣ. Желѣзная дорога здѣсь представляетъ грандіозное сооруженіе: поѣздъ то и дѣло пробѣгаетъ по туннелямъ, мчится по лег-

Земмерингъ.

кимъ, переброшеннымъ черезъ пропасти мостамъ, несется по виадукамъ, поднимается на хребты затѣмъ, чтобы съ головокружительной быстротою нестись въ долину и снова виться спиралью, чтобы взобраться и обогнуть горный хребетъ или одиноко стоящую гору. По сторонамъ рельсоваго пути открываются замѣчательно живописныя картины: то вы видите кучу громаднхъ камней, безпорядочно набросанныхъ другъ на друга, какъ будто бы здѣсь происходила борьба между тѣми титанами, о которыхъ повѣствуетъ мифологія грековъ; то передъ вашими глазами внезапно появится живописное альпійское озеро, окруженное красивыми виллами, нерѣдко построенными на сваяхъ.

Бездонныя пропасти смѣняются веселыми рѣками, шумно пробивающими себѣ дорогу черезъ камни и горы; водопады и пороги встрѣчаются почти

на каждомъ шагу, и шумъ отъ нихъ борется съ грохотомъ нашего поѣзда. Дикая, живописная природа, но и ее человѣкъ сумѣлъ подчинить себѣ: онъ пробилъ грудь ея горъ; онъ изрѣзалъ и изломалъ ихъ; онъ свободно переходитъ черезъ пропасти, при взглядѣ въ которыя кружится голова. Онъ подчинилъ себѣ не только камень, но заставилъ и бурливую рѣку нести свои валы, вопреки ея желанію, по указанному имъ пути. Вотъ рѣка; внизу она все сокрушаетъ, ворочаетъ камни, которые не подъ силу поднять и титанамъ, а человѣкъ перехватилъ ея теченіе и по каналамъ въ нѣсколько ярусовъ эксплуатируетъ ея воды для орошенія, для фабрикъ и мельницъ.

Подчинять эту природу человѣкъ сталъ еще въ

Венеція.

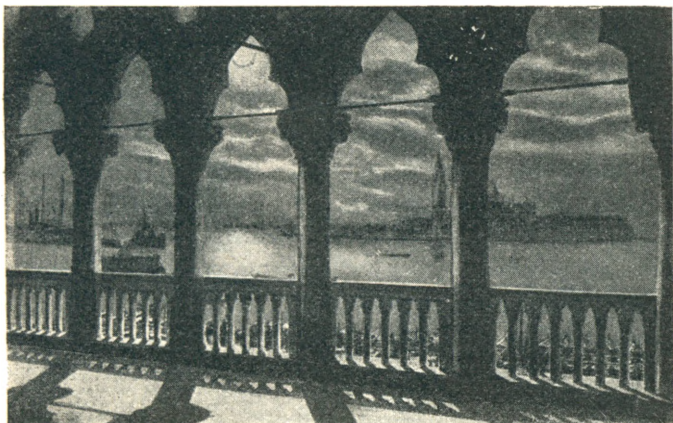
Большой каналъ.

древнія времена. По этой мѣстности не разъ проходили скифы, а германскія племена пересѣкли ее, чтобы наводить ужась и на Вѣчный городъ, и на веселую Византію. Славяне, готты, лонгобарды и вандалы въ живописныхъ долинахъ Тироля устраивали свои стойбища. Еще позднѣе эта мѣстность видѣла цѣлыя арміи крестоносцевъ. Каждый народъ, каждая эпоха оставляла здѣсь свои слѣды, а время крестовыхъ походовъ оставило такіе памятники, которые, вѣроятно, сохранятся если не навсегда, то на очень долгое время. Вотъ передъ вами грандіозная скала, на которую, кажется, могъ взобраться только горный баранъ, козуля или взлетѣть могучій орелъ. Но въ XII, XIII в. здѣсь свилъ гнѣздо хищный кор-

Венеція.

Дворецъ дожей.

Венеція.

Галлерейя дворца дожей.

шунъ: онъ заставилъ своихъ виллановъ, какъ нѣкогда въ Египтѣ фараоны, строить зданіе, которое по трудности выполненія не уступаетъ египетскимъ пирамидамъ. Сезострисъ Великій строилъ пирамиду для того, чтобы увѣковѣчить свое имя, а Хо-Гостовецъ, замокъ котораго у Лангдорфа замѣчательно сохранился до нашего времени, возвелъ это величественное зданіе, покрылъ гору спиралью крѣпостныхъ стѣнъ и на вершинѣ ея, утвердивши свое гнѣздо, изъ котораго видны окрестности на большое разстояніе, — возвелъ этотъ замокъ для того, чтобы совершать хищническіе набѣги на купеческіе караваны и грабить своихъ крестьянъ. Непрístupное и укрѣпленное гнѣздо ему необходимо было, чтобы защищаться и

отъ своихъ крѣпостныхъ, и .отъ вооруженныхъ отрядовъ, сопровождавшихъ купеческіе караваны, и отъ такого же разбойника, какъ онъ самъ, равнаго ему и по смѣлости, и по хищности, и по благородству происхожденія, барона Глогница. Руины древнихъ замковъ то и дѣло попадаются на всемъ пути вплоть до Понтебелло. Они то расположены на вершинѣ неприступной горы, то на гребнѣ хребта, или прилѣпились на скалѣ, словно гнѣздо орла. Современная строительная техни-

Византійскія капители изъ собора св. Марка въ Венеціи.

ка достигла уже такого искусства, что намъ не кажется удивительнымъ, если желѣзнодорожная станція, рельсовый путь, частная постройка или фабрика возводится

на недоступной, казалось бы, мѣстности, какъ это мы видѣли на всемъ пути отъ Вѣны; но техника среднихъ вѣковъ не обладала современными средствами: тогда все дѣлалось руками рабовъ, и безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что каждый рыцарскій замокъ построенъ на тѣлахъ несчастныхъ виллановъ, сложенъ изъ ихъ костей и цементированъ ихъ кровью. Можно только радоваться, что дикія времена необузданнаго произвола канули въ Лету и человѣчество, хотя, быть мо-

Венеція.

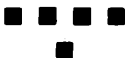
Мостъ Вздоховъ.

жетъ, и медленно, идетъ къ осуществленію идеи справедливости и братства.

Руины замковъ исчезаютъ при въѣздѣ въ сѣверную Италію съ тѣмъ, чтобы снова появиться въ средней Италіи, хотя уже и не въ такомъ количествѣ. Это объясняется тѣмъ, что характеръ мѣстности рѣзко мѣняется: безжизненная, каменная, почти безъ всякой растительности мѣстность не располагала рыцарей въ ней селиться.

Только промышленный духъ послѣднихъ вѣковъ заставилъ человѣка и здѣсь въ мертвой мѣстности искать богатство, а религіозный спиритуализмъ католика воздвигъ на главномъ пути изъ Вѣны въ Венецію массу часовень, крестовъ съ распятіемъ, статуй мадоннъ. Вы чувствуете, что попали въ иную страну. Другая природа и другіе люди.

Поѣздъ быстро мчится къ Венеціи, отдаленное зарево на небѣ говоритъ, что вы приближаетесь къ большому центру. Еще разъ вамъ придется удивиться предприимчивости человѣка въ средніе вѣка и на рубежѣ средневѣковой и новой исторіи и поразиться изумительнымъ совершенствомъ, которого онъ достигъ въ области искусства.

Тиціанъ.

Флора.

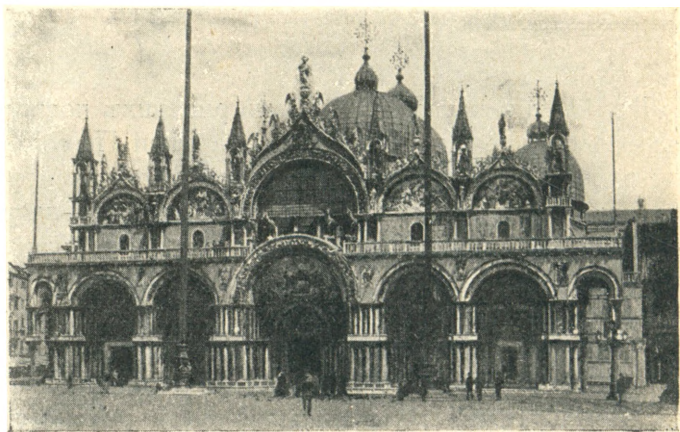
Венеція.

IV.

Въ Венеціи находятся остатки римскихъ построекъ. Адриатическое море и дельта рѣки По создали здѣсь массу острововъ, отдѣленныхъ отъ моря и суши болотами и узкими полосами песка—лагунами, изъ которыхъ самая большая, Лидо, защищала Венецію отъ морскихъ враговъ, а въ настоящее время является курортомъ для купаній. Въ тѣ древнія времена, когда Европа раздиралась междоусобіями, когда войны смѣнялись одна другую, въ этомъ уголкѣ материка жизнь могла развиваться относительно свободно. Удаленная отъ Рима Венеція развивалась подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи и усвоила даже красочный стиль ея искусства, что особенно сильно сказалось на соборѣ св. Марка.

Начиная съ XI в. на дельтѣ р. По создается и развивается интереснѣйшій въ мірѣ городъ, а вмѣстѣ съ нимъ растетъ и могущество знаменитой республики—Венеціи, находившейся подъ покрови-

гельствомъ св. Марка и избравшей для своего знамени гордую эмблему крылатаго льва. Этотъ крылатый левъ въ теченіе многихъ вѣковъ гордо развѣвался на венеціанскихъ знаменахъ, передъ которыми склонялись многія могущественныя націи. Слава и могущество республики достигаютъ своего апогея въ эпоху крестовыхъ походовъ, когда

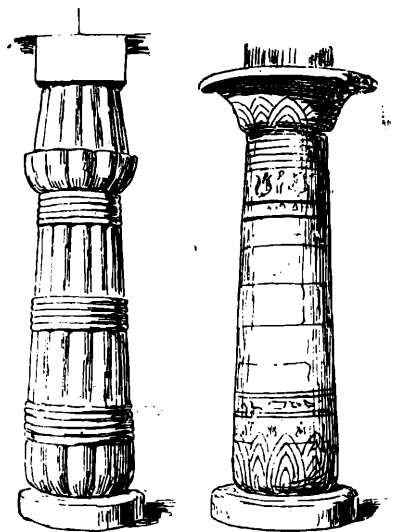

Венеція.

Соборъ св. Марка.

Венеція образовала цѣлый рядъ колоній, крѣпостей и конторъ по всему берегу Средиземнаго моря и даже на берегахъ Балтики и въ нашей торговой республикѣ Новгородѣ. Только въ эпоху австрійскаго владычества, когда венеціанская республика, всецѣло опиравшаяся на свои несмѣтные богатства и забывшая или, вѣрнѣе, не знав-

шая, что могущество растеть только при условиі развитія равноправія, тогда какъ насиліе есть могила для всякаго государства, гордый венеціанскій левъ былъ скованъ, ниспровергнутъ. Напрасно онъ грызъ свою цѣпь, какъ это аллегорически изображено на памятникѣ Виктору Эммануилу,—пока Венеція не прониклась идеей объединенія, она была безсильна противъ австрійцевъ. Но вотъ явились безкорыстные, воодушевленные одной любовью къ человечеству — знаменитый агитаторъ Мадзини, ярый республиканецъ и искусный военачальникъ Гарибальди, которому благодарная Венеція поставила въ сво-

Египетскія колонны въ храмѣ св. Марка.

емъ единственномъ городскомъ саду оригинальный памятникъ, и дѣло свободы въ Венеціи было спасено. Мадзини и Гарибальди одинаково ненавидѣли и австрійское владычество, и южно-итальянскихъ бурбоновъ, и папскую власть. Мадзини подготовилъ возстаніе, Гарибальди командовалъ

повстанцами и бралъ одинъ итальянскій городъ за другимъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ венеціанскій левъ, ниспровергнутый австрійцемъ, разорвалъ сковывающую его цѣпь, снова гордо поднялъ голову и готовъ съ яростью защищать книгу подъ его лапой, на которой начертано простое, вполне понятное для каждаго гражданина слово—

Венеція.

Мостъ Ріальто.

Лех (законъ). Такимъ онъ изображенъ на передней сторонѣ памятника Виктору Эммануилу, гдѣ Венеція, въ образѣ прекрасной женщины, гордо, смѣло и энергично смотритъ впередъ, зная, что мрачная и тяжелая исторія многихъ вѣковъ отошла въ вѣчность и уже ей нѣтъ возврата.

А исторія эта дѣйствительно мрачна и ужасна. О ней повѣствуютъ всѣ памятники былого.

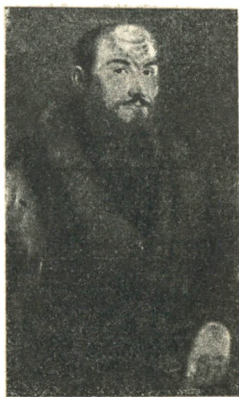
На ряду съ блестящими раритетами искусства, частью увезенными Австріей и Наполеономъ, здѣсь имѣются остатки старины, отъ которыхъ сердце содрогается и кровь леденѣетъ.

Венеція построена на листовичныхъ сваяхъ, для чего цѣлые лѣса Далмаціи были вырублены и привезены въ этотъ удивительный городъ. На такихъ сваяхъ, служащихъ для скрѣпленія грунта, была построена не одна сотня дворцовъ, не говоря уже о другихъ зданіяхъ; раскинута красивѣйшая въ мірѣ площадь св. Марка съ мозаичной мостовою;

Венеція.

Титоторетто. Чудо св. Петра.

Венеція.
Титоторетто. Портретъ.

переброшено съ острова на островъ и черезъ каналы до 400 мраморныхъ мостовъ, соединяющихъ узкія улицы, въ которыхъ иногда трудно разойтись двоимъ; устроена

Венеція. Дж. Беллини. Мадонна.

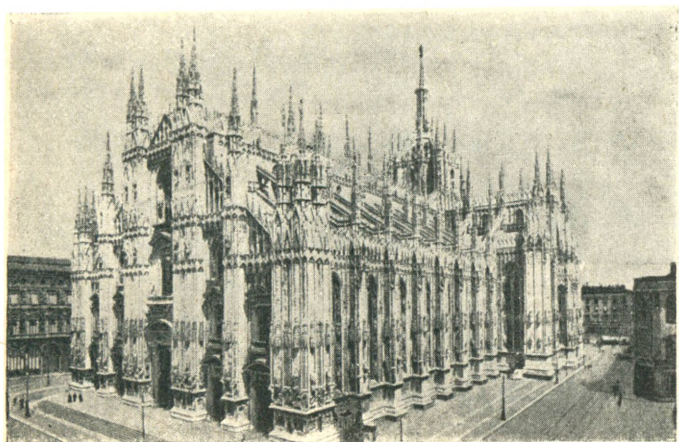
для защиты отъ моря роскошная мраморная набережная и возведена мрачная тюрьма, дворецъ дожей съ страшнымъ совѣтомъ трехъ. Въ этой тюрьмѣ туристу показываютъ мрачные каменные мѣшки безъ свѣта и воздуха, гдѣ томились политическіе преступники, осмѣливавшіеся поднять голосъ противъ венеціанскихъ патриціевъ. Выходъ изъ этихъ мѣшковъ былъ по большей части одинъ: въ залъ совѣта трехъ, въ мрачную залу пытокъ, а если несчастный и послѣ нихъ оставался живъ, то черезъ тайную дверь, ничего не подозрѣвая, онъ, пролетая черезъ рядъ мечей, падалъ на каменные плиты и скатывался въ каналъ; туда же сбрасывали тѣло замученнаго пытками узника. Въ каналъ его подбирала гондола и увозила въ море.

Венеція.
П. Веронезъ. Похищеніе Европы (фрагментъ).
Дворецъ дожей.

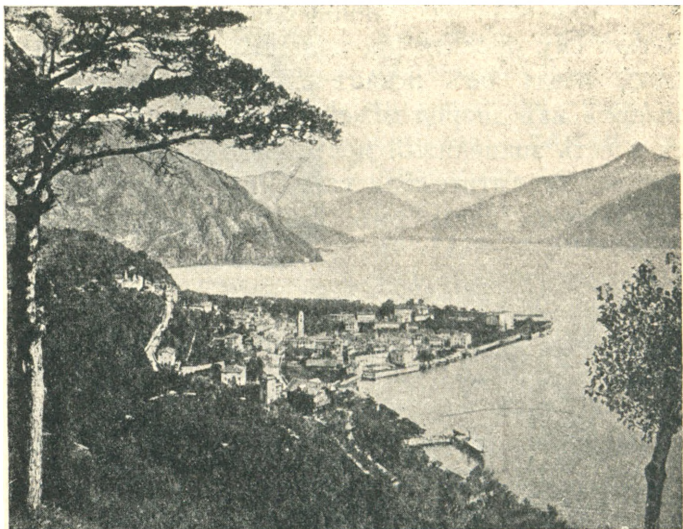
Дожи оказывали преступнику одну милость: они позволяли ему бросить прощальный взглядъ на Венецію, когда онъ искалѣченный проходилъ по галлерей изъ дворца дожей въ тюрьму; эта галлея и есть знаменитый мостъ Вздоховъ.

Но какая антитеза встаетъ передъ посѣтителемъ Венеціи, когда онъ изъ мрачной тюрьмы,

Соборъ въ Миланѣ.

гдѣ передъ нимъ только что рисовалась ужасная картина невѣроятныхъ пытокъ и смерти борца за идею, попадаетъ въ роскошныя залы причудливаго дворца дожей, сплошь украшенныя шедеврами искусства, когда удивительное ваяніе, замѣчательная живопись, роскошь и блескъ ослѣпляютъ его и передъ нимъ встаютъ имена Веронеза и Тинто-

Итальянскія озера.

Менаджіо.

ретто. Но эти блестящія имена не въ силахъ стереть въ памяти имена Фоскари и Марино Фальери, замученныхъ патриціями и окрасившихъ каналы своею кровью, которая стекала по особымъ желобкамъ и отверстіямъ, сдѣланнымъ въ мрачныхъ стѣнахъ. Роскошь, богатство, блескъ искусства и торговли, а рядомъ адскія муки и гибель лучшихъ сыновъ, все это проходитъ красной нитью черезъ венеціанскую исторію.

Но времена мѣняются: тамъ, гдѣ прежде жила Дездемона, теперь открытъ ресторанъ; гдѣ жилъ Отелло,—торгуютъ стекломъ, на мосту Ріальто

и около него разбросаны дрянные балаганы, въ которыхъ торгуютъ всякимъ скарбомъ; дворцы патриціевъ испещрены крикливыми вывѣсками и банальными рекламами; воды, бывша зеленоватыя воды каналовъ, не исключая Большого канала, наполнены разной вонючей ветошью и отбросами... Даже площадь св. Марка съ его знаменитой мозаикой, великолѣпнымъ соборомъ, гдѣ имѣются колонны всѣхъ народовъ и временъ, чудными дворцами въ настоящее время—большой гостиный дворъ съ кафе, ресторанами, магазинами, гдѣ обираютъ любопытныхъ туристовъ. Но торгашескій

Итальянскія озера.

Торно.

типъ современной Венеціи не можетъ уничтожить ни колоритности, ни слѣдовъ сѣдой старины.

Венеція—не земля и не вода; она и то и другое... „Венеціанецъ,—говоритъ Гете,—долженъ превратиться въ существо особаго рода, подобно тому, какъ Венецію можно сравнивать только съ нею самою. Венеція—это мечта, сотканная изъ воз-

духа, воды, земли и неба“...

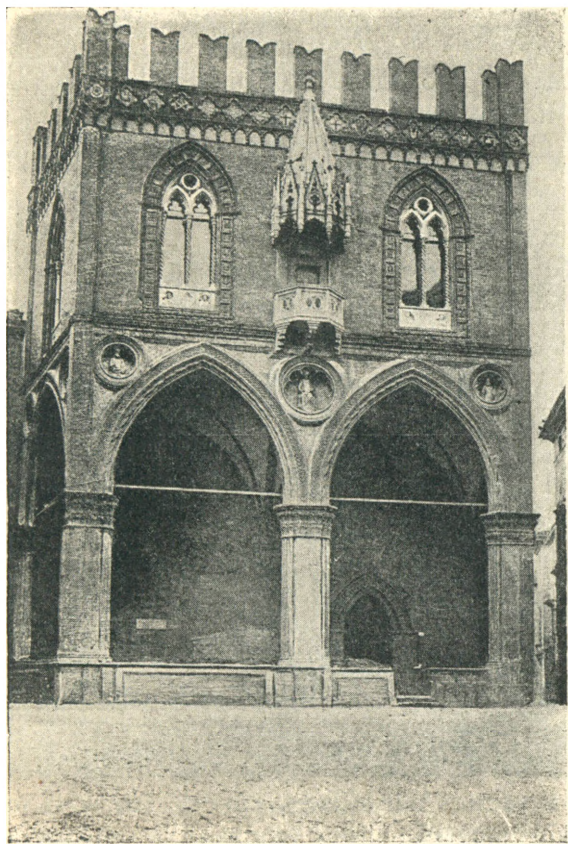
Цѣлые вѣка люди грезили этой мечтой, и объ этихъ грезахъ говорить и черная гондола, и дворецъ дожей, имѣющій тяжелыя части

Падуя.

Джіотто. Положеніе во гробъ.

зданія наверху, а легкія внизу, и св. Маркъ, и мохъ и плѣсень, покрывающіе стѣны дворцовъ, и причальные площадки, и вѣковые лиственичные столбы съ заржавѣлыми кольцами для причаловъ, и своеобразная архитектура дворцовъ, стѣнъ, каналовъ, и та мертвая тишина, которая охватываетъ туриста, когда послѣ шума и грохота вокзала онъ выхо-

Болонья.

Мерканция.

доть на площадь Большого канала, и лабиринтъ мелкихъ каналовъ и переулковъ, и уединенное Мурано, окруженное лагуной, съ чуднымъ видомъ на Альпы...

Когда вы проходите по этимъ тихимъ переулкамъ, на которыхъ никогда не встрѣтите ни экипажа, ни лошади, или плывете по узкимъ кана-

Болонья.

Ворота св. Луки.

ламъ, а по водѣ разносится и плескъ весла и голоса, которые гдѣ-то далеко пропадаютъ и откуда-то неизвѣстно появляются, тихія мечты налетаютъ на васъ и навѣваютъ грусть. Но вотъ вы въ академіи, венеціанскихъ дворцахъ и церквахъ.—вы удивляетесь художественнымъ произведеніямъ Веронезовъ, Джорджоне, Карпаччіо, Тинторетто и др... Съ произведеніями Карпаччіо и Тинторетто

можно познакомиться только въ Венеціи и негдѣ болѣе... Художественныя произведенія вась пора-

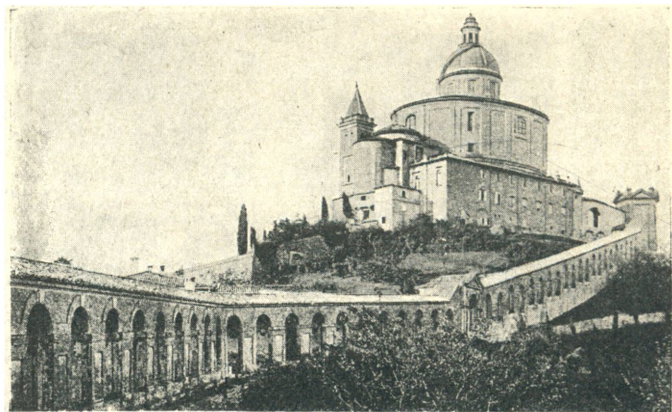

Болонья.

Піеро делья Франческа. Воскресеніе Христово. (Санъ-Сеполькро, палаццо дель Комуна.)

жають, но вы находитесь подѣ впечатлѣніемъ всей Венеціи въ ея цѣломъ — съ театрами, музыкой,

масками, бѣлыми, черными и обязательно атласными, и только когда попадаете въ музей Корреръ, увидите тамъ собраніе костюмовъ, принадлежности быта, маски, черные плащи съ кружевной пелериной, зеркала, стеклянные люстры, подсвѣчники, блестящее стекло и т. д.—вы сразу чувствуете всю Венецію, Венецію, веселящуюся, беззаботную и въ то же время жестокою...

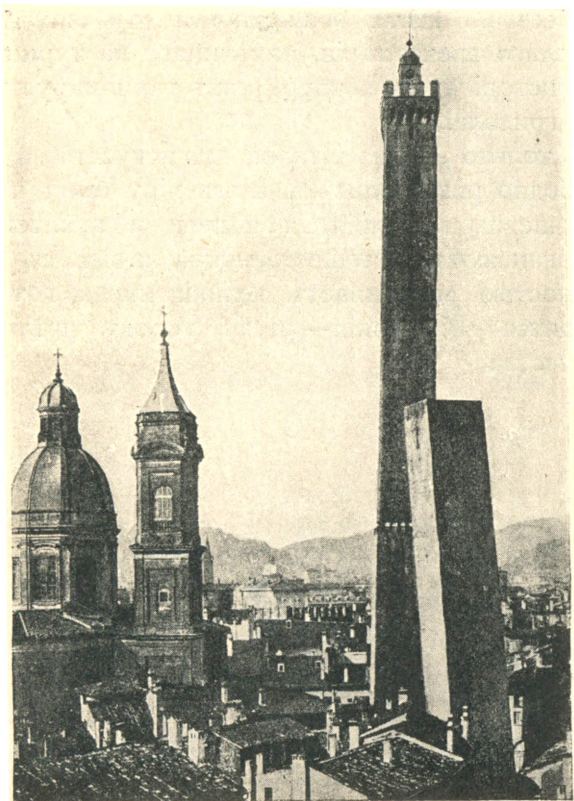

Болонья.

Церковь св. Луки.

Красива, прозрачна и ярка Венеція съ парохода, когда туристы возвращаются изъ Кіуджи; она какъ-то легко, воздушно подымается изъ воды и тогда дѣйствительно кажется мечтой. Но вотъ проплыла Лида, видна перспектива Большого канала, вотъ Піацетта съ двумя колоннами, св. Маркъ съ львомъ и св. Теодоръ на крокодилѣ—оба покро-

вители Венеції, и передъ вами снова тюрьма, снова дворець дожей, мечта разсѣялась, иллюзіи потеряны.

Болонья.

Дѣвъ башня.

Венеція приковываетъ вниманіе туриста, восхищаетъ его своею оригинальностью, захватываетъ

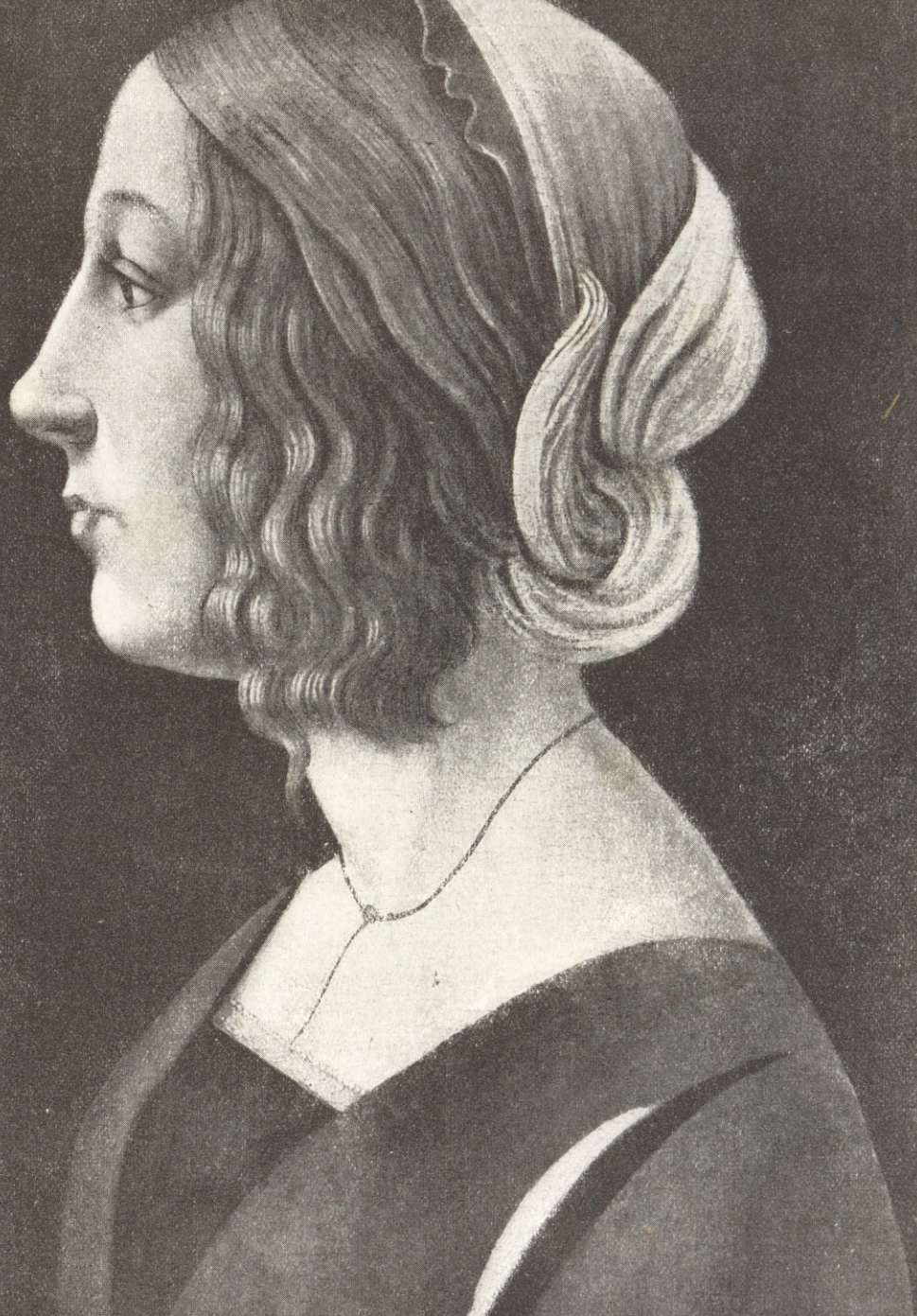
своими историческими воспоминаніями, черезъ которыя красной нитью проходитъ веселье карнавала и кошмаръ насилія, мученики идеи и чудеса искусства... Нѣтъ возможности отрѣшиться отъ тяжелаго впечатлѣнія, навѣяннаго на туриста былой исторіей, съ которой такъ гармонируетъ черная гондола...

И только Аѳины Италіи, гдѣ искусство и наука свободно развивались и кѣмъ міру были подарены шедевры ваянія, живописи и архитектуры, успокаиваютъ путешественника, и онъ съ благодарностью вспоминаетъ великія имена, которыми гордится Флоренція — этотъ городъ цвѣтовъ и искусства.

С. Ботичелли.

**Портретъ
молодой
женщины.**

По пути во Флоренцію.

V.

Во Флоренцію можно проѣхать черезъ Верону, Миланъ и Болонью, или прямо черезъ Падую, Феррару и Болонью. Оба пути интересны тѣми городами, которые лежатъ по дорогѣ и хранятъ сокровища Италіи. Съ Вероной связана трогательная исторія любви Ромео и Джульетты, а въ монастырѣ на викало Франческино находится гробница горячо любившей и любимой дѣвушки (гробница принадлежитъ фамиліи Капулетти, и многіе отрицаютъ, чтобы здѣсь была погребена Джульетта). Верона богата прекрасно сохранившимися паллацо, церквами, которыя полны художественными сокровищами и замѣчательны своей архитектурой. Въ церкви св. Джорджіо и въ муниципальномъ музеѣ собраны громадныя коллекціи картинъ веронской школы, въ соборѣ фрески Торбидо и „Вознесеніе“ Тиціана; передъ самой древней церковью Вероны св. Анастасіи статуя Поола Веронеза, а подъ порталомъ собора статуя

Карла Великаго и Роланда. Въ Веронѣ сохранился амфитеатръ Діоклеціана и дорическая колонада на кладбищѣ.

Если въ Веронѣ, Падуѣ, Павіи, Моденѣ и др. небольшихъ городахъ мы находимъ отраженіе былого, памятники времёнъ Рима, Среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія, то весь внѣшній видъ Милана съ его огромнымъ паркомъ, чуднымъ кладбищемъ, съ знаменитымъ театромъ - оперой (alla Scala), въ которомъ считаютъ для себя за честь выступать знаменитые пѣвцы міра, производитъ впечатлѣніе европейскаго города съ той только

Равенна. Мозаика—императрица
Теодора.

разницей, что большинство зданій Милана построены изъ мрамора и гранита. Самое замѣчательное изъ этихъ зданій готическій соборъ, вмѣ-

щающій въ себѣ до 40 т. богомольцевъ; многочисленныя колонны, башенки, 7 т. статуй украшаютъ это ажурное зданіе. Противъ собора за памятникомъ Виктору Эммануилу расположена галлерейя В. Эммануила, одинъ изъ наиболѣе величественныхъ и красивыхъ пассажей міра съ ротондой, богато расписанной фресками. Въ Миланѣ собрана обширная коллекція картинъ въ паллацо ди Брера,

среди которыхъ находится „Обрученіе св. Дѣвы“ Рафаэля. Въ монастырѣ св. Маріи delle Grazie сохранилась, хотя и попорчена временемъ и сы-

Флоренція.

Данте Аллигieri, статуя работы Деми.

ростью, единственное въ своемъ родѣ произведе-
ніе Леонардо да Винчи „Тайная Вечеря“. Изъ
окрестностей Милана громаднѣй интересъ по сво-

Флоренція.

Общій видъ.

ей красотѣ представляютъ замѣчательныя итальянскія озера, расположенныя у подножія Альпъ. Здѣсь все приспособлено для отдыха и пріятной жизни. Поѣздка на озеро особенно пріятна зимою, но и лѣтомъ здѣсь не жарко, а зимою не холодно.

Но вернемся въ Венецію...

Изъ гостиницы, нѣкогда бывшей дворцомъ одного изъ венеціанскихъ дождей, по мраморнымъ лѣсенкамъ, между балконами и площадками, богато украшенными живописью, съ хрустальными люстрами и массой зеркалъ, мы спустились на площадку дома на берегу маленькаго канала...

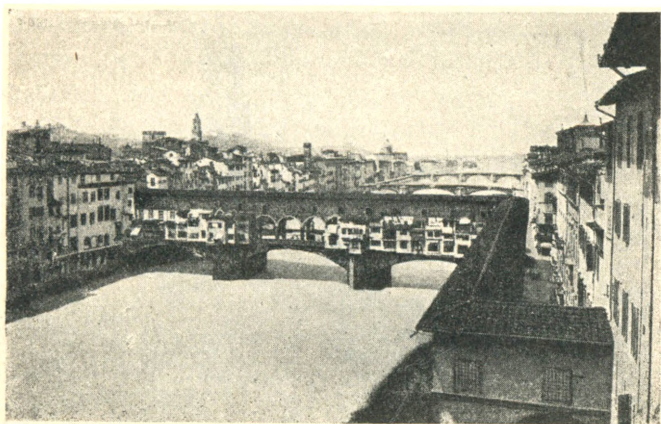
Черная гондола съ фанаремъ въ носовой части и гондольеромъ съ весломъ на кормѣ ловко лавировала въ узкихъ каналахъ и при встрѣчахъ...

Издали неслись звуки мандолины; съ Большого канала слышно было пѣніе дуэта. Мы тихо плыли среди дивныхъ дворцовъ, находясь подъ впечатлѣніемъ абсолютной тишины, какую только можно встрѣтить въ Венеціи.

Но вотъ и вокзалъ... Шумъ, суতোлка, крики носильщиковъ, свистки паровозовъ...

Мы снова въ поѣздъ...

Среди лагунъ, по искусственной насыпи, среди воды, поѣздъ уносилъ насъ изъ Венеціи въ Болонью. Но на пути Падуя... Нельзя миновать ее и не остановиться въ ней; особенно для любителя живописи. Въ небольшомъ городкѣ, или точнѣе около него, въ двухъ небольшихъ церквахъ — въ церкви Эремитани и церкви на Арентъ, поражающихъ красотой, стройностью

Флоренція.

Общій видъ и Старый мостъ.

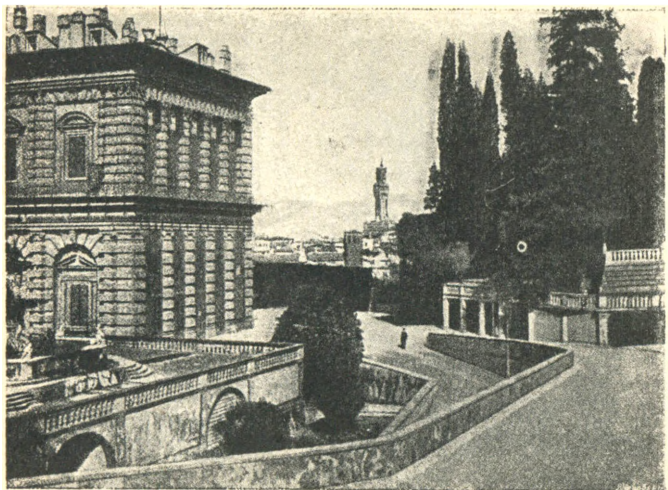
архитектуры и цѣльностью впечатлѣнія, имѣются шедевры итальянской живописи: въ первой знаменитыя фрески Монтенни, а во второй еще болѣе замѣчательныя фрески Джіотто, прозваннаго „отцомъ итальянской живописи“. Только ради этихъ замѣчательныхъ произведеній художества и слѣдуетъ остановиться въ Падуѣ... Самый же городъ съ узкими улицами, низкими аркадами, со старымъ соборомъ, черной башней за мостомъ, связанный съ именемъ средне-вѣковаго злодѣя Эччелино Свирѣпаго, производить унылое и тоскливое впечатлѣніе...

За Падуей характеръ мѣстности мѣняется... Миновавъ гряду Эвгапейскихъ горъ, поѣздъ сразу попадаетъ въ равнины съ ихъ почти не исчезающимъ туманомъ.

Флоренція:

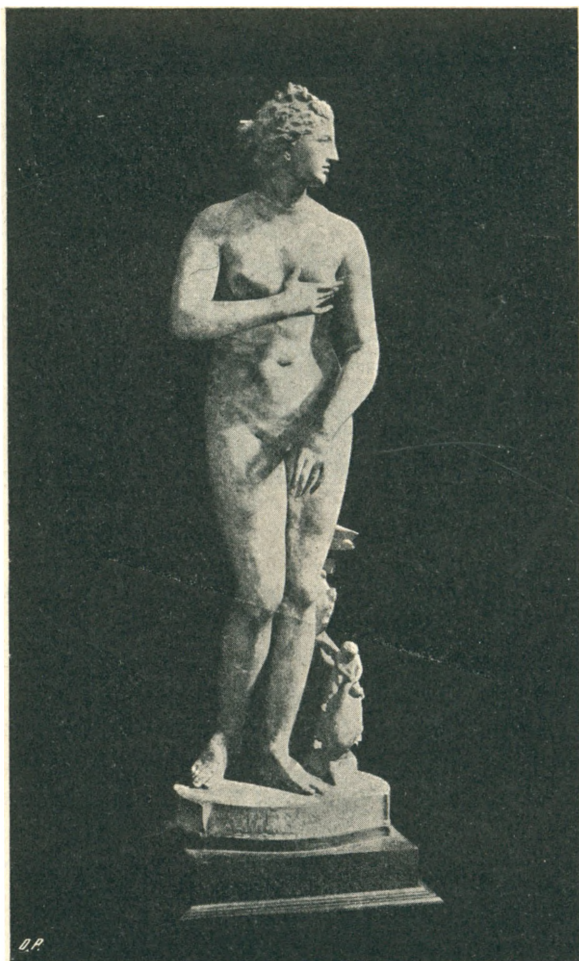
Дворецъ Медичи и площадь Сеньоріи:

Флоренція.

Палаццо Питти.

Но вотъ кладбище былого, нѣкогда знаменитая Феррара съ ея рыцарскою литературой, съ шумѣвшими въ весь міръ турнирами, поэзіей, съ „Освобожденнымъ Іерусалимомъ“ Т. Тассо и герцогскимъ дворомъ, этикету котораго подражали даже французскіе короли. Но городъ рыцарей, королей и поэтовъ умеръ, и теперь въ томъ замкѣ, гдѣ шли пиры, устраивались состязанія пѣвцовъ и поэтовъ, знаменитые турниры, гдѣ Т. Тассо томился отъ любви къ двумъ принцессамъ, за сохранившимися еще донинѣ рвами, подъемными мостами помѣщается... полицейская префектура. Полицейскій покажетъ посѣтителю тюрьму, расска-

Флоренція.

Венера Медицейская.

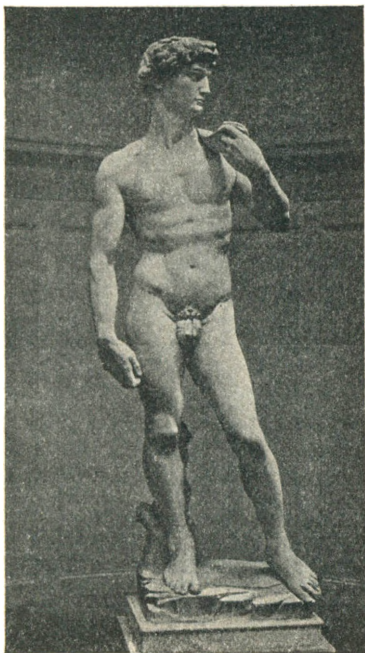
жетъ исторію любви Уго и Паризины, — пасынка и мачехи, брошенных мужемъ послѣдней въ темницу, и о жестокостяхъ Никколо III, заговорѣ Джуліо, протомившагося въ каменномъ мѣшкѣ 34 года, и о мн. др.

Но не этотъ замокъ герцоговъ д'Эсте привлекаетъ туристовъ въ умирающую или даже умершую Феррару, поросшую на улицахъ травой, а знаменитыя фрески Косса, Тура и другихъ художниковъ, которыми расписаны стѣны Скифанойи, лежащей въ концѣ города. Фрески относятся къ XV в. и высоко цѣнятся знаатоками живописи...

Послѣ Венеціи, Падуи, Феррары пріятно отдохнуть

въ Болоньѣ съ ея здоровымъ климатомъ, среди окружающихъ ее виноградниковъ и луговъ.

Каждого впервые пріѣзжающаго въ „жирную Болонью“, какъ ее зовутъ итальянцы, прежде всего поражаетъ дешевизна.

Флоренція. Микель Анджело. Давидъ.

Донателло. Флоренція.
Давидъ.

Болонья интересна не только своимъ веселымъ, спокойнымъ населеніемъ, своей простотой, виномъ, обиліемъ съѣстнаго, но она сыграла видную роль въ исторіи итальянскаго искусства и сохранила въ себѣ памятники цѣлаго тысячелѣтія.

Болонья — родина знаменитыхъ трехъ братьевъ Каррачи, Гвидо Рени, произведения которыхъ украшаютъ галлерей Европы. Значеніе Болоньи въ исторіи искусства громадное: братья Каррачи положили

основаніе болонской школы живописи. Но великое значеніе Болоньи и въ наукѣ: древняя столица Романіи — колыбель науки. Здѣсь находится древнѣйшій въ Европѣ университетъ, привлекавшій и ученыхъ и студентовъ со всей Европы; здѣсь зародились свободныя ассоціаціи профессоровъ и студентовъ, здѣсь еще въ XII в. существовала полная автономія высшей школы. Въ болонскомъ университе-

Флоренція.
Донателло. Св. Георгій.

тѣ сокровищницу знанія пополняли и женщины. На протяженіи 5 вѣковъ (XIV — XIX) Болонья дала рядъ ученыхъ женщинъ-профессоровъ — Доротея Букки (XV), Лаура Басси, Газетана Амнези, Анна Моранди, Марія даже Донна и др., обогатив-

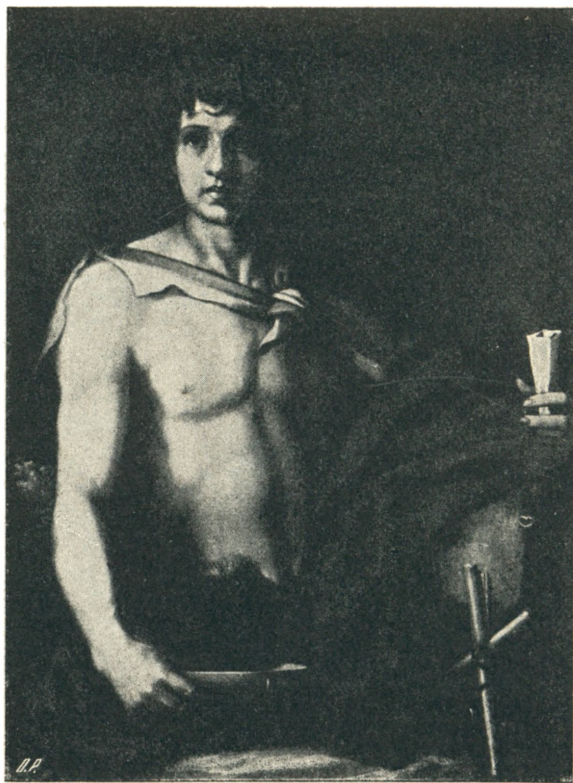

Флоренція.

Гуго Ванъ-деръ-Гесъ. Поклоненіе пастуховъ.

шихъ своими изслѣдованіями медицину, естественныя науки, математику. Передъ авторитетомъ Маріи даже Донна склонился Наполеонъ I.

Университетъ и Болонья слились какъ бы въ одно цѣлое: безъ университета нѣтъ Болоньи, безъ Болоньи нѣтъ болонскаго университета,

Флоренція.

Андреа Вавнукки. Іоаннъ Креститель.

Флоренція.

Мурильо. Дѣва Марія съ Младенцемъ.

бывшаго разсадникомъ просвѣщенія и создателемъ цѣлаго ряда мѣстныхъ академій. Университетъ на протяженіи ~~долгихъ вѣковъ~~ проникалъ всю жизнь Болоньи и оказывалъ могущественное вліяніе на всѣ ея проявленія.

Церкви и галереи Болоньи полны художественными сокровищами, особенно братьями Каррачи, Пьеро делла-Франческо и Гвидо Рени. Не нужно забывать, что многіе путешественники считают Болонью по богатству сокровищъ однимъ изъ важныхъ художественныхъ центровъ Италіи, уступающихъ первенство только Риму и Флоренціи. Мастера Болоньи Каррачи, Домени Кино, Гвидо Рени занимаютъ въ искусствѣ такое же мѣсто, какъ Рафаэль, Корреджіо, Микель Анджело...

Отсюда ясно, что Болонья, несмотря на то, что она провинціальный городъ, полна интереса, и въ ея памятникахъ отражаются воспоминанія цѣлаго тысячелѣтія. Туристъ не можетъ и не долженъ миновать этотъ во всѣхъ отношеніяхъ интересный городъ, хотя впереди и лежитъ Bella Firenze. Но туристу слѣдуетъ хотя на нѣсколько часовъ съѣздить въ Равенну, гдѣ сохранилось наиболѣе сильно вліяніе и памятники Византіи, а въ храмѣ Санъ-Витале, построенномъ въ VI в., можно видѣть яркость красокъ византійской мозаики, а среди мозаичныхъ картинъ, покрывающихъ стѣны и изображающихъ византійскихъ святыхъ, мы най-

демъ неподвижныя лица императора Юстиніана и императрицы Θεодоры.

По пути изъ Равенны въ Пинету, которую за сосны такъ любилъ Байронъ, лежитъ заброшенная церковь Санта-Марія инъ Порто, воспѣтая въ Дантовскомъ раѣ, какъ „Домъ нашей Владычицы на Адриатическомъ морѣ“.

Флоренція, Уффіци.
Федеріго Бароккі. Христосъ и Марія Магдалина.

Флоренція. Б. Гаццетти. Голова всадника изъ „Путешествія волхвовъ“.

Флоренція.

VI.

Флоренція! Сколько воспоминаній связывается съ этимъ прекраснымъ городомъ цвѣтовъ, сколько великихъ именъ встаетъ передъ вами, когда вы проходите по ея улицамъ, дворцамъ, храмамъ и галлереямъ! Какъ нѣкогда Аѣины являлись центромъ культуры всего древняго міра, такъ на рубежѣ новой исторіи, въ Эпоху Возрожденія, свѣточемъ науки и искусства явилась Флоренція. Она оказала могущественное вліяніе на послѣдующую исторію человѣчества, и въ относительно короткое время подарила міру въ области мысли и искусства рядъ блестящихъ именъ, изъ которыхъ каждое вызывало удивленіе послѣдующихъ поколѣній: Сандро Боттичелли, Микель-Анджело, Корреджіо, Леонардо да Винчи, Тиціанъ, Данте, Петрарка, Торквато-Тассо, Боккачіо, Галилей, Макиавелли, Савонарола, Америго Веспуччи и многіе другіе. О нихъ во Флоренціи говоритъ все: вы встрѣчаете этихъ великихъ людей и на памятни-

Флоренція.

Бенаццо Г'аццолі. „Путешествіє волхвовъ“.

кахъ, и въ дворцахъ, и въ храмахъ, гдѣ вы любуетесь изумительной творческой силой, создавшей перлы въ области скульптуры, живописи и архитектуры. Въ національной библіотекѣ вы видите рукописи знаменитыхъ поэтовъ, положившихъ прочное основаніе объединенію Италіи. Да, имя Данте, воспѣвшаго Флоренцію въ „Божественной Комедіи“, должно быть поставлено рядомъ съ именами Мадзини и Гарибальди. Онъ первый началъ дѣло объединенія, создавши изъ различныхъ нарѣчій одинъ звучный и простой языкъ, на которомъ заговорила вся Италія. Во Флоренціи все полно Данте. Будемъ ли подниматься отъ воротъ Флоренціи по высокой лѣстницѣ въ санъ Миніато, бывший монастырь, описанный въ двѣнадцатой пѣсни чистилища, мы найдемъ тамъ высѣченныя слова Данте на камнѣ; пойдемъ ли мы въ старинныя церкви и паллацо и тамъ полно Данте... Данте любилъ Флоренцію и болѣлъ объ Италіи и писалъ о своемъ городѣ много, потому что, „я (онъ) тотъ, кто пишетъ, когда побуждаетъ къ тому любовь, и такъ записываю я только, что говорить во мнѣ“. Данте и Флоренція не раздѣлимы, какъ не раздѣлимы онъ, Мадзини и Гарибальди съ Италіей. Не простая случайность, а глубокая идея въ Санто-Кроче начертала два имени рядомъ съ великолѣпной гробницей Данте, гдѣ Поэзія въ глубокой скорби склонила свою голову, а Италія съ гордостью указываетъ на голову поэта, увѣнчаннаго лаврами, какъ бы декламируя:

Флоренція.

Джентиле до Фабріано. „Поклоненіє волхвовъ“.

Не говори съ тоской: „ихъ нѣтъ“,
А съ благодарностію: „были!“

Въ Санто-Кроче, положимъ, нѣтъ великолѣпныхъ памятниковъ послѣднимъ героямъ объединенія Италіи; но тамъ, гдѣ погребенъ великій поэтъ, провозвѣстникъ объединенія, необходимо было напомнить и о Мадзини, и о Гарибальди: „Джузеппе Мадзини—Италія“, „Джузеппе Гарибальди—Италія“ — эти лаконическія надписи на мѣдныхъ доскахъ, по справедливому замѣчанію нашего гида, выражаютъ то чувство глубокой благодарности, какое носитъ въ своемъ сердцѣ каждый итальянецъ, вспоминая своихъ героевъ. Мадзини и Гарибальди свергнули владычество австрійцевъ, тиранію Бурбоновъ и уничтожили политическую власть папы; они дали свободу итальянскому народу.

Но свобода и инициатива процвѣтали во Флоренціи и въ Эпоху Возрожденія. Только при соблюденіи этихъ условій и возможно нормальное развитіе челоѣчества; только при наличности ихъ и возможенъ тотъ изумительный расцвѣтъ науки, искусства и литературы, который мы встрѣчаемъ во Флоренціи, особенно во времена Козьмы Медичи и Лаврентія Великолѣпнаго. Въ Санто-Кроче мы находимъ изумительной работы гробницы Галилея, Микель-Анджело, Макиавелли и др.

Въ той же церкви погребенъ и знаменитый поэтъ свободы Альфіери. Передъ Санто-Кроче

Флоренция.

Роджеръ Вант-деръ-Ведентъ. „Поглоненіе волхвовъ“.

возвышается памятникъ изъ бѣлаго мрамора безсмертному Данте, а недалеко расположена каза Буаноротти, гдѣ все полно воспоминаніями о великомъ художникѣ, гдѣ собраны его эскизы, проекты, картины; знаменитый же Давидъ его работы помѣщенъ въ „Академіи изящныхъ искусствъ“ и вызываетъ удивленіе среди знатоковъ искусства.

Флоренція считается любимицей поэтовъ и художниковъ и, благодаря своимъ сокровищамъ искусства, сдѣлалась центромъ притяженія для всего образованнаго міра. Здѣсь въ музеѣ „Uffizi“ находится знаменитая Венера Медицейская, соперничающая по изяществу работы и красотѣ формъ съ еще болѣе извѣстной Венерой Милосской, находящейся въ Луврѣ.

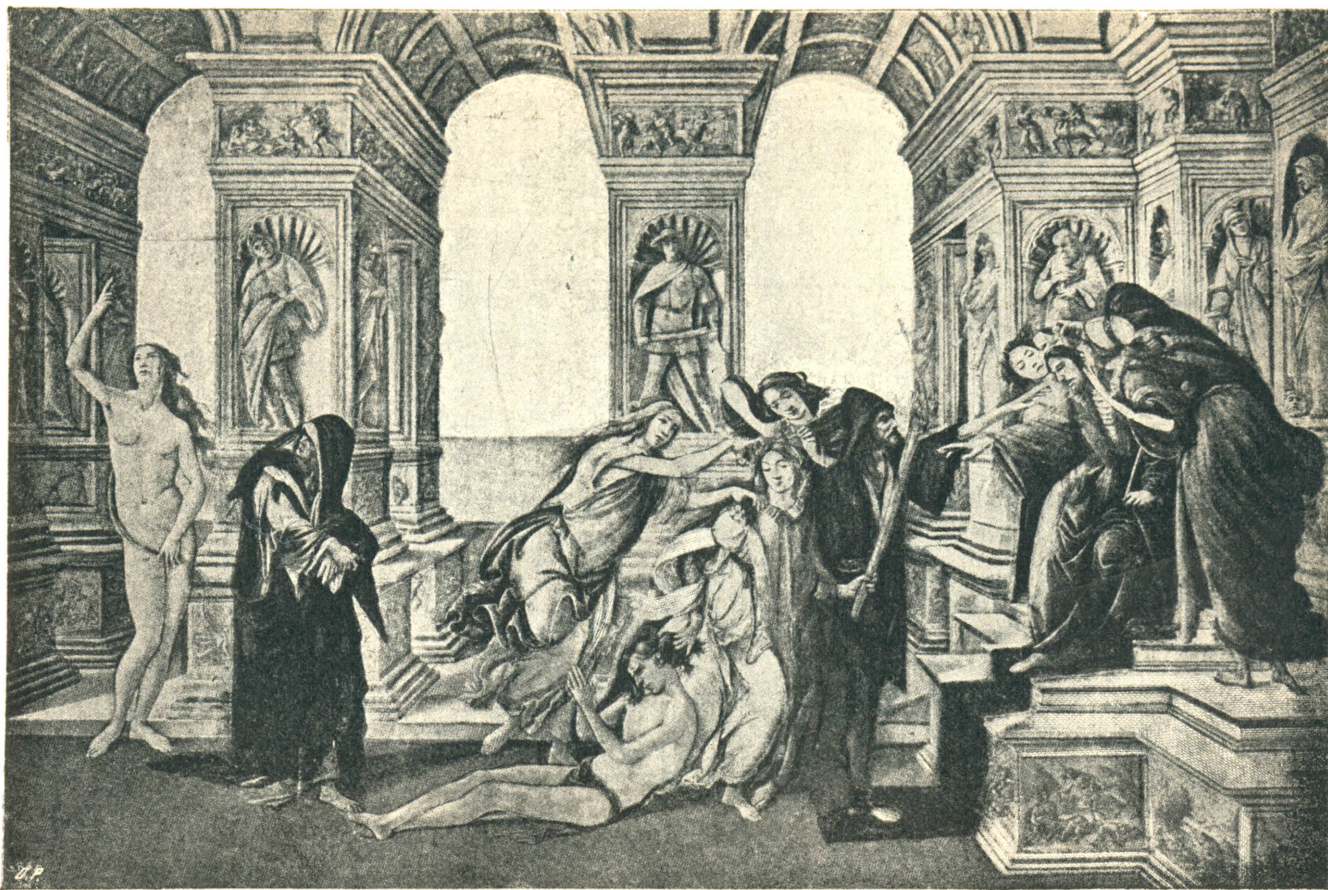
Венера Милосская найдена безъ рукъ, а Венера Медицейская—вполнѣ цѣлая статуя. Въ этомъ же музеѣ мы найдемъ классическую Ніобею и многія другія чудеса древне-греческаго и римскаго искусства. Но особенно богата Флоренція живописью. Въ ея музеѣ Uffizi и музеѣ Pitti, соединенныхъ между собой красной галлереей, протянувшейся, по крайней мѣрѣ, на версту и построенной первыми славными Медичи, а не ихъ ничтожными потомками, имена С. Боттичелли, Донателло, Тиціана, Рафаэля, Леонардо да-Винчи, Мурильо, Гв. Рени, Строцци, П. Веронеза и др. встрѣчаются на каждомъ шагу, и вы не знаете, на какой изъ картинъ остановиться, чѣмъ восхищаться. Вотъ самое полное выраженіе христіан-

Флоренція.

Сандро Боттичелли. „Покло́неніє Младенцу Христу“.

скаго идеала состраданія и любви, какое только могъ дать безсмертній Рафаэль своей Мадоннѣ. Вы смотрите на это единственное въ своемъ родѣ произведеніе и успокаиваетесь тѣмъ тихимъ участіемъ, съ какимъ смотрятъ въ глубину вашей души чудные глаза Богоматери и неземная красота ея Божественнаго Младенца. Наконецъ, вы оторвались отъ этой чудной картины, но васъ приковываетъ къ себѣ св. Іоаннъ А. Ваннуки, и вы поражены глубокимъ, исполненнымъ мысли взоромъ. Вамъ кажется, что съ картины смотреть живое лицо. Вы отходите отъ этой картины, но глубокое страданіе и всепрощеніе, написанное Гвидо Рени на лицѣ Великаго Страдальца, не даетъ пройти мимо, и вы остановились, пораженные глубокой скорбью этого лица. Съ душой, наполненной рыданіями, съ глазами, полными слезъ, вы смотрите на св. Себастіана, на Распятіе Боттичелли, на „Ессе Ното“, на Христа, несущаго крестъ, Тиціана, работы Брунелески, вы удивляетесь красотѣ „Мадонны“ Мурильо; загипнотизированные проникновеннымъ взоромъ Богоматери и неземной красотой Младенца, въ глазахъ котораго ужъ написано страданіе, вы не можете оторваться отъ лучшей картины испанскаго художника. Но впереди еще много чудесъ искусства, и не знаешь, на которомъ изъ нихъ остановиться. Пораженные изображеніемъ ужаса во взорѣ головы Медузы, работы великаго художника Возрожденія, вы опять

отдыхаете на картинахъ Ботичелли, Строщи, Леонардо да-Винчи и др. великихъ мастеровъ.

Даже улицы Флоренціи полны геніальными произведеніями. На площади Signoria, гдѣ бьетъ изумительной работы фонтанъ Нептуна и тритоновъ, въ открытой съ боковъ терассѣ, оставшейся еще отъ временъ Медичи, рядомъ съ ихъ дворцомъ, гдѣ теперь въ роскошныхъ палаццо съ чудной лѣпной работой, съ драгоцѣннѣйшими гобеленами засѣдаетъ муниципальный совѣтъ, стоитъ знаменитый Персей Бенвенуто-Челлини. Въ лѣвой его рукѣ отрубленная голова Медузы съ извивающимся змѣями вмѣсто волосъ. На лицѣ ея застыли ужасъ и выраженіе страшныхъ мукъ; тотъ же ужасъ, смѣшанный съ состраданіемъ и даже скорбью, написанъ на лицѣ героя. Онъ боится поднять взоръ, чтобы взглянуть на голову; онъ смотреть внизъ, но тамъ подъ ногами еще трепещетъ и конвульсивно бьется прекрасное тѣло. Рядомъ съ Персеемъ стоитъ другая бронзовая группа работы Піо-Феди — похищеніе Пирромъ Поликсены, дочери Пріама. Группа, полная экспрессіи, одушевлена идеей и въ полномъ смыслѣ слова живетъ. Въ „Loggia dei Lanzi“ собрано еще нѣсколько статуй и группъ замѣчательной работы; о каждой изъ нихъ можно писать страницы и не исчерпать ихъ красоты и достоинствъ. Отъ площади Синьоріи къ шумно катящей черезъ пороги волны р. Арно ведетъ улица-галлерей, сплошь уставленная статуями великихъ флорентійцевъ.

Шедевры работы знаменитыхъ скульпторовъ разставлены и въ другихъ мѣстахъ Флоренціи, особенно въ ея храмахъ, изъ которыхъ многіе сами—

Флоренція, Уффици.

Боттичелли. „Мадонна“.

верхъ совершенства архитектурнаго искусства. Я уже говорилъ о гробницахъ въ Санто-Кроче. Нельзя не упомянуть о мавзолеяхъ надъ могилами Медичи, находящихся въ усыпальницѣ ихъ — церкви св.

Флоренція, Уффици.

Боттичелли. „Рожденіе Венеры“.

Лоренцо. Здѣсь находятся два мавзолея работы Микель-Анджело съ прославленными статуями „Дня и Ночи“, являющимися, по мнѣнію знатоковъ, единственными въ мірѣ, по задуманной идеѣ и выполненію ея, памятниками скульптуры. Также полонъ идеи и мысли другой памятникъ работы знаменитаго ваятеля — надъ могилой К. Медичи со статуями „Вечера и Утра“. Въ этихъ памятникахъ изображены всѣ страданія Микель-Анджело и всѣ бѣдствія Италіи и въ то же время проведены контрасты между жизнью и смертью. Всѣ творенія рукъ Микель-Анджело таковы, что о каждомъ изъ нихъ можно написать цѣлый философскій трактатъ. Когда въ 1554 г. Медицейская часовня,

гдѣ помѣщаются творенія М. Анджело, была открыта для богослуженій; вызванное работами художника восхищеніе было неописуемо. Поэты посвятили ему болѣе ста хвалебныхъ сонетовъ и стихотвореній. Творенія его мощны, сурово прекрасны, и ихъ „краса для всѣхъ непостижима, и все какъ въ первый день свѣтла!“

Соборъ „Del Duomo“ работы Брунелески, обдѣланный снаружи чернымъ и бѣлымъ мраморомъ, украшенный замѣчательной рѣзбой и статуями, съ колокольной работы трехъ извѣстныхъ архитекторовъ, по моему мнѣнію, — красивѣйшее въ мірѣ зданіе. Соборъ производитъ на зрителя сильное впечатлѣніе. Внутри онъ бѣденъ украшеніями; но эта бѣдность вознаграждается красо-

Флоренція, Академія.

Боттичелли. „Весна“.

Флоренція, Уффици. Боттичелли. „Портретъ Джованни Козимо де-Медичи“.

той линій и изломовъ, придающихъ внутренности собора замѣчательную гармонію, которая ласкаетъ взоры посѣтителя. Рядомъ съ соборомъ находится восьмигранная Баптистерія, о которой Данте говорилъ: „мой прекрасный Санъ-Джіовани“. Эта часовня, гдѣ въ былыя времена флорентійцы крестили своихъ дѣтей, является чудомъ архитектуры всего міра, а ея украшенныя барельефами изъ Библіи бронзовые двери — въ полномъ смыслѣ уникамъ; недаромъ такой великій художникъ какъ Микель-Анджело называлъ ихъ вратами рая. Перечисляя замѣчательныя въ художественномъ и историческомъ отношеніи памятники, нельзя обойти молчаніемъ монастыря св. Марка, гдѣ и теперь еще чувствуется суровая проповѣдь дѣмократа-аскета Савонаролы противъ роскоши и богатства. Иронія судьбы поставила статую этого проповѣдника простоты въ роскошномъ дворцѣ, бывшемъ резиденціей Медичи. Статуя среди этой роскошной обстановки не можетъ произвести надлежащаго впечатлѣнія, и современные дѣти флорентійцевъ въ ней не узнаютъ того, кто изъ нихъ организовывалъ отряды для уничтоженія

Флоренція. Джорджіоне.
Голова изъ концерта.

предметовъ роскоши. Статую Савонаролы мы видѣли во многихъ городахъ Италіи, но ни одинъ изъ памятниковъ, по моему мнѣнію, не выражаетъ той идеи, которую преслѣдовалъ въ жизни этотъ суровый пуританинъ и демократъ. Только одна небольшая статуя въ садикѣ Капитолія Рима до нѣкоторой степени олицетворяетъ эту идею.

Итальянское искусство беретъ свое начало въ искусствѣ первыхъ вѣковъ христіанства; но жи-

Флоренція.

Мазаччіо. „Чудеса апостоловъ“.

вопись и ваяніе, начиная съ 4-го вѣка, подъ вліяніемъ католической нетерпимости, преслѣдованій и т. п. явленій, быстро падаетъ, и средніе вѣка намъ не даютъ почти никакихъ памятниковъ. Только архитектура продолжаетъ развиваться, почерпая для себя формы въ византійскомъ стилѣ, а съ XI в. — у мавровъ. Позднѣе въ Италію проникаютъ образцы готическаго стиля, появившагося впервые въ Германіи. Флорентійскіе ар-

хитекторы слѣпо не придерживались формъ какого-либо одного опредѣленнаго стиля; они предоставили свободный полетъ фантазіи, комбинировали различныя формы и создали тосканскую школу, прародительницу ренессанса. Они сбросили съ себя гнетъ мистическаго страха и слѣпое преклоненіе передъ формой. Украшенія внутри храма — колонны, барельефы, мозаику, картины, статуи и пр. — они перенесли на наружныя стѣны, комбинировали формы всѣхъ извѣстныхъ тогда школъ, отдавая особое предпочтеніе коринфскому стилю, и достигли въ этомъ отношеніи замѣчательнаго совершенства.

Флоренція. Чимабуэ. Мадонна.

Флоренція. Беато Анжелико. Христосъ въ Преторіи.
(Часть картины.)

Такимъ образомъ явился замѣчательный флорентійскій соборъ съ громаднымъ куполомъ Брунелески, церковь Санто-Кроче, различныя палаццо, которыми и теперь восхищаются знатоки. Всѣ эти памятники относятся къ Эпохѣ Возрожденія, когда и скульптура, и живопись достигли удивительнаго совершенства.

Послѣ упадка, проявляющагося подѣ влияніемъ католическаго спиритуализма съ IV и V вв., въ срединѣ XIII в. Николо-Пизано, а за нимъ Андрей Пизано поставили главной цѣлью изображеній стремленіе къ правдѣ и жизненности. Андрей Пи-

Флоренція.

Рафаэль Санціо. Мадонна делла sedia.

зано былъ авторомъ знаменитыхъ дверей флорентійской Баптистеріи. Въ флорентійскихъ школахъ мастеровъ выросъ и развился талантъ Сандро Боттичелли, долгое время не признаваемый историками живописи, и только 50 лѣтъ тому назадъ

человѣчество оцѣнило автора Мадоннъ и Венеръ, какъ замѣчательнаго художника и генія человѣчества, черезъ произведенія котораго итальянское искусство выросло въ искусство флорентійскаго кватроченто, даващаго міру геніальныя творенія геніальныхъ художниковъ. Но настоящую революцію въ области итальянскаго искусства про-

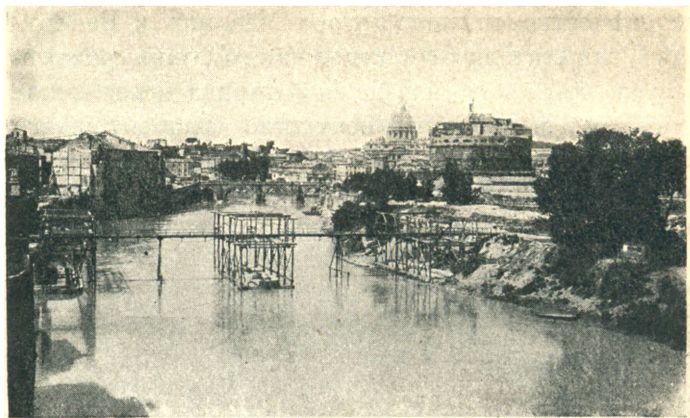

Флоренція.

Леонардо да Винчи. Голова Медузы.

извелъ Микель Анджело, ученикъ Донателло, перваго представителя натуралистическаго направленія въ Италіи. Насколько сильно было у М. - Анджело стремленіе къ реализму и жизненной правдѣ, говоритъ его каза *) во Флоренціи, гдѣ посѣтитель видитъ всѣ работы и

*) Хижина, домъ.

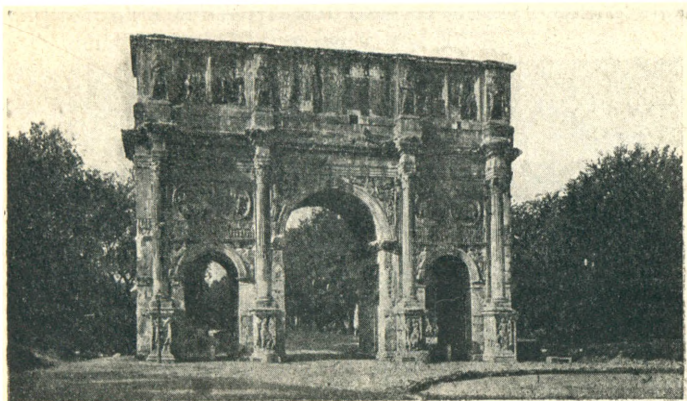
Римъ.

Тибръ и Ватиканъ.

эскизы знаменитаго живописца и ваятеля. Прежде чѣмъ создать картину или статую, онъ тщательно изучаетъ природу и тѣло человѣка, выпи-сываетъ его кости, мускулы и вообще детально разрабатываетъ строеніе человѣка. Не мудрено, что его Давидъ, Моисей и др. статуи и картины заставляютъ восторгаться знатоковъ искусства: тѣло какъ бы шевелится, жилы пульсируютъ, мускулы сокращаются, и статуя въ полномъ смы-слѣ слова живетъ. Микель-Анджело былъ не толь-ко художникъ, поклонникъ искусства для искус-ства, но и гражданинъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ 1527 г. онъ бросаетъ рѣзецъ и кисть и берется за оружіе: его призвало народ-ное возстаніе для защиты родного города, и въ качествѣ инженера онъ руководитъ укрѣпленіями

родины. Много трагическихъ дней было пережито великимъ человѣкомъ, много-много разочарованій испыталъ онъ за этотъ періодъ. Довольно мрачный по своему характеру, онъ дѣлается пессимистомъ, и эта черта характера сказывается на его послѣдующихъ произведеніяхъ.

Микель Анджело постоянно переходилъ отъ архитектуры къ скульптурѣ, отъ рѣзца къ кисти, и въ живописи явился достойнымъ соперникомъ Рафаэля Санціо. Соперничество этихъ двухъ великихъ художниковъ подарило міру шедевры, проникнутые жизненной правдой и красотой, которыми постоянно будутъ восхищаться знатоки искусства. Они оба, съ другими столь же блестящими художниками, явились родоначальниками того реалистическаго направленія въ искусствѣ, которое постепенно завоевало весь міръ, а въ

Римъ.

Арка имп. Константина.

самой Италіи дало рядъ блестящихъ творцовъ произведеній, которыя разбросаны по всей Италіи и отъ которыхъ, напр., работъ Кановы, всѣ приходятъ въ восторгъ. Имена этихъ художниковъ извѣстны всему міру и каждому грамотному итальянцу. Микель Анджело же и Рафаэль красуются на площадяхъ многихъ итальянскихъ городовъ. Только Гарибальди и Данте соперничаютъ съ ними въ популярности, особенно первый: кажется, нѣтъ мѣстечка въ Италіи, гдѣ бы не стояла его статуя или бюстъ.

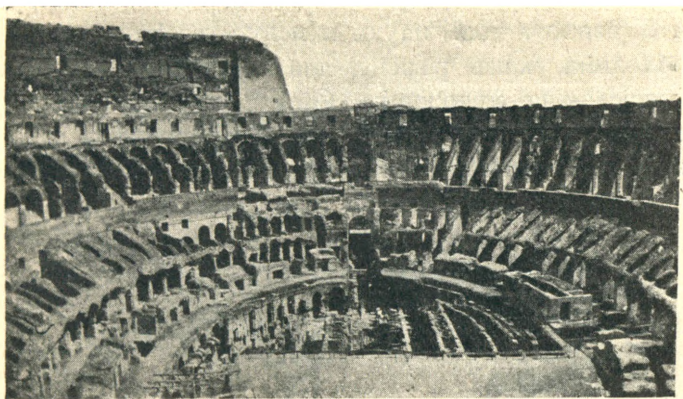
Однако вернемся къ Флоренціи.

Перечислить находящіеся въ Флоренціи памятники архитектуры, ваянія и живописи нѣтъ возможности. Флоренція — колыбель искусства не только для Италіи, но почти для всего міра: это—Аины Эпохи Возрожденія, родоначальникъ ренессанса. Чтобы только осмотрѣть всѣ достопри-

Римъ.

Аппіева дорога и развалины древняго водопровода.

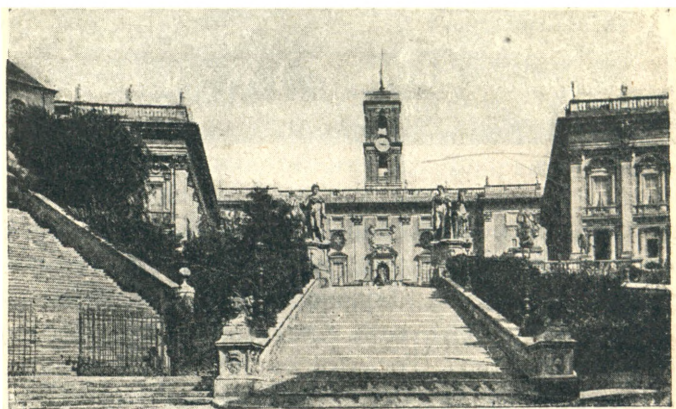
Римъ.

Колизей.

мѣчательности Флоренціи, нужны мѣсяцы, а не тѣ короткіе дни, которые мы могли провести въ этой столицѣ искусства. Нужно поѣхать во Флоренцію, чтобы понять тотъ умственный переворотъ, который охватилъ Тоскану въ XV и XVI вѣкахъ.

Въ „La bella Firenze“ 4 вѣка тому назадъ совершилась мирная революція Эпохи Возрожденія, подарившая міру гуманистовъ. Какъ Данте изъ нарѣчій Италіи создалъ одинъ національный языкъ для всей Италіи, какъ трудами великихъ художниковъ и скульпторовъ создавалась школа, куда еще долгое время будутъ ѣздить учиться, такъ гуманисты заронили въ душу человѣка искру пылливости, изслѣдованія и критическаго отношенія къ окружающему, подняли знамя возстанія противъ религіознаго спиритуализма, сблизили

античный міръ съ христіанскимъ и доказали міру, что свобода для науки и искусства такъ же необходима, какъ рѣзецъ для скульптора, кисти и краски—для художника. Они не пытали Галилея за его великія открытія, въ то время какъ католическая церковь заставила отречься Коперника отъ того, что для него уже было истиной. Они

Римъ.

Капитолій.

не скрывали, подобно Испаніи, открытія Новаго Свѣта. Америго Веспуччи немедленно опубликовалъ о своемъ открытіи Америки, которая вполне правильно названа его именемъ. Испанія же заковала въ кандалы Колумба и тщательно оберегала міръ отъ его великаго открытія, боясь, что извѣстіе о немъ пошатнетъ одинъ изъ догматовъ католической церкви. Почему знать — не будь

Америго Веспуччи, испанская священная инквизиція, быть можетъ, еще долго скрывала бы открытіе новаго материка, чѣмъ могла бы задержать развитіе промышленности, торговли и культуры.

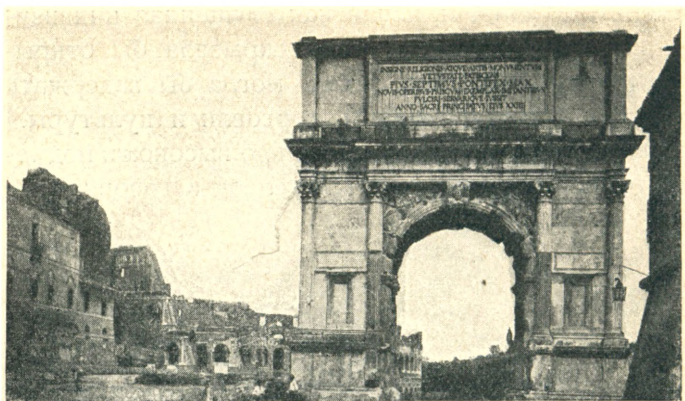
О многихъ великихъ дѣлахъ, о высокомъ подъемѣ гражданственности и интеллекта говорить во

Римъ.

Видъ на Колизей съ Паладинскаго холма.

Флоренціи памятники былого. Мы усталые, голые возвращались въ отель, гдѣ долгое время разсуждали о видѣнномъ, о свободномъ развитіи человѣческой мысли, о божественномъ умѣ человека, стѣснять который — величайшій въ мірѣ грѣхъ, а въ окна неслись звуки мандолины, смѣ-

Римъ.

Арка импер. Тита и Колизей.

нявшіеся серенадой хора студентовъ; торговцы предлагали цвѣты, между которыми больше всего было розъ; жизнь кипѣла; никто никому не мѣшалъ. Мы съ грустью вспоминали угрюмый сѣверъ, снѣжныя равнины, бѣдную жизнь, гдѣ едва-едва замѣтенъ вчерашній день. Здѣсь же передъ глазами проходили столѣтія, развертывались цѣлыя историческія эпохи, памятники говорили о смѣломъ полетѣ человѣческой мысли... А впереди — Вѣчный Городъ, бывшій дважды владыкою міра, гдѣ на насъ взглянуть цѣлыя тысячелѣтія въ видѣ колоссальныхъ памятниковъ.

Невозможно уѣхать изъ Флоренціи, не посѣтивъ Чертозу ди Валь съ лѣсомъ изъ кипарисовыхъ и оливковыхъ деревьевъ, не прогулявшись по роскошному парку, раскинувшемуся по берегу

р. Арно, шумно катящего свои бурные волны, не съѣздивъ на гору Микель Анджело со статуей Давида, откуда открывается великолѣпный видъ на всю Флоренцію, и не посѣтивъ лежащій у отроговъ Аппенинъ Прато. До Прато въ трамваѣ всего часть ѣзды по живописной мѣстности, среди виноградниковъ. Маленькій городишка съ кривыми грязными улицами хранитъ въ себѣ замѣчательную въ архитектурномъ отношеніи церковь Мадонны делле Карчери и знаменитый соборъ съ фресками Филиппо Липпи, о которомъ самъ Боттичелли говорилъ, что для великаго художника

Римъ.

Базилика имп. Константина и храмъ Весты.

было большимъ счастьемъ, что онъ учился у Фра Филиппо.

Прекрасна Флоренція, удивительны ея окрестности, прозрачный воздухъ, голубое небо, шедевры искусства и цвѣты, цвѣты безъ конца. Все это оставляетъ неизгладимое и разнообразное впечатлѣніе, которое не можетъ ослабить даже Вѣчный Городъ съ его сокровищами искусства и историческими памятниками.

Р и м ъ.

VII.

Къ Риму нужно подъѣзжать съ юга.

Насколько живописна неаполитанская Кампанья, настолько же печальны и пустынные окрестности Рима.

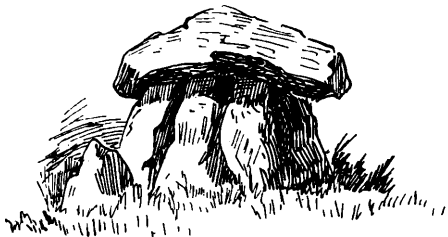
Дурное управленіе и войны за послѣднія двѣ тысячи лѣтъ сдѣлали нѣкогда плодородную, цвѣтущую и густо населенную провинцію, въ центрѣ которой лежитъ Вѣчный Городъ, столица обширнѣйшей въ тѣ времена имперіи, пустыней.

Великая могила прошлаго, старинный Римъ раскинулся на семи холмахъ по обоимъ берегамъ съ шумомъ катящей съ Аbruцкихъ и Сабинскихъ горъ свои волны рѣки Тибра. Зубчатая вершины этихъ горъ и понынѣ красиво окаймляютъ панораму Рима.

Склоны горъ усѣяны городами и полны историческими памятниками. Здѣсь можно найти остатки древняго римскаго водопровода; здѣсь у подошвы горъ извивается знаменитая Аппіева дорога,

главная артерія историческаго Рима, соединявшая столицу съ южными провинціями. По этой дорогѣ проходили толпы всего свѣта, удивляясь роскошнымъ гробницамъ, которыя стояли по обѣимъ сторонамъ дороги и говорили о величіи Рима и его героевъ. Римляне не хотѣли смерти, они боялись забвенья и посредствомъ монументовъ думали сохранить себя въ потомствѣ.

Мертвецы на Аппіевой дорогѣ еще и понынѣ смотрятъ своими безжизненными глазами изъ по-

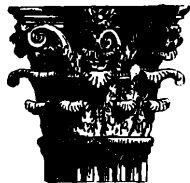
Римъ. Дольмень (циклопическая постройка).

луразрушен-
ныхъ гробницъ;
надписи на
гробницахъ
еще и теперь
вѣщаютъ о
громкихъ име-
нахъ и титу-
лахъ этой ал-
леи славы, бе-

зусловно побившей рекордъ передъ аллеей предковъ въ Берлинѣ. Здѣсь вы можете найти хвалебныя эпитафіи, посвященныя извѣстнымъ и неизвѣстнымъ римлянамъ и приписываемыя перу Сенеки, Горация и др.

По Аппіевой дорогѣ, въ настоящее время во многихъ мѣстахъ пересѣченной рельсовымъ путемъ, въ тѣ давнопрошедшія времена возвращались побѣдоносные римскіе легіоны, везли богатую добычу и сокровища, награбленные въ Греціи, Еги-

птѣ, Кароагенѣ и др. мѣстахъ. По этой же дорогѣ совершался торжественный вѣздъ триумфаторовъ, и они, громяхъ своими тяжелыми колесницами, принимали восторженныя привѣтствія толпы. А за ихъ тяжелыми колесницами шли скованные плѣнники, часто цари, художники и ученые. Несчастные плѣнники еще издали замѣчали тирана — городъ, наводившій трепетъ на весь тогдашній міръ. Передъ ихъ глазами, какъ и передъ глазами современнаго туриста, ѣдущаго изъ Неаполя, Вѣчный Городъ представлялся въ видѣ сѣраго пятна, которое постепенно выходило изъ тумана и принимало очертаніе города. Обрисовывались и всѣ семь холмовъ, на которыхъ расположенъ Римъ. Плѣнникамъ было не до чудной панорамы, которой теперь любимъ мы, подѣзжая къ Риму.

Римъ. Сложная римская капитель.

Они жадно всматривались вдаль и видѣли, какъ изъ дымки тумана выступалъ Капитолійскій холмъ, гдѣ зародилась жизнь народа — тирана, гдѣ вскормленные волчицей Ромулъ и Ремъ построили первый свой дворецъ. Рядомъ съ Капитоліемъ возвышается Палатинъ, весь покрытый въ настоящее время руинами огромныхъ дворцовъ, среди которыхъ въ былыя времена возвышался семиэтажный дворецъ Септемія Севера.

Этотъ колоссъ, три сохранившіеся этажа котораго и теперь поражаютъ туриста своей величи-

ной, былъ построенъ императоромъ-варваромъ для того, чтобы его можно было видѣть издалека. Африканскіе соотечественники императора любовались этой колоссальной и аляповатой постройкой и славили тирана. Вотъ весь заросшій зеленью Яникуланъ, гдѣ теперь паритъ надъ всѣмъ Римомъ конная статуя Гарибальди съ грозной и гордой

Римъ.

Общій видъ Форума.

надписью—„Римъ или смерть“; Виминаль, Квириналь, Целіанъ, сплошь застроенные теперь постройками, въ эпоху императоровъ сливались въ общемъ фонѣ зелени.

По мѣрѣ того, какъ блестящій кортежъ триумфатора подвигался къ Риму, сердце плѣнниковъ христіанъ, варваровъ, двигавшихся по Аппіевой дорогѣ, съ ужасомъ содрогалось, особенно когда

передъ ихъ глазами почти внезапно, изъ-за поворота дороги, вставало грандіозное зданіе.

Это страшный Колизей?

Нѣтъ, это только бани императора Каракалы, обставленныя съ неопикуемой роскошью, украшенныя раритетами и замѣчательными художе-

Римъ.

Умирающій гладіаторъ.

ственными произведеніями. Африканскій мраморъ перемѣшивался съ каррарскимъ, нефритъ съ лаписъ-лазурью, статуи Греціи съ художественными произведеніями Египта и другихъ странъ. Здѣсь императоръ справлялъ свои оргіи; здѣсь были и бассейны для купанья, и отдѣльныя ванны знатныхъ патриціевъ. Роскошь украшеній гимнасти-

Римъ.

Форумъ и колонна Траяна.

ческаго зала соперничала съ роскошью украшеній цирка, устроеннаго въ этомъ же зданіи для борьбы гладіаторовъ. Зданіе, которому мы удивляемся и теперь, внимательно разсматривая бассейны, статуи, колонны, цинковыя трубы для горячей и холодной воды, ложи, подземные коридоры,—это зданіе было только бани, а не Колизей. Грозный Колизей, скрытый каменнымъ заборомъ и величественными гробницами Аппіевой дороги, выступалъ передъ глазами путника также внезапно.

Въ настоящее время, когда смотришь на это уже наполовину разрушенное зданіе, приходишь въ изумленіе, и васъ охватываетъ трепеть, а въ тѣ далекія времена онъ долженъ былъ произво-

дять ошеломляющее впечатлѣніе, особенно на плѣнниковъ и христіанъ, ведомыхъ на мученія. Колизей былъ построенъ среди садовъ Нерона въ концѣ перваго вѣка нашей эры. Императоры задумали построить его, лѣстя грубому вкусу развращенной римской толпы, чтобы дать ей возможность насладиться кровавымъ зрѣлищемъ. Огромная арена Колизея наполнялась людьми, убивающими другъ друга; на арену выпускались самые кроваво-жадные звѣри, которые подъ аплодисменты 80.000 зрителей рвали на куски людей, а послѣдніе, поощряемые тѣми же аплодисментами, старались возможно красивѣе нанести ударъ. Всѣ—отъ императора и его приближенныхъ, до волнуемой черни—воспламенялись огнемъ страсти, наслаждались мученіями несчастныхъ, упивались ихъ кровью. Ихъ лица и отъ этой крови, и отъ ужасныхъ воплей, и отъ краснаго отблеска гигантскаго пурпурнаго велума, раскинутаго надъ ареной, дѣлались звѣроподобными.

Римъ.

Св. Стефанъ, скульптура по Бернини.

Вся эта ужасная картина, при воспоминаніи о которой волосы встають дыбомъ, говоритъ намъ о причинахъ паденія великаго Рима. Злая дѣла должны были истощать соки здоровой римской цивилизаціи, отдать Римскую имперію во власть варварамъ и отодвинуть Италію на 10 вѣковъ назадъ.

Римъ.

Катакомбы св. Стефана.

Войдите во внутрь современнаго разрушеннаго на половину колосса; посмотрите на каменное кружево, черезъ просвѣты котораго смотреть благодатное синее небо, пройдитесь по цѣлой сѣти лѣстницъ, коридоровъ, погруженныхъ теперь въ мертвый сонъ, посмотрите на лабиринтъ проходовъ и входовъ подъ ареной, на ужасныя каменные клѣтки для людей и желѣзныя для звѣ-

рей, остановитесь передъ подъемными дверцами, различными западнями и вспомните, сколько невѣроятныхъ мученій, сколько горя и слезъ, какое море крови было пролито здѣсь! Нужно удивляться, какъ стоны не разрушили этихъ стѣнъ, какъ слезы и кровь не подмыли ихъ, и какъ ясное солнце не спалило Колизей—этотъ памятникъ ужаснѣйшихъ преступленій, какія только могло

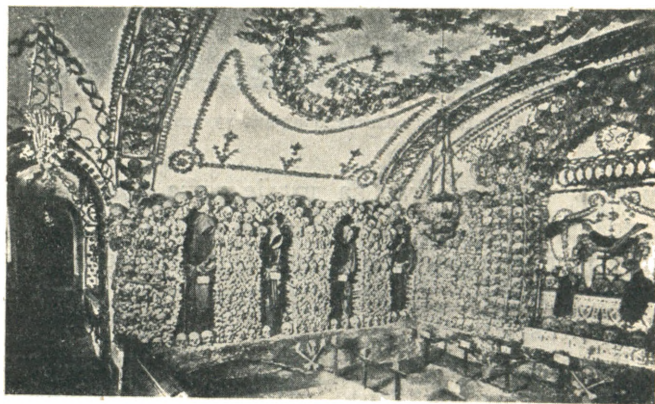
Послѣдняя молитва христіанъ мучениковъ.

видѣть челоувѣчество за долгіе вѣка своего существованія. Между тѣмъ еще въ 'средніе вѣка среди христіанскихъ паломниковъ существовало преданіе, что Римъ будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока стоитъ Колизей.

Дальше отъ этого зданія ужаса и крови, дальше въ глубину вѣковъ... Пойдемъ за триумфаторомъ и плетущимся за его колесницей плѣнни-

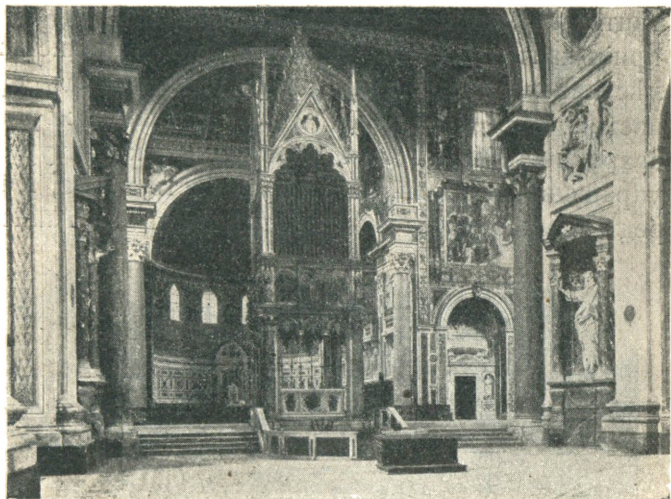
ками; пойдѣмъ за ними по Аппіевой дорогѣ, минуемъ Колизей и по изрытой колесницами мостовой Via Sacra, черезъ прекрасно сохранившіяся арки Константина и Пана, войдемъ на знаменитый Форумъ; здѣсь все полно исторіей прошлаго. Но чтобы видѣть процессію, чтобы яснѣе представить великую римскую исторію, поднимемся на Палатинъ, гдѣ руины дворцовъ Августа, Тиверія, Клавдія и Септимія Севера говорятъ о величии былого. Передъ нами чудная картина настоящаго и историческаго прошлаго.

И здѣсь, удовлетворяя праздному любопытству туристовъ, современный римлянинъ сочинилъ историческій анахронизмъ: вамъ покажутъ пещеру, въ которой мифическіе Ромулъ и Ремъ были выкормлены волчицей, хотя въ баснѣ о первыхъ

Римъ.

Кладбище капуциновъ.

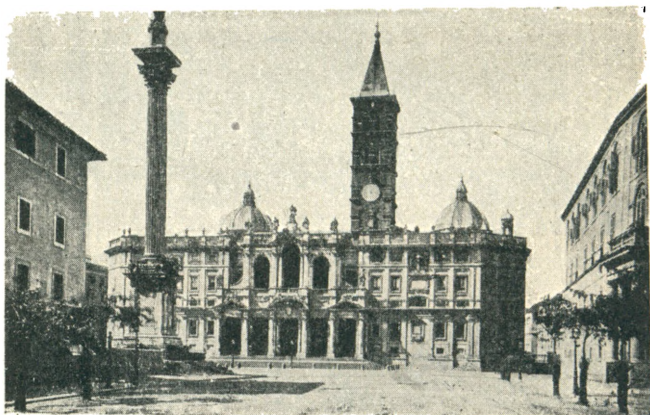
Римъ.

Внутренность церкви св. Джіованни Латеранскаго.

царяхъ Рима упоминается, что эта пещера была на самомъ берегу Тибра. Минуемъ историческую поддѣлку и по крутому склону горы подыдемся во дворецъ Августа, теперь представляющій кучу мусора, повернемъ налѣво и пройдемъ по ристалищу, гдѣ устраивались состязанія въ бѣгахъ.

Стѣны сохранились хорошо, но ни одна колонна не уцѣлѣла: всѣ онѣ развезены чуть ли не по всему міру, и особенно много ихъ въ римскихъ церквахъ и у св. Петра, куда, кажется, попала большая часть колоннъ и украшеній со всего древняго Рима. Изъ ристалища пройдемъ въ ложу императора, и черезъ проломъ въ стѣнѣ ги-

гантскаго дворца Септимія Севера, къ которому примыкалъ дворецъ Тиверія, по извилистымъ лѣстницамъ и мостамъ, перекинутымъ надъ пропастью, образовавшейся между стѣнами, хорошо сохранившими мѣстами фрески и скульптурныя украшенія, войдемъ на южную часть холма, и передъ нами откроется чудесный видъ на Аппіеву

Римъ.

Церковь Маріи Маджіоре.

дорогу, гдѣ видны еще кучи отъ знаменитаго Sentizonium—семиэтажной башни, разрушившейся только въ XIV в. Мы снова увидимъ бани Каракалы, соединенныя подземнымъ ходомъ съ Палаатиномъ.

Мы не станемъ осматривать нижніе этажи разрушеннаго дворца Септимія Севера, изъ 7 этажей котораго осталось всего три, не будемъ ходить

по подземнымъ галлереймъ и заламъ, гдѣ помѣщались преторіанцы и гдѣ въ одномъ изъ коридоровъ былъ убитъ Калигула; но не можемъ не остановиться передъ циклопическими постройками, говорящими, что подъ древнимъ Римомъ лежалъ еще городъ, были еще постройки. Эти громадные камни, грубо обтесанные, наваленные одинъ на другой въ какомъ-то дикомъ безпоряд-

Римъ.

Базилика св. Павла.

кѣ, какъ будто великаны строили здѣсь крѣпость, говорятъ намъ, что передъ нами не 27 вѣковъ исторіи, а значительно больше.

Здѣсь за нѣсколько тысячелѣтій до насъ жилъ народъ, имѣвшій свою культуру, свои памятники.

Историки и археологи въ гигантскихъ камняхъ усматриваютъ постройки этрусковъ или тусковъ, въ послѣдствіи населившихъ одну изъ провинцій Рима—Этрурію. Этруски достигли въ архитектурѣ

большого искусства, впоследствии даже сами римляне широко пользовались при постройкахъ, особенно триумфальныхъ воротъ, цирковъ и т. п., аркой и сводомъ, взятыми у этрусковъ.

Но оставимъ эти безмолвные камни, не имѣвшіе даже надписей и іероглифовъ, и черезъ двери и лѣстницу преторіанцевъ войдемъ въ домъ Флавіевъ, гдѣ прекрасно сохранились тронная зала правосудія, столовая и перистиль. Рядомъ съ домомъ Флавіевъ лежитъ домъ Ливіа, стѣны котораго и теперь покрыты живописью, сохранившею свѣжесть красокъ и ясность рисунка.

Изъ дома Ливіа мы перейдемъ на площадку надъ потайной лѣстницей, ведущей изъ дома Калигулы въ домъ весталокъ. На площадкѣ разбитъ садъ; зеленѣютъ кипарисы, апельсинныя деревья покрыты плодами, цвѣтники полны розъ; въ фонтанахъ журчитъ и бьетъ вода... Этотъ тихій уголокъ, располагающій, казалось бы, къ мечтаніямъ, не останавливаетъ на себѣ взора туриста: онъ охваченъ историческими событіями; передъ нимъ, какъ въ калейдоскопѣ, проходятъ народы, смѣняются вѣка, одна культура побѣждаетъ другую. Напрасно граціозная Эпоха Возрожденія садовъ Фарнезе соперничаетъ съ вѣковыми дубами, съ тысячелѣтними камнями и руинами. Рой видѣній, дыханіе жизней безчисленныхъ поколѣній, покоящихся подъ развалинами дворцовъ, почва, пропитанная блестящими и ужасными событіями, воскрешаютъ въ нашей памяти величавую картину про-

Римъ.

Микель - Анджело, Моисей.

шлаго, превосходящую всякую человѣческую гордость.

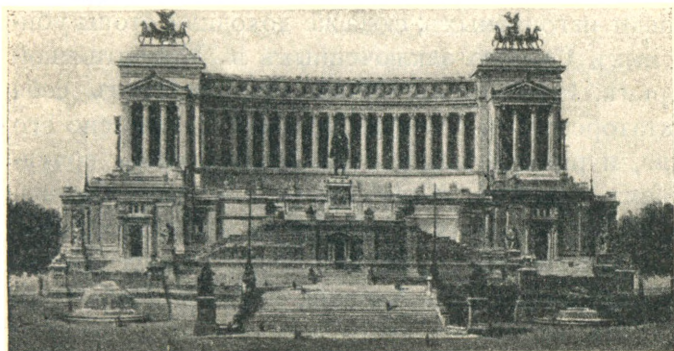
Взгляните на раскинувшійся подъ ногами Форумъ, сжатый подошвами Капитолія и Палатина, и на Вѣчный Городъ, залитый лучами заходящаго солнца, окаймленный зубчатой стѣной Абруцскихъ и Сабинскихъ горъ—вѣдь здѣсь исторія большей половины классическаго міра! Но чтобы докопаться до **этой** лощины, до этой славной площади республики, чтобы вывести на свѣтъ Божій три колонны Кастора и Поллукса, остатки храма и дома весталокъ, гдѣ и теперь еще стоятъ статуи жрицъ Весты, чтобы докопаться до храма Фаустины, арки Септимія Севера, сохранившейся лучше, чѣмъ базилика Константина, три арки которой и отвалившійся кусокъ отъ стѣны величиною со скалу снова наводятъ на мысль о людяхъ-гигантахъ, чтобы добраться до мраморныхъ плитъ пола Форума и всѣхъ имѣвшихся на немъ остатковъ глубокой старины, нужно было снять слой земли въ 20 метровъ толщиною.

Но трудъ былъ вознагражденъ: міръ увидѣлъ тотъ центръ, который создалъ величіе Рима и далъ этому городу вѣчность.

Теперь мы ясно видимъ весь Форумъ, видимъ, какъ грозно обрываются къ нему ржавыя, потрескавшіяся стѣны Капитолія и Палатина,—двухъ холмовъ, на которыхъ зародилась римская исторія. На Палатинѣ Ромуль основалъ неприступную крѣпость, въ то время какъ сабиняне завладѣли

Капитоліємъ. Форумъ раздѣлялъ ихъ, но онъ ихъ и соединилъ. Здѣсь на Форумѣ похищенные сабинянки примирили своихъ отцовъ и братьевъ съ римлянами, здѣсь соединились два народа, создавшіе славу Рима.

Это событіе придало Форуму общественное значеніе, и онъ дѣлается центромъ политической и общественной жизни Рима.

Римъ. Памятникъ объединенія Италіи съ монументомъ Виктора Эммануила I.

На Форумѣ Сервій-Туллій объявилъ Сивиллины законы, а Брутъ Первый, показывая окровавленную тогу Тарквинія Гордаго, провозгласилъ Римъ республикой. Въ теченіе почти пяти вѣковъ на этой узкой лощинѣ разворачивалась римская исторія. Здѣсь плебеи ведутъ неустанную борьбу съ патриціями и добиваются уравнинія въ правахъ; здѣсь Гракхи защищаютъ права угнетенныхъ, здѣсь они и погибаютъ. На Форумѣ была провозгла-

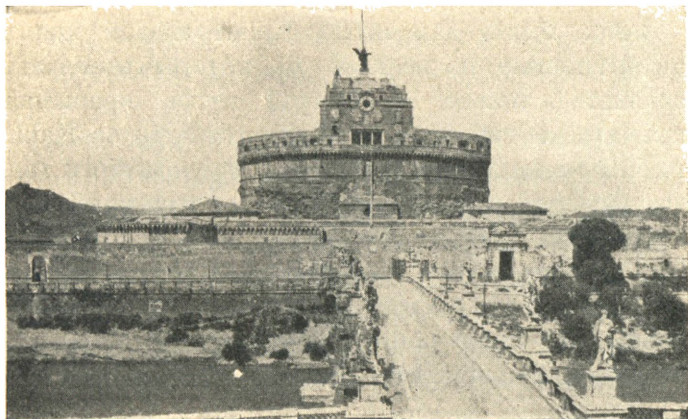
шена общественная свобода; сюда же торжественно въѣзжали триумфаторы. Здѣсь Цицеронъ произносилъ свои рѣчи противъ Катилины, здѣсь же была выставлена его голова. Шумъ волновавшагося на Форумѣ народа заставлялъ трепетать сенатъ, заседавшій на Капитоліи, и онъ подчинился волѣ народа. На Форумѣ гибли сенаторы, и праздновали свое торжество галлы. Здѣсь Марій и Сулла боролись за первенство, а Сулла вывѣшивалъ списки изгоняемыхъ; сюда же доходили стоны убиваемыхъ Суллою заключенныхъ въ Мамертинской тюрьмѣ. На Форумѣ Цезарь провозгласилъ себя диктаторомъ, на Форумѣ же было выставлено его тѣло, и римскій народъ съ одинаковымъ сочувствіемъ слушалъ Юнія Брута и Марка Антонія. Здѣсь же, послѣ пораженія при Филиппахъ „последнихъ римлянъ“, была провозглашена диктатура Октавіана и М. Антонія, и этимъ якобы свободнымъ актомъ римскаго народа былъ произнесенъ смертный приговоръ надъ республикой. Октавіанъ, избавившійся отъ Лепида и Марка Антонія, послѣ битвы при Акціумѣ провозглашаетъ себя Августомъ, т. е. священнымъ, но уже не на Форумѣ, славномъ своими традиціями республики, а на священномъ Капитоліи, гдѣ былъ храмъ Юпитера, равнымъ которому считалъ себя Августъ. Имперія уничтожила значеніе Форума, и только камни, памятники, высѣченные законы и символы говорили о быломъ величій этого торжища, бывшаго мѣстомъ народнаго вѣча, пантеономъ для

Тиціанъ.

La Bella.

Флоренція.

Римъ.

Мостъ и замокъ св. Ангела.

живыхъ героевъ, площадью для гуляній и даже рынкомъ.

Средніе вѣка засыпали это историческое мѣсто землею, на которой выросли деревья, взошла трава, и потомки римлянъ пасли здѣсь свои стада.

Но и величіе Капитолія и Палатина продолжалось относительно недолго. Мало того, открытый Форумъ сохранилъ болѣе памятниковъ былого величія, чѣмъ Палатинъ съ его развалинами дворцовъ, говорящихъ о безуміи земныхъ боговъ, или Капитолій, затерявшій почти всѣ слѣды своей тысячелѣтней исторіи.

Между тѣмъ Капитолій также богатъ историческими воспоминаніями, и его исторія даже древнѣе исторіи Форума.

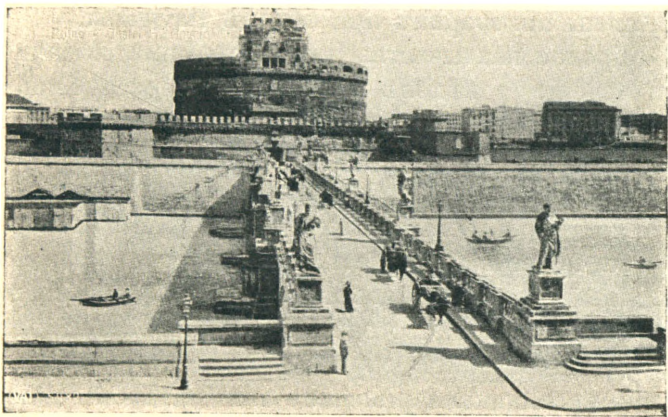
Здѣсь былъ знаменитый Капитолійскій храмъ съ крѣпостью, по величію съ которымъ можетъ сравняться только св. Петръ; здѣсь хранились гражданскіе законы, и засѣдалъ сенатъ; на Капитолій восходили послѣ Форума триумфаторы; галлы направляли сюда свои главные удары; императоры здѣсь становились богами; ихъ статуи и теперь можно видѣть въ Капитолійскомъ музеѣ рядомъ съ богами, рядомъ съ чудомъ искусства „Венерой Капитолійской“ и „Умирающимъ гладіаторомъ“, вдохновившимъ Байрону строфы Чайльдъ-Гарольда.

Теперь тамъ, гдѣ была извѣстная каждому школьнику Тарпейская скала, раскинуты сады германскаго посольства. Отъ всей старины сохранились только стѣны сената съ брешами, точно отъ пушечныхъ выстрѣловъ, да какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая на площади бронзовая конная статуя Марка-Аврелія и часть широкой лѣстницы, ведущей на Капитолій, рядомъ съ которой помѣщается клѣтка съ волками. Нѣтъ и слѣда той стѣны, гдѣ находились священные гуси, нѣтъ слѣда храма Юпитера и даже сената; нѣтъ Мамертинской тюрмы, гдѣ избивались Суллою его враги, гдѣ Цицеронъ, напуганный предвѣстниками революціи, блуждалъ съ фонаремъ въ рукахъ, заглядывая въ лица сообщниковъ Катилины; изъ этой тюрмы, по преданіямъ, былъ выведенъ ангеломъ апостолъ Петръ. Нѣтъ и слѣдовъ того моста, который былъ переброшенъ съ Палатина

черезъ Форумъ для того, чтобы Калигула могъ на досугѣ бесѣдовать съ отцомъ своимъ Юпитеромъ.

Палъ Форумъ, палъ Палатинъ, палъ и Капитолій, обратившійся теперь въ центръ присутственныхъ мѣстъ. Тамъ, гдѣ прежде засѣдалъ римскій сенатъ, гдѣ былъ убитъ Цезарь, въ настоящее время происходятъ засѣданія городской думы. Палатинъ, Капитолій, термы Траяна, арки базилики Константина, Via Sacra, Аппіева дорога,—все это тяготѣло къ Форуму, который являлся центромъ республики, а Палатинъ—центромъ имперіи.

Но и въ другихъ мѣстахъ Рима разбросано не мало руинъ, переносящихъ насъ въ эпоху императоровъ, республики и даже царей. Сохранился до нашихъ дней и античный Пантеонъ, ставшій

Римъ.

Мостъ и замокъ св. Ангела.

усыпальницей Рафаэля, Виктора Эммануила и Гумберта. Стѣны Пантеона стоятъ во всей неприкосновенности, но въ позднѣйшее время украшенія ихъ и статуи храма были расхищены. Цѣла и производитъ чарующее впечатлѣніе при закатѣ и восходѣ солнца Траянова колонна. Позлащенные ея части играютъ на солнцѣ, и вамъ кажется, что міриады искръ сыплются на землю.

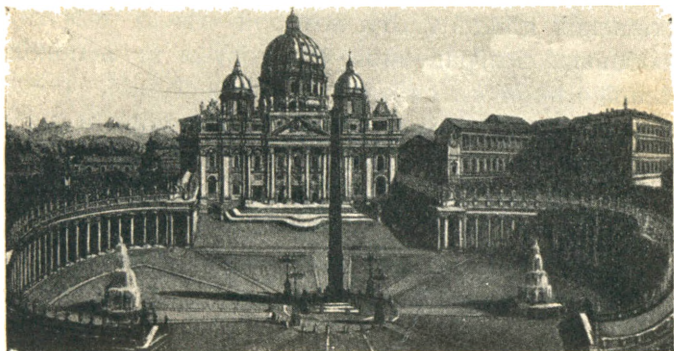
Полонъ остатками старины и раскинувшейся у подножія этой колонны Форумъ императоровъ, лежащій на нѣсколько метровъ ниже уровня современныхъ улицъ. Во многихъ частяхъ города находимъ остатки стѣнъ, построекъ, термовъ, среди которыхъ наиболѣе сохранились термы Діоклетіана; цѣлы мостъ и замокъ св. Ангела. Музеи же Капитолія и Ватикана полны произведеніями античнаго міра. О многихъ изъ этихъ перловъ искусства мы поговоримъ при обзорѣ Ватикана.

Міровое владычество античнаго Рима, созданное въ теченіе 7 вѣковъ монархіей и республикой, было разрушено имперіей въ теченіе пяти вѣковъ. Послѣ послѣдняго римскаго императора, по странной случайности совмѣстившаго имени перваго царя и перваго императора—Ромула Августа—Римъ пересталъ существовать. Прошли вѣка, и Вѣчный Городъ, подобно Фениксу, воскресшему изъ пепла, вторично заблисталъ славой, еще разъ сдѣлался владыкой міра. Римскіе папы признали себя преемниками римскихъ императоровъ и восприняли стремленіе и тенденціи послѣднихъ. Связь

между новымъ и старомъ Римомъ явилась естественно.

Старый Римъ и Римъ папъ соединены мостомъ, одинъ конецъ котораго находится на Аппіевой дорогѣ, а другой у св. Петра. На Аппіевой дорогѣ есть мѣсто, гдѣ муравьи-труженики, подземные кроты въ первомъ вѣкѣ нашей эры создали подземный городъ въ нѣсколько этажей и протяженіемъ болѣе 8 миль.

Это—христіанскія катакомбы св. Каллиста и др. Кровь замученныхъ на аренѣ Колизея христіанъ, холмъ, на которомъ былъ распятъ св. Петръ съ одной стороны, дворецъ Септимія Севера и замокъ св. Ангела—резиденція первыхъ папъ—послужили цементомъ для моста между императорскою властью и властью папъ. Въ катакомбахъ христіане хоронили своихъ мучениковъ, совершали богослуженія, ставили скромные памятники умер-

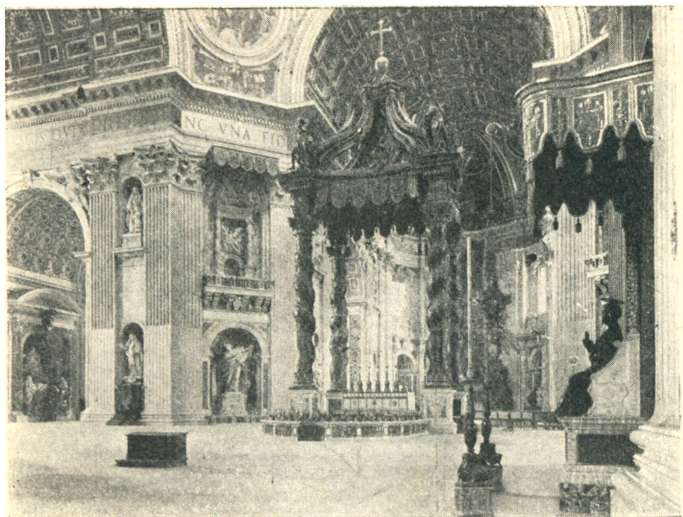
Римъ.

Соборъ св. Петра и Ватиканъ.

шимъ папамъ, епископамъ-мученикамъ, простымъ общинникамъ, украшая ихъ символами христіанства, между которыми чаще всего встрѣчаются голубь и особенно рыба. Всѣ были равны, всѣ жили въ ожиданіи мученическаго вѣнца. Темныя шахты въ періодъ усиленныхъ гоненій служили убѣжищемъ не только мертвымъ, но и живымъ, но катакомбы были главнымъ образомъ подземнымъ кладбищемъ. Въ нишахъ стѣнъ ихъ и теперь можно видѣть скелеты и кости.

Быть можетъ это кости тѣхъ 1500 мучениковъ, которые были растерзаны звѣрями въ продолженіе одного дня на аренѣ Колизея, быть можетъ это остатки живыхъ факеловъ Нерона. Всѣ они, были снесены сюда въ темныя темницы, оплаканы братьями, среди которыхъ не было ни знатныхъ ни богатыхъ. Подземное кладбище, а не выставка скелетовъ, причудливо подобранныхъ въ монастырѣ капуциновъ, говорить о жизни первой христіанской общины, отъ которой вѣяло добротой, любовью, безграничной нѣжностью и непоколебимой вѣрой въ свѣтлое будущее. Какой громадный контрастъ представляютъ эти могилы усопшихъ съ тѣми роскошными гробницами, которыя здѣсь же рядомъ, на Аппіевой дорогѣ, представляли аллею величія, побѣды и земного торжества! Жизнь скрытая подъ землею стоитъ въ меньшемъ контрастѣ съ жизнью любого христіанскаго города, не говоря уже о городѣ папъ.

Кровь Августа, провозгласившаго себя богомъ,

Римъ. Внутренность собора св. Петра, статуя апостола и алтарь.

на мгновение исчезла, пройдя черезъ это подземное царство, чтобы вновь воплотиться въ политическомъ и религіозномъ владычествѣ папъ надъ міромъ. Это сравненіе само собой напрашивается, когда изъ руинъ дворцовъ императоровъ, лежащихъ почти рядомъ съ катакомбами, попадаешь на площадь и въ храмъ св. Петра. Здѣсь окончательно убѣждаешься, что римскій папа и римскій императоръ по существу своихъ стремленій одно и то же. Оба они священны между смертными. Оба они безгрѣшны и этимъ равны боже-ству. Античный Римъ воскресъ въ новомъ Римѣ,

императоръ-язычникъ преобразился въ папу-христианина!..

Духъ Августа создалъ Григорія Гильдебрандта.

Римскій императоръ воплотился въ римскомъ папѣ. „Pontifex maximus“,—титулъ римскихъ императоровъ, теперь красуется на всѣхъ гробницахъ римскихъ папъ въ соборѣ св. Петра.

Этотъ титулъ указываетъ на преемственную власть, которая отъ языческихъ императоровъ перешла къ первосвященникамъ церкви Христовой. Первые папы и жили во дворцѣ Септимія Севера, а Александръ Борджіа—въ замкѣ св. Ангела, построенномъ Адріаномъ. Всѣ папы, подобно императорамъ Рима, стремились утвердить свою верховную власть надъ всѣмъ міромъ, подчинить себѣ всѣ народы и всѣхъ королей. Скромный титулъ „папы“, присвоенный въ первые вѣка всѣмъ епископамъ, съ V в. становится исключительнымъ титуломъ римскихъ епископовъ, а съ XIII в. римскій престолъ сталъ верховнымъ трибуналомъ для всѣхъ церковныхъ, нравственныхъ и политическихъ дѣлъ, а папа становится царемъ царей — въ полномъ назначеніи слова „Pontifex maximus“.

Сходство между императорами и папами на этомъ не кончается. Папы вполнѣ прониклись духомъ римской имперіи: то же тщеславіе, та же жажда къ колоссальнымъ постройкамъ, то же желаніе собирать вокругъ себя сокровища искусства, — черты, уже отмѣченныя нами при осмотрѣ античнаго міра — характеризуютъ и папъ.

(Roma - F.lli d'Alessandri) 58. Roma - S. Pietro - Monumento di Clemente X Allieri.

Римъ.

Гробница папы Климента X

Каждый ихъ памятникъ, каждая постройка Ватикана говоритъ объ этомъ. Пурпуръ Августа замѣнился роскошной мантией изъ бѣлаго бархата, опушенной горностаемъ, діадема-вѣнокъ обратилась въ безцѣнную тиару, усыпанную драгоценными камнями. Золотыя носилки, покрытыя императорскимъ пурпуромъ, блѣднѣютъ передъ золотой каретой, въ которой на пурпуровомъ тронѣ сидитъ папа. Вѣрующій католикъ съ благоговѣніемъ смотритъ на эту тяжелую, аляповатую повозку, не подозревая, что начало ея нужно искать въ язычествѣ, какъ и начало великолѣпнаго трона, украшающаго тронную залу римскаго первосвященника.

„Pontifex maximus“ въ бѣлоснѣжной мантии, съ драгоценной тиарой на головѣ, возсѣдающій на золотыхъ носилкахъ, окруженный кардиналами въ красныхъ и фіолетовыхъ туникахъ, швейцарскою стражей въ серебряныхъ и золоченыхъ шлемахъ и кирасахъ, массой блестящихъ царедворцевъ, идетъ совершать богослуженіе у св. Петра. Развѣ это не Августъ, шествовавшій, быть можетъ, при меньшей пышности, совершать возліянiе Юпитеру, отцу своему. Августъ и его преемники претендовали на божественное происхожденіе. Папы также доказываютъ, что они—наслѣдники Христа, равные апостолу Петру, которому были вручены ключи отъ вратъ рая.

Все это говоритъ о поразительномъ сходствѣ стремленій папъ и императоровъ. Связь христіан-

Римъ.

Pietà Микель-Анджело.

скаго Рима съ языческимъ съ особенной ясностью выступаетъ, какъ это ни странно, при осмотрѣ римскихъ базиликъ. Такъ San Lorenzo in Mironta устроилась въ храмѣ Антонина и Фаустины, сохранивъ и донынѣ части этого храма и его украшенія. Св. Климентъ стоитъ тамъ, гдѣ былъ храмъ Минервы. Но и тѣ храмы, которые построены не на мѣстахъ языческихъ капищъ, полны украшеніями и памятниками классическаго Рима, который и расхищался главнымъ образомъ для украшенія римскихъ церквей. Въ этихъ церквахъ мы найдемъ колонны изъ храма Юпитера, изъ храма Юноны и изъ мн. др. храмовъ, дворцовъ и театровъ, а въ церкви св. Марка въ Трансверѣ колонны, привезенныя изъ храма Сераписа и Изиды, сохранили даже изображеніе этихъ божествъ. Но сходство языческихъ храмовъ съ христіанскими базиликами, построенными въ эпоху наибольшаго тщеславія папъ, на этомъ не кончается.

Войдите въ базилики св. Іоанна и св. Павла съ ихъ величественными колоннадами, позолоченнымъ потолкомъ, барельефами и украшеніями на стѣнахъ, съ блестящимъ мраморнымъ поломъ, съ роскошными пилястрами, съ фіолетовыми, коричневыми и бѣлыми капителями, съ чудными мозаиками и картинами и колоссальными статуями апостоловъ и др. святыхъ, — васъ не охватитъ здѣсь чувство благоговѣнія, какое вы испытываете въ готическомъ храмѣ; вы изумлены, и эти два ряда колоссальныхъ художественно исполнен-

Римъ.

Св. лѣстница, входъ въ Ватиканъ.

ныхъ статуй вамъ кажутся аллеей, ведущей на Олимпъ, а вся эта чувственная красота, гармонія цвѣтовъ, всѣ эти украшенія вамъ говорятъ объ языческомъ храмѣ, а не о христіанской церкви, исповѣдующей смиреніе и умерщвленіе плоти. Но если такое впечатлѣніе получается отъ базиликъ, расположенныхъ въ Квириналѣ, то вы еще болѣе утвердитесь въ немъ, когда войдете въ храмъ св. Петра.

Но прежде, чѣмъ обозрѣвать это чудо искусства, это мѣстопробываніе Божества на землѣ, зайдемъ въ *S. Pietro in Vincoli* и полюбуемся памятникомъ папѣ Юлію II, передъ которымъ блѣднѣютъ гробницы на Аппіевой дорогѣ. Главная фигура памятника замѣчательна по своей экспрессіи, по своему выполненію. Она не поддается описанію, и это понятно: вдохновеніе, охватившее знаменитаго Микель-Анджело, создало Моисея.

Полубогъ, сошедшій на землю, полный силы, энергіи и несокрушимой воли, сидитъ на тронѣ, конвульсивно прижимая къ груди Скрижали Завета; его взоръ, устремленный вдаль, полонъ мысли и великихъ думъ, а два рога, неизреченный свѣтъ, исходящій изъ его головы послѣ бесѣды съ Богомъ, придаютъ еще большую силу мощной фигурѣ, говорятъ о несокрушимой волѣ. Передъ такимъ вождемъ израильскій народъ могъ пасть ницъ, и Богъ простилъ бы ему смертный грѣхъ противъ первой заповѣди. Твореніе скульптора Микель-Анджело изумительно. Такое же впечатлѣ-

Римъ.

Группа Лаокоонтъ и сыновья.

ніе производитъ и куполь св. Петра, созданный тѣмъ же Микель-Анджело. Но чтобы попасть отъ S. Pietro in Vincoli въ этотъ обширнѣйшій въ мірѣ храмъ, мы должны пересѣчь весь Римъ. Воспользуемся этой дорогой. Почти у подножія Капитолія мы остановимся изумленными передъ гигантскимъ зданіемъ, памятникомъ объединенія Италіи, только что открытымъ въ нынѣшнемъ году. Это зданіе, потребовавшее на постройку десятки лѣтъ и десятки миллионовъ лиръ, собранныхъ народомъ, вмѣщаетъ въ себѣ національный музей и все, чѣмъ гордится современный итальянецъ. Тяжелое по своей массивности, съ колоссальной позолоченной статуей Виктора Эммануила, воплотившее въ себѣ всѣ стили зданіе-монументъ смѣло можетъ соперничать съ дворцами императоровъ. По узкимъ, часто кривымъ улицамъ, устѣяннымъ магазинами съ церковной утварью, статуями святыхъ, мы пройдемъ по знаменитому Корсо, улицѣ для прогулокъ римлянъ, откуда мы увидимъ висячіе сады Квиринала и это казарменное зданіе; мы пересѣчемъ нѣсколько площадей съ остатками старины, зайдемъ въ красивое зданіе почтамта, роскошный клубъ писателей и по дорогѣ полюбуемся фонтаномъ Треви и испанской мраморной лѣстницей, минуемъ нѣсколько узкихъ, стиснутыхъ домами улицъ и выйдемъ на площадь Попола съ ея обелискомъ, фонтанами и каскадами. Намъ трудно миновать паркъ Монте Пинчіо, съ террасы котораго откры-

Римъ.

Ботичелли.— Собственноручный портретъ.

вается чудный видъ на Римъ, Ватиканъ съ его громадскими постройками, надъ которыми на холмѣ паритъ Гарибальди. Изъ парка Монте Пинчіо мы войдемъ въ паркъ виллы Медичи, паркъ виллы Доріа и чудный паркъ виллы Боргезе, съ стариннымъ, обросшимъ мохомъ и задумчиво журчащимъ фонтаномъ. Мимо виллы Боргезе пройти нельзя:

Римъ.

Микель - Анджело. Адамъ съ плафона Сикстинской капеллы.

здѣсь замѣчательный музей, цѣлая сокровищница искусства, масса статуй и картинъ. Аполлонъ, преслѣдующій Дафну, которая обращается въ цвѣтущее дерево, Клеопатра, Іоаннъ играющій на скрипкѣ, и многое другое привлечетъ ваше вниманіе. Такихъ музеевъ въ Римѣ нѣсколько; описаніе ихъ сокровищъ, даже толь-

ко одно перечисленіе ихъ отняло бы много времени, а мы спѣшимъ въ Ватиканъ, чтобы окончательно убѣдиться въ преимущественности папъ отъ римскихъ императоровъ, что такъ ярко описалъ Э. Золя въ своемъ романѣ „Римъ“.

Въ Ватиканъ можно перейти черезъ одинъ изъ одиннадцати мостовъ, переброшенныхъ черезъ Тибръ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Римѣ утверди-

лось національное правительство, ни Пій IX, ни Левъ XIII, ни Пій X дель-Сарто не проѣзжали по этимъ мостамъ. Ихъ тяжелыя дорожныя кареты съ треномъ внутри, которыя едва могли везти 12 лошадей, уже много лѣтъ спокойно стоятъ въ каретникѣ, привлекая вниманіе туристовъ. Для перехода на другой берегъ, въ царство папы, мы изберемъ мостъ св. Ангела, построенный еще императоромъ Адрианомъ и украшенный мраморными статуями ангеловъ. Такой же бронзовый колоссальной величины ангелъ, вооруженный мечомъ, вѣнчаетъ лежащій передъ мостомъ старинный замокъ-крѣпость съ башнями. Это—знаменитый замокъ св. Ангела, построенный также императоромъ

Римъ.

Дискоболъ.

Адрианомъ. Здѣсь жилъ суровый императоръ, здѣсь онъ и погребенъ. Здѣсь, въ отдѣланныхъ съ замѣчательной роскошью и прекрасно сохранившихся залахъ, устраивалъ свои оргіи папа Александръ Борджіа; здѣсь же пріютилась въ средніе вѣка священная инквизиція; здѣсь былъ страшный трибуналъ и ужасная зала пытокъ. Эти па-

мятники людской злобы и преступлений можетъ видѣть современный туристъ. По темнымъ коридорамъ его приведутъ въ ужасныя тюрьмы, куда не доходилъ дневной свѣтъ и гдѣ невозможно было лежать. Въ этихъ тюрьмахъ томились папскіе враги: Беатриче Ченчи, Лукреція Петрони и знаменитые Бенвенуто Челлини и Джіордано Бруно. Многіе изъ заключенныхъ не увидѣли свѣта Божія, были замучены святой инквизиціей и брошены въ зіяющую темную дыру, быть можетъ, въ то время, когда здѣсь же рядомъ намѣстникъ Христа служилъ мессу и читалъ великую Книгу Любви.

Несмотря на свое всемогущество, намѣстникъ Христа никогда не былъ спокоенъ; онъ такъ же преслѣдовалъ своихъ мнимыхъ и дѣйствительныхъ враговъ, какъ и римскіе императоры. Утвердившись уже въ Ватиканскомъ дворцѣ, папы не забросили замка св. Ангела; они превратили его въ государственную тюрьму, сдѣлали его крѣпостью, которую соединили ради собственной безопасности съ Ватиканомъ подземнымъ ходомъ. Мы не пойдемъ по этому полуразвалившемуся коридору, а выйдемъ скорѣе изъ мрачной тюрьмы на свѣтъ Божій, чтобы черезъ расщелину узкой улицы увидѣть храмъ св. Петра.

Храмъ св. Петра во всей красѣ можно видѣть только издали. Задуманный вначалѣ Браманте, онъ началъ строиться въ 1506 г. Храмъ, по проекту знаменитаго архитектора, долженъ былъ по-

Римъ.

Бернини. Похищеніе Прозерпины.

ражать простотой и величіемъ. Но Браманте умеръ, его дѣло продолжали другіе и испортили первоначальный проектъ. Только въ 1510 г. великій Микель-Анджело взялся за постройку. Онъ откинулъ все, что портило первоначальный проектъ, и создалъ знаменитый куполъ, который поражаетъ красотой своихъ линій. Мы выше отмѣтили, что большинство римскихъ базиликъ построено по образцу языческихъ храмовъ; то же самое мы видимъ и въ св. Петрѣ.

Два языческихъ храма дали идею для храма Петра: Браманте взялъ огромные своды Константиновской базилики, а Микель-Анджело развилъ идею, воплощенную уже въ куполѣ Пантеона Агриппы. По проекту великихъ мастеровъ, храмъ долженъ былъ быть чудомъ искусства, но папа Павелъ V испортилъ этотъ памятникъ, удлинивъ паперть храма, изъ-за которой теперь видно только верхушку дивнаго купола Микель-Анджело. Нужно отойти на большое разстояніе или смотрѣть съ высоты, чтобы этотъ красивѣйшій въ мірѣ памятникъ искусства предсталъ во всей красотѣ. Восемь коринѣскихъ колоннъ и четыре пилястра поддерживаютъ балюстраду съ колоссальными статуями Спасителя и апостоловъ. Обширная, расположенная амфитеатромъ грандіозная колоннада Бернини примыкаетъ къ храму и окружаетъ овальную, мощеную плитами площадь, въ центрѣ которой стоитъ обелискъ, привезенный Калигулой, а по бокамъ бьютъ два фонтана, вы

брасывающіе снопы воды въ 16 метровъ высокою.

Войдемъ въ этотъ храмъ, который внутри еще великолѣпнѣе, чѣмъ снаружи.

Прежде всего онъ поразить посѣтителя колоссальностью отдѣльных частей и полной гармоніей между ними. Трудно представить, что этотъ храмъ, какъ нѣкогда Колизей (странное совпаде-

Римъ.

Древнія фрески.

ніе!), вмѣщаетъ болѣе 80 тысячъ богомольцевъ, имѣетъ 30 алтарей, до 150 колоннъ и огромное число статуй святыхъ, папъ и др. Длина его 151 саж., а высота купола 94,8 саж., подъ которымъ свободно могъ бы помѣститься храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Этотъ гигантскій куполъ въ 42 метра въ діаметрѣ поддерживается четырьмя циклопическими столбами. Потoki свѣ-

та льются черезъ высокія четыреугольные окна, освѣщая центральнѣй алтарь, изумительную живопись, бѣлоснѣжные монументы, мраморы всевозможныхъ оттѣнковъ, пышную мозаику, зеркальный мраморный полъ, золото и серебро. Подавляющая роскошь, пышная гордость, блескъ и сіяніе поражаютъ каждого вошедшаго въ этотъ храмъ. Онъ теряется и не знаетъ, на что смотрѣть, на чемъ остановить свой взоръ, онъ ошеломленъ окружающимъ великолѣпіемъ, и тихое религіозное настроеніе, какое должно навѣвать церковь, далеко отъ него; у него не является и мысли, что этотъ роскошный музей есть домъ Бога любви и милосердія, Бога униженныхъ, угнетенныхъ и обремененныхъ. Молящихся въ храмѣ также не видно, хотя ихъ, быть можетъ, здѣсь цѣлыя сотни и тысячи, которыя затерялись въ этомъ холодномъ, колоссальномъ и чудовищно красивомъ залѣ. Откуда-то издалека доносятся звуки органа, слышно отдаленное пѣніе — это въ одной изъ капеллъ совершается богослуженіе, — но и органъ и пѣніе не даютъ иллюзіи религіознаго настроенія: звуки несутся откуда-то съ улицы, но не изъ самаго храма. Блуждающіе по храму туристы съ гидами въ рукахъ, словесныя объясненія, даваемые цѣлымъ группамъ путешественниковъ, ихъ до известной степени безцеремонное отношеніе къ соборнымъ здѣсь реликвіямъ намъ напомнило цѣлый рядъ сценъ, которыя мы уже встрѣтили при осмотрѣ картинныхъ галлерей, музеевъ, древнихъ

Римъ.

Памятникъ Дж. Гарибальди.

дворцовъ и т. п. Да и пышность, чисто языческая гордость, царственная роскошь, золото и пурпуръ говорятъ болѣе о храмѣ Юпитера Громовержца, чѣмъ о церкви распятаго Петра, о храмѣ, созданномъ тщеславіемъ, стремленіемъ къ гордынѣ, къ увѣнчанію памяти тѣхъ, по приказу которыхъ онъ строился. Здѣсь нѣтъ мѣста смиреннымъ служителямъ церкви Христовой,—да папы ими и не желали быть. Посмотрите на великолѣпные саркофаги, поставленные въ храмѣ св. Петра надъ ихъ могилами и затмившіе своимъ величіемъ статуи святыхъ, даже самого апостола Петра, бронзовая статуя котораго привлекаетъ вѣрующихъ, и они лобызаютъ большой палецъ правой ноги. Эти лобызанія, вѣроятно, милліоновъ католиковъ въ теченіе 4 вѣковъ почти стерли пальцы на столпѣ. Скромное изображеніе св. Петра, сидящаго на тронѣ, затерялось среди нагробныхъ памятниковъ папъ съ надписью *Pontifex maximus*.

Вы видите бронзовыхъ, мраморныхъ, бѣлыхъ, коричневыхъ, фіолетовыхъ папъ, у ногъ которыхъ склонились Правосудіе, Милосердіе, Сила, Истина и даже Религія. Вы видите папъ въ неземномъ величіи, и рядомъ съ ними ангеловъ въ образѣ прекрасныхъ женщинъ, съ бедрами и шей языческихъ богинь. Даже херувимы и серафимы на кропильницахъ, священныхъ предметахъ, на барельефахъ такіе же толстые, какими греки и римляне изображали амуровъ. Гордое тщеславіе папъ не удовлетворялось пышными памятни-

ками, проектъ которыхъ они одобряли еще при жизни. Свои саркофаги они помѣстили среди алтарей, гдѣ приносятся безкровныя жервы и возносятся молитвы къ Распятому на крестѣ. Мы были свидѣтелемъ, какъ одинъ простой, безыскусственно вѣрующій католикъ съ молитвой преклонялъ колѣна и предъ святымъ алтаремъ и передъ папскою могилой. Ошибиться въ этомъ храмѣ гордаго тщеславія, равнаго тщеславію рим-

Римъ.

Гвидо Рени. Аврора.

скихъ императоровъ, простительно; даже наиболѣе художественно исполненное произведеніе среди всѣхъ сокровищъ базилики — знаменитая La Pietà Микель-Анджело помѣщена у правой стѣны, почти у самаго входа въ храмъ. Это—геніальное изображеніе Божіей Матери, сидящей на камнѣ съ тѣломъ Христа. Сколько печали и дивной красоты въ чудномъ лицѣ Матери, сколько горя, надежды и вѣры олицетворено въ немъ! Но смерть

не искажила красоты формъ безжизненнаго тѣла Великаго Страдальца. Отъ этой группы нѣтъ возможности оторваться. Нужно благословлять случай, помѣстившій при входѣ это великое олицетвореніе красоты, печали и страданія. Послѣ него блѣднѣютъ даже царскіе саркофаги папъ; даже статуя молящагося Пія VI работы Кановы, которую папская гордость помѣстила въ главномъ алтарѣ, не можетъ произвести того впечатлѣнія, какое производятъ всѣ работы замѣчательнаго скульптора эпохи Возрожденія.

Чѣмъ дольше вы ходите по величественному храму-музею, чѣмъ больше знакомитесь съ сокровищами искусства, здѣсь собранными, тѣмъ больше вы убѣждаетесь, что вы находитесь въ храмѣ, воздвигнутомъ въ честь божества свѣта и роскоши.

Остановимся передъ главнымъ алтаремъ, передъ которымъ совершаетъ богослуженіе только папа и никто больше. Надъ алтаремъ сіяетъ куполъ Микель-Анджело, переливаясь, какъ звѣзда, мозаиками всѣхъ цвѣтовъ, золотомъ, серебромъ и всевозможными красками. Пышный балдахинъ изъ бронзы Пантеона вѣнчаетъ алтарь, воздвигнутый надъ могилой св. Петра. Широкая бѣлая лѣстница ведетъ къ священному мѣсту: мраморная балюстрада съ массивными украшеніями изъ бронзы отдѣляетъ его отъ остальнаго храма; 89 массивныхъ неугасимыхъ лампадъ бросаютъ мягкій свѣтъ на бѣлоснѣжную статую Пія VI, на золотой, усыпанный драгоцѣнными камнями и переливающимся

Римъ.

Apollo_Citharedo.

всѣми цвѣтами радуги ковчегъ съ мощами, на разноцвѣтные мраморы, на бѣлый полъ, отражающій въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, все, что окружаетъ алтарь. Здѣсь на разноцвѣтныхъ мраморахъ портреты папъ чередуются впереमेжку съ тиарами и ключами; эти барельефы несутъ ангелы, такіе же толстые, какъ помѣщенные и на кропильницахъ. Портреты папъ мы видимъ на колоннахъ, въ нишахъ, на исповѣдальной оградѣ, гдѣ стоитъ, быть можетъ, не одна сотня шкаповъ, а въ нихъ сидятъ съ длинными тростями священники, готовые на какомъ угодно изъ языковъ міра дать отпущеніе грѣховъ.

Нѣтъ возможности перечислить всѣ сокровища св. Петра; здѣсь нужно все смотрѣть, надъ всѣмъ останавливаться, всѣмъ любоваться и всему удивляться. И чѣмъ больше ходишь по этому величайшему въ мірѣ храму, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что этотъ богатѣйшій музей—не христіанская церковь, а языческій храмъ, въ которомъ римскіе императоры ставили свои статуи и заставляли поклоняться себѣ.

Если базилика св. Петра скорѣе похожа на храмъ Юпитера, то Ватиканскій дворецъ—дворецъ Римскихъ императоровъ.

Встаньте лицомъ къ св. Петру, и надъ правой колоннадой Бернини вы увидите папскій дворецъ,—цѣлый лабиринтъ комнатъ, садовъ, залъ, проходовъ,—передъ которымъ блѣднѣетъ даже дворецъ Септимія Севера. Пройдемъ по всей этой амфила-

дѣ 12 тыс. комнатъ и посмотримъ на всю роскошь, о которой не могъ мечтать и Августъ.

Бродя по музеямъ Ватикана, по его обширной и богатой раритетами библіотекѣ, удивляясь рѣдкому по своему значенію богатству и количеству произведеній искусства, невольно проникаешься мыслью, что только сверхъестественная власть мо-

Неаполь.

Общій видъ.

гла собрать воедино всѣ эти сокровища міра. Довказательство, что эта власть существуетъ еще и понынѣ, мы находимъ въ самомъ Ватиканѣ. Посмотрите на всѣ подарки и подношенія, которые получилъ по случаю своего юбилея скромнѣйшій изъ папъ, Левъ XIII!.. Здѣсь вы увидите надписи императоровъ, королей, князей, вельможъ, худож-

никовъ, ученыхъ и даже цѣлыхъ націй. Но власть Льва XIII не можетъ быть и сравнена съ властью и значеніемъ папъ, когда они низвергали королей, заставляли Генриха IV въ одеждѣ нищаго и босымъ стоять у воротъ Каноссы. Въ теченіе многихъ вѣковъ папамъ несли, везли, наконецъ, они сами требовали всего, что было рѣдкаго въ мірѣ.

Не удивительно, что каждая комната, каждый проходъ въ Ватиканѣ полны шедеврами искусства. Кто не слыхалъ о знаменитой капеллѣ Сикста? Потолки капеллы исписаны Микель-Анджело, а на стѣнѣ находится его Страшный Судъ, полный содержанія, глубокой мысли и аллегоріи. Картина производитъ потрясающее впечатлѣніе. Здѣсь же можно восхищаться стѣнною живописью Боттичелли.

Кто не стремился любоваться лоджіями Рафаэля, исписанными геніальными учениками геніальнаго учителя? Кто не простаивалъ цѣлые часы въ станцахъ Рафаэля, любясь неземною красотой его религіозныхъ картинъ и богатствомъ красокъ, жизненной правдой такихъ произведеній, какъ „Пожаръ“, „Изгнаніе Эліодора изъ храма“ или „Атилла у воротъ Рима“. Но не одни имена Микель-Анджело и Рафаэля придаютъ художественную славу Ватикану. Здѣсь собраны и другія произведенія искусства, появленіе которыхъ составляло событіе міровой важности.

Эпоха Возрожденія въ Ватиканѣ представлена такъ, какъ она не представлена даже во Флорен-

Бернини.

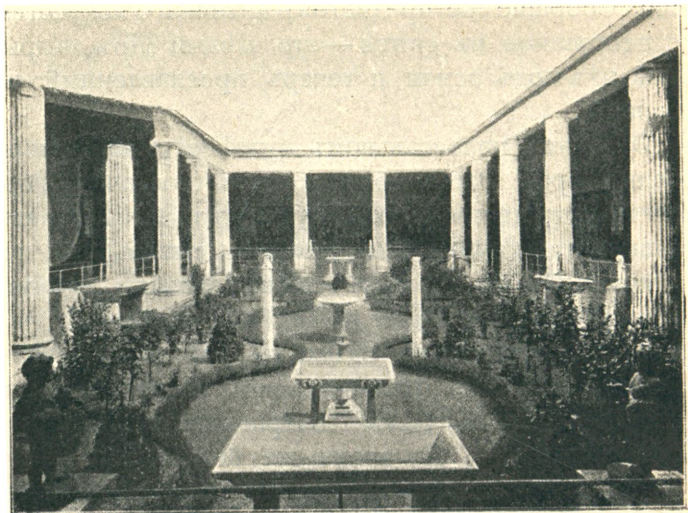
Аполлонъ и Дафна.

Римъ.

ції. Собрание же предметовъ античнаго искусства, единственное въ свѣтѣ — это цѣлый міръ, вырытый изъ-подъ земли и теперь прославленный на солнцѣ.

Въ этомъ колоссальномъ музеѣ есть небольшой бельведеръ. Одинъ онъ можетъ составить гордость могущественнаго государства. Здѣсь стоитъ знаменитая группа „Лаокоона съ сыновьями“, задушенныхъ по приказу ‘Аѳины Паллады змѣями. Про эту группу Микель-Анджело говорилъ, что она — чудо искусства. Здѣсь же находится знаменитый Аполлонъ Бельведерскій. Никогда и никто не создавалъ болѣе совершеннаго: „Мраморъ сей вѣдь богъ“. Въ этомъ же бельведерѣ помѣщены рѣдкія по своему выполненію статуи знаменитаго Кановы Персей съ головой Медузы и бойцы. Въ музеѣ мы можемъ удивляться знаменитому торсу Геркулеса, восхищаться Таліей и Мелегрой, любоваться Нарцисомъ, поражаться „Ниломъ“. Передъ нами оживутъ императоры, философы, ученые, художники, и мы представимъ ихъ такими, какими они были на самомъ дѣлѣ. Кажется, нѣтъ ни одного бога, ни одного императора и замѣчательнаго человѣка классическаго міра, изображенія котораго мы не нашли бы въ Ватиканѣ. Но больше всего здѣсь собрано Бахусовъ, Венеръ, обоготворенныхъ императоровъ и императрицъ. Въ Ватиканѣ мы видимъ полный апоѳеозъ римской имперіи, апоѳеозъ античнаго Олимпа.

Въ этой невѣроятной роскоши, среди блеска

Помпея.

Домъ Фетти (перистиль — внутренний дворъ).

золота и серебра, среди пурпура, который нѣкогда покрывалъ Колизей, среди богинь, амуровъ и голыхъ женщинъ замѣчательной работы мастеровъ эпохи Возрожденія проводить свои дни добровольный плѣнникъ Ватикана, еще при жизни проектируя саркофагъ надъ своей могилой, который бы могъ затмить саркофаги его предшественниковъ, красующіеся въ храмѣ св. Петра.

Перенесемъ отъ этихъ пышныхъ могилъ, уйдемъ изъ Ватикана, наполненнаго служителями папы въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ и бархатныхъ туникахъ, уйдемъ въ тихое пристанище на Аппіевой дорогѣ, посмотримъ еще разъ на могилы, скры-

тыя подъ землей, и на рядомъ стоящіе саркофаги знатныхъ римлянъ, и для насъ станетъ ясенъ контрастъ между могилой замученнаго въ Колизеѣ христіанина и саркофагомъ папы. Надгробному монументу папы не мѣсто въ подземномъ царствѣ: оно во всемъ величіи хочетъ стоять рядомъ съ саркофагами Аппіевой дороги, чтобы весь міръ видѣлъ это величіе намѣстника Христа. Онъ не только намѣстникъ Христа, но и преемникъ Августа.

Его власть даже больше власти римскихъ императоровъ. Власть римскаго императора дальше земли не шла, власть папы простирается и на за-

Помпея.

Общій видъ.

гробную жизнь; въ его рукахъ ключи отъ дверей рая и ада. Онъ—Pontifex maximus въ полномъ значеніи этого слова.

Но надолго ли?..

Признаки полного крушенія папизма налицо. У народовъ явились новые герои, не имѣющіе ни-

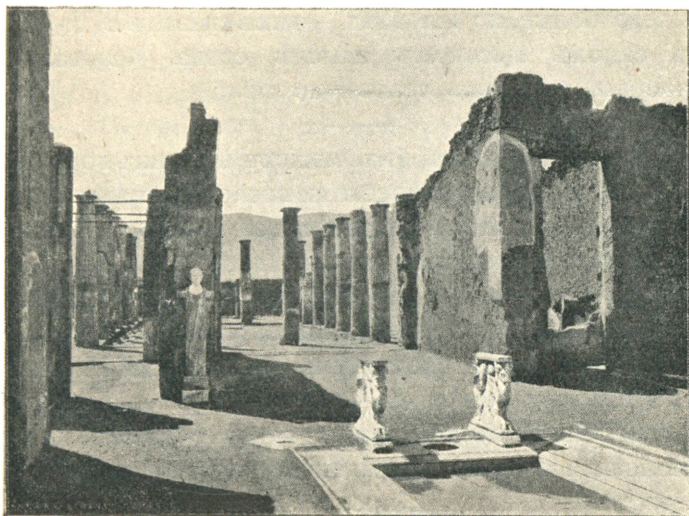
Помпея.

Улица.

чего общаго съ тѣмъ насиліемъ, которымъ держалась папская власть...

Отъ резиденціи папы мы по живописной дорогѣ поднимемся на Яникуль, съ площадки котораго открывается чудесный видъ на *весь* Римъ. Тамъ, среди цвѣтовъ и кипарисовъ стоитъ памятникъ

съ гордыми своей лаконичностью двумя надписями: „Джузеппе Гарибальди—Римъ“ и „Римъ или смерть“. Легендарный герой, освободитель Италіи, маякъ будущаго и вѣстникъ грядущаго счастья, какъ взлетѣвшій орелъ парить надъ вѣчнымъ городомъ. Римъ папскаго владычества, Римъ угнета-

Помпея.

Домъ Корнелія Руфо.

тель, Римъ черныхъ преторіанцевъ, Римъ тюремъ, костровъ и священной инквизиціи, какъ и Римъ царей, республики и императоровъ лежитъ у ногъ его.

Не имѣя титула „Pontifex maximus“, а, напротивъ, лишенный правъ и приговоренный къ смерт-

ной казни, онъ вознесенъ націей выше царей и папъ... Римскій народъ поставилъ своему герою памятникъ на древнемъ Яникулѣ выше дворцовъ цезарей и храмовъ папъ, и этимъ символически показалъ, что во всей многовѣковой исторіи Рима не было и нѣтъ человѣка выше, чѣмъ „нашъ Джузеппе“, потому что онъ былъ „человѣкъ,—ничего болѣе, но человѣкъ,—какъ сказалъ В. Гюго, въ самомъ высокомъ смыслѣ слова: человѣкъ свободы, человѣкъ человечности!..“

Такъ полонъ, какъ, быть можетъ, ни одинъ городъ въ мірѣ, Римъ историческими воспоминаніями. Эти воспоминанія, эти памятники сѣдой древности охватываютъ всякаго, кто подъѣзжаетъ къ Риму съ юга, по той главной дорогѣ, по которой лежалъ путь въ Грецію, Египетъ, Карфагенъ.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе получается, когда въ Римъ въѣзжаютъ съ сѣвера — изъ Флоренціи или Генуи. И въ той и въ другой средніе вѣка, граціозная эпоха Возрожденія, дивные памятники искусства, гениальныя произведенія человѣческаго ума наложили на туриста неизгладимое впечатлѣніе. Онъ всецѣло охваченъ былыми воспоминаніями, и чудные образы, гениальныя статуи стоятъ передъ его глазами. Но протяжный звукъ фабричнаго гудка, ежеминутные рѣзкіе свистки локомотивовъ заставляютъ васъ очнуться отъ очаровательнаго сна и погрузиться въ будничную дѣйствительность. Передъ вами стоятъ фабрики и за-

воды, высокія трубы которыхъ выбрасываютъ столбы густого черного дыма, застилающаго горизонтъ; товарные и пассажирскіе вагоны выстроились въ нѣсколько шеренгъ, маневрирующіе поѣзда, шмыгающіе локомотивы, тяжелыя громадныя повозки, нагруженныя кладью, закоптѣлыя рабочіе и работницы, бѣгающіе съ гроссбухами конторщики и факторы, грязные факино, оборванные нищіе, и рекламы, рекламы на домахъ, вагонахъ, столбахъ, доскахъ, на спинахъ носильщиковъ... переносятъ васъ изъ чуднаго міра грезъ въ обстановку современнаго промышленнаго центра.

И это Римъ, великій, вѣчный Римъ, къ которому вы такъ стремились? И это — могила прошлаго, погостъ нѣсколькихъ цивилизацій! Разочарованный, отгоняя назойливыхъ факино, проходите вы по казарменному вокзалу, попадаете въ толпу факторовъ изъ гостиницъ съ омнибусами... Передъ вами Via Кавуръ, прямая, длинная улица съ современными домами, электрическимъ трамваемъ, и никакой старины. Направо глазъ отдыхаетъ: небольшой скверъ и шумъ воды бьющаго фонтана привлекаетъ ваше вниманіе. Вы идете туда, и у васъ невольно вырывается возгласъ: „какъ тутъ прелестно!“ А за скверомъ нависли старыя, ржавыя, потрескавшіяся съ громадными нишами стѣны термъ Діоклетіана, затерявшіяся среди новаго Рима. Вы идете по одной изъ главныхъ артерій новаго города—Via Novі, попадаете въ шумную, веселую толпу, любуетесь чудными современными

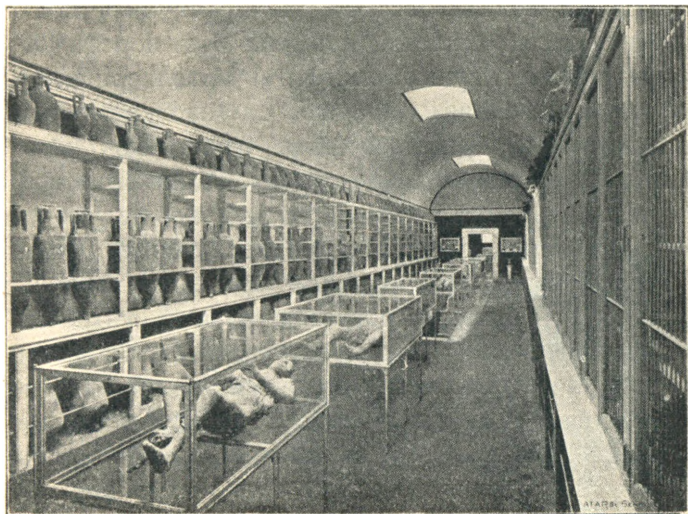
постройками, красивыми зданіями, великолѣпными магазинами. Вы заражаетесь общимъ весельемъ, шумомъ; съ любопытствомъ всматриваетесь въ папскую гвардію — монаховъ, патеровъ, кармелитовъ, попадающихъ на каждомъ шагу въ такомъ числѣ, какъ ни въ одномъ иномъ городѣ. Но вы не въ Ватиканѣ; вы въ новомъ Римѣ—въ окрестностяхъ Квиринальскаго дворца.

Въ Римъ мы пріѣхали за нѣсколько дней до Рождества. Предпраздничная суeta внесла большое оживленіе въ жизнь города. Въ Римѣ на главныхъ улицахъ, какъ и въ Парижѣ на Avenu

Помпеи.

Храмъ Изиды.

Внутренность музея при Помпей.

d'Опера и большихъ бульварахъ, или у насъ въ Россіи на вербной недѣлѣ, передъ праздниками устраиваются временные кіоски и идетъ бойкая торговля игрушками, разными мелочами, открытыми письмами, часто очень художественно исполненными, а нерѣдко и фривольнаго содержанія. Здѣсь, какъ и въ Парижѣ, стоитъ шумъ, гамъ, торговцы выкрикиваютъ названіе какой-нибудь злободневной игрушки.

Послѣдній день передъ Рождествомъ — сочельникъ уже считается праздникомъ, хотя торговля и идетъ до поздней ночи.

Въ 6 ч. утра 24 декабря мы проснулись подъ звуки оркестра военной музыки. Это передъ нашими окнами игралъ оркестръ артиллерійскаго полка, поздравляя римлянъ съ наступающимъ праздникомъ. Пришлось дать нѣсколько лиръ. Музыка гремѣла по всему городу. Одинъ оркестръ смѣнялся другимъ, и такъ вплоть до полуночи, когда въ церквахъ началось богослуженіе.

Вечеръ сочельника римляне проводятъ на улицахъ, бьютъ бутылки и веселятся, какъ дѣти. Во всѣхъ церквахъ у входа въ храмъ выставлены группы, изображающія поклоненіе волхвовъ родившемуся Спасителю. Особенно роскошная группа была выставлена у св. Маріи Маджіоре, гдѣ въ ночь на Рождество идетъ торжественная месса, и въ церкви Бамбино на Капитоліи. У св. Петра не было замѣтно никакихъ приготовленій къ празднику. Месса въ Рождество совершалась не у главнаго алтаря, а въ одномъ изъ придѣловъ, такъ какъ папа не совершалъ богослуженія.

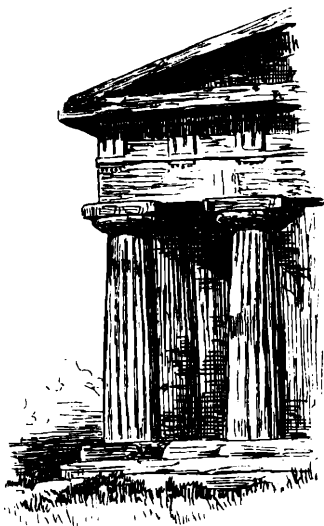
Римъ, главная его артерія Corso Umberto I, бываетъ особенно оживленъ во время масляничнаго карнавала, который тянется цѣлую недѣлю. Въ эти дни Corso неузнаваемъ...

Строго европейская, скорѣе узкая, чѣмъ широкая улица мѣняетъ свой видъ: съ балконовъ, оконъ, съ крышъ свѣшиваются ковры, яркія ткани; черезъ улицы гирлянды — живыхъ цвѣтовъ, флаги. Экипажи, лошади въ цвѣтахъ и лентахъ. Толпа!.. Такая толпа бываетъ только на площади

св. Марка въ Венеціи, и въ Ницца въ время карнаваловъ. Европейскіе костюмы теряются среди пьеро, арлекиновъ, турокъ, китайцевъ, поляковъ, гидальго, вѣдмъ на помелѣ, дѣстушекъ, чертей... кого только нѣтъ въ этой толпѣ! Цвѣтами и конфетти наполненъ воздухъ, засыпана мостовая. Стоитъ веселый гомонъ, шумъ, гремитъ музыка, и среди этого гомона движется цѣлая процессія фантастическихъ экипажей, колоссальныхъ раковинъ, цѣлыхъ домовъ, даже соборовъ, кораблей, пушекъ и т. д.

Въ послѣдній день карнавала, канунъ поста, веселье достигаетъ своего апогея. Лишь только стемнѣетъ, весь Римъ, особенно Корсо, обращается въ море огней: свѣчи всюду и въ окнахъ, и на балконахъ, и на крышахъ, и въ экипажахъ, и въ рукахъ пѣшиходовъ, у нарядныхъ дамъ, бѣдняковъ и масокъ. Свѣчи и свѣчи вездѣ... Каждый старается затушить свѣчу у другого. Идетъ борьба жгутами, шляпами.

То и дѣло слышишь хохотъ толпы, пляшущей

Уголокъ храма Посейдона
въ Пестумѣ.

вокругъ неудачника, не сумѣвшаго уберечь свой огонь, и поющей: „ахъ какой стыдъ, какой стыдъ, у него нѣтъ огня“.

Въ другомъ концѣ Пьеро, указывая на Коломбину и Арлекина, приглашаетъ быть тише:

— Тсс... тсс... — они безъ свѣчей!

Тамъ завязался бой между публикой на балконѣ и толпой на улицѣ: вверхъ летятъ шляпы, платки, бумажные и тряпичные мячи, и все это для того, чтобы потушить огонь. Съ балкона отвѣчаютъ тѣмъ же. Вотъ у экипажа, вскочивъ на подножку, терпѣливо снося удары жгутовъ, смѣльчакъ, выбиваетъ свѣчи изъ рукъ сидящихъ въ ландо дамъ.

Шумъ, пѣсни, музыка, пискъ, хохотъ, обжогі... Веселье въ полномъ разгарѣ, но выстрѣлъ изъ пушки, и огни гаснутъ, пѣсни затихаютъ, пляски прекращаются, музыка умолкаетъ, толпа расходится... Волшебный сонъ кончился, сказка умерла...

Сказка, говорятъ, умираетъ въ Италіи, но мы уѣзжали изъ Рима полные сказочныхъ впечатлѣній, очарованные толпой, памятниками искусства, руинами, садами... Поѣздъ летѣлъ къ югу по пустынной Кампаньѣ; мы жались въ неудобныхъ и грязныхъ вагонахъ, дремали и пробуждались при крикахъ „partenza“. Мелькали огни станцій, опереточные жандармы; гдѣ-то играла мандолина, рядомъ заливался теноръ...

Неаполь.

VIII.

Разсвѣло... Горы справа и слѣва. Кактусы, высокій тростникъ, вѣра низкорослыхъ пальмъ, бѣлые, красные, желтые цвѣты и голубое небо, заслоняемое горами и рощами, усѣянными золотистыми апельсинами и лимонами, рѣзко выдѣлявшимися на зеленомъ фонѣ. Мимо мелькали станціи, города съ красными плоскими крышами домовъ; черезъ улицы перекинута веревка, на которыхъ развѣвалось вѣтромъ бѣлье всевозможныхъ цвѣтовъ, преимущественно бѣлое и синее. На станціяхъ все чаще и чаще стали встрѣчаться оборванные, грязные, съ темными лицами, съ коричневыми открытыми грудями, блестящими глазами, въ пестрыхъ костюмахъ люди, какихъ не встрѣтишь ни въ сѣверной ни въ средней Италіи, тарантелла, бубны, пестрыя юбки, темныя сутаны поповъ, кресты и статуи мадоннъ на холмахъ; перекресткахъ...

Мы подъѣзжали къ Неаполю, съ которымъ

тѣсно связаны представленія о разбойникахъ, каморрѣ, крестѣ и ножѣ.

Черезъ зеленую гущу деревъ, черезъ дымку утренняго тумана мелькнулъ Везувій, нахлобучившій шапку облаковъ, лазурь неаполитанскаго залива, берегъ котораго уходилъ далеко и какъ бы соединялся съ Капри.

Грязный вокзалъ, назойливые факино, навязчивые гиды, шмыгающіе мальчишки, вырывающіе изъ рукъ багажъ, крикъ извозчиковъ, грязныя, вонючія улицы и опять темныя лица со жгучими глазами, ослы въ телѣжкахъ, ослы навьюченные, съ желтыми султанами и яркой упряжью, мулы...

Неаполитанскій музей. Галлерей императоровъ.

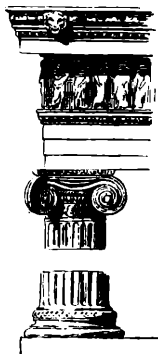
Мы въ гостиницѣ на берегу моря изумительной красоты.

Везувій предсталъ во всей красѣ, когда изъ окна мы увидѣли его курящуюся вершину, а справа — чудный Неаполитанскій заливъ, замкнутый съ одной стороны горами Сорренто и скалистыми берегами Капри, а съ другой — Неаполемъ, расположеннымъ террасами, и отрогами Аппениновъ, на которыхъ во многихъ мѣстахъ виднѣлись древнія постройки, руины, современные зданія, лѣса, виноградники. Картина была чудная, и яркое утро обливало все мягкимъ свѣтомъ, а солнце играло въ голубыхъ водахъ залива и освѣщало бѣлыя зданія самого города, переливаясь блестящими искрами на хребтѣ Аппениновъ, покрытыхъ снѣгомъ.

Неаполитанская Кампанья, въ противоположность Римской Кампаньѣ, представляетъ изъ себя сплошной садъ, наполненный людьми. Природа здѣсь сдѣлала все, чтобы придать этому уголку земли живописнѣйшій видъ: здѣсь и чудныя горы, съ разбросанными, уже потухшими, вершинами, которыя въ давно прошедшія времена наводили трепетъ на людей, и тѣ думали, что въ этомъ-то мѣстѣ и есть входъ въ подземное царство; голубой заливъ, курящійся Везувій, живописныя окрестности и богатѣйшая растительность. Въ этомъ аккордѣ дивной красоты Везувій, съ его двумя вершинами *) и массой кратеровъ, изъ ко-

*) Послѣ изверженія 1906 г. обѣ вершины исчезли.

торыхъ одинъ недавно снова открылся, является центромъ всей Неаполитанской Кампаньи. Взоръ не можетъ оторваться отъ чудной картины, и вы издали изучаете всѣ детали: вотъ прямая, какъ стрѣла, электрическая дорога быстро поднимается въ своихъ легкихъ вагончикахъ туристовъ на обсерваторію, гдѣ постоянно живетъ геологъ, изучающій въ обширнѣйшей въ мірѣ

Пестумъ.

Ионическій ордеръ. Коринѣская капитель.

лабораторіи всѣ перипетіи и катаклизмы огнедышащей горы. Съ другой стороны спиралью извивается бѣлая какъ снѣгъ дорога для экипажей. По этой дорогѣ вы можете подняться до самаго жерла вулкана, слышать глухое бурчанье, громовые раскаты, видѣть и чувствовать выходящіе изъ расщелинъ конуса сѣрные пары, ощущать подъ ногами горячій пепелъ. И когда грозный Везувій вздохнетъ полнымъ вздохомъ, и подъ вашими ногами раскроется трещина,—вы погибли. Но васъ можетъ убить и камнемъ, неожиданно вылетѣвшимъ изъ жерла вулкана. Опасность не останавливаетъ туристовъ, и они, платя бѣшенныя деньги, движимые любопытствомъ, цѣлыми десятками ежедневно поднимаются на вершину Везувія.

Неаполь.

Св. Францискъ Ассизскій.

Грозные раскаты грома, массы выбрасываемых камней, клубы красного дыма и колоссальный костеръ отъ поры до времени предупреждаютъ людей, что это не уснувшій вулканъ, не мертвая гора, а Везувій, который ежеминутно можетъ смести, разрушить, залить лавой и засыпать пепломъ все, что пріютилось у его подошвы.

И въ мартѣ 1906 г. Везувій проснулся. Нужно было видѣть засыпанный пепломъ Неаполь, выжженные рощи, грязный заливъ, слышать громовые раскаты и трепетать, какъ фонтаны огня разсѣкали черный, какъ смоль, дымъ надъ кратерами. На горѣ все было сметено, и мощный потокъ лавы, какъ расплавленный чугунокъ, озаряя багровымъ свѣтомъ окрестности, устремился на Торо-Аннунціату и залилъ половину города до второго этажа. Картина была изумительная, не забываемая. Мы двѣ недѣли прожили въ разрушаемомъ городѣ, любовались разрушеніемъ, присутствовали при томъ моментѣ, когда лава дошла до площади, до статуи св. Анны, и изверженіе прекратилось. Суевѣрный неаполитанецъ приписалъ спасеніе половины Торо-Аннунціаты чуду, заступничеству св. Анны.

А потомъ по образовавшейся коркѣ мы ходили по лавѣ, сожгли подошвы сапогъ и наблюдали картины разрушенія съ высоты второго этажа.

Везувій умолкъ, но на долго ли?

Прежде онъ былъ не таковъ. Это была, быть можетъ, красивѣйшая въ мірѣ гора, заросшая

Островъ Капри.

роскошнымъ лѣсомъ. Богатая растительность, синее небо, голубое море, мягкій климатъ — все располагало здѣсь къ осядлости и къ дачной жизни. За двѣ тысячи лѣтъ до Рождества Христова возникла здѣсь вначалѣ финикійская колонія, затѣмъ — греческая, Геркуланумъ, а позднѣе — римскій городъ Помпея. Здѣсь были построены роскошные дома, храмы, два громаднѣхъ театра, дворцы, торговые ряды; была цѣлая улица ремесленниковъ, улица публичныхъ домовъ. По городу были разбросаны роскошные сады, фонтаны, собраны художественныя рѣдкости и изъ Рима, и изъ Греціи, и изъ Египта, Карфагена и мн. др.

мѣсть. Почти всѣ богатые и знатные римляне имѣли здѣсь свои дачи. Въ дворцахъ Марія, Суллы, Помпея, Цезаря, Августа, Тиверія, Клавдія, Нерона и др. совершались дѣла большой государственной важности, часто имѣвшія міровое значеніе. Здѣсь же, подъ благодатнымъ небомъ юга, среди земного рая замышлялись страшныя преступленія, совершались ужасныя трагедіи, и лились потоки крови не только гладіаторовъ и христіанъ, но и побѣжденныхъ соперниковъ, подозрительныхъ въ государственномъ отношеніи личностей. Здѣсь шли непрерывныя вакханаліи, начинавшіяся обыкновенно въ атріумѣ и перистиліумѣ дворца, украшеннаго замѣчательными фресками и художественными статуями, и заканчивавшіяся въ публичныхъ домахъ, имѣющихъ надъ входомъ символъ разврата и счастья, а на стѣнахъ фрески фривольнаго и въ высшей степени безнравственнаго содержанія. Символъ счастья, какъ у насъ подкова, изображался при входѣ въ каждый домъ.

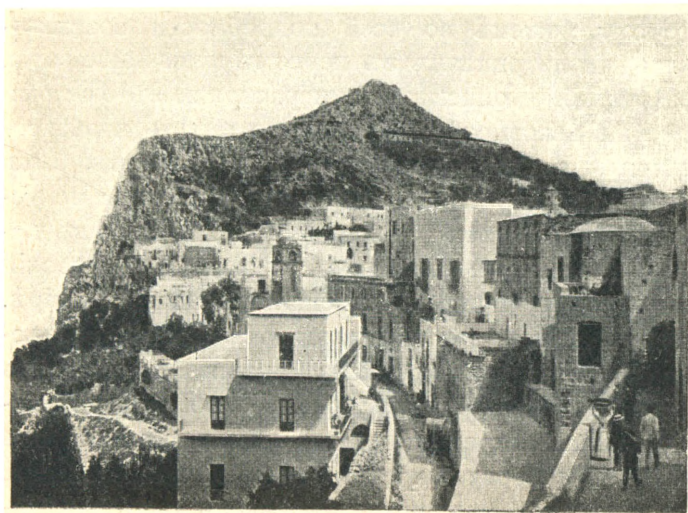
Все это сохранилось во многихъ домахъ и понынѣ, но особенно хорошо въ домѣ поэта Фетти.

Въ 79 г. по Р. Х. на Везувіи раздался ужасный громъ, изъ земли были выброшены колоссальные столбы пламени. Въ теченіе восьми дней и восьми ночей на землю лилась лава, сыпались камни и пепелъ; на землѣ наступила ночь. Люди потеряли голову и бѣжали дальше изъ этого ада; многіе спаслись, но многіе погибли. Горячій пепелъ мо-

ментально сжигалъ ихъ, оставивъ для будущихъ поколѣній вмѣсто тѣла пустое мѣсто, куда въ наше время былъ влить алебастръ. Теперь въ музеѣ Помпеи туристъ можетъ видѣть нѣсколько алебастровыхъ фигуръ погибшихъ людей и животныхъ.

Геркуланумъ былъ залитъ лавой, а Помпея засыпана пепломъ на нѣсколько метровъ высоты.

Прошли годы, слѣды древнихъ городовъ исчезли; на пепелъ и лаву нанесена была земля, построены новыя зданія, разбиты сады, посѣянъ хлѣбъ, и... люди позабыли мѣсто, гдѣ нѣкогда стояли Помпея и Геркуланумъ. Только въ 1689 г.

Вилладжіо на Капри.

Д. Макрина открылъ какія-то постройки и камень съ надписью „Pompeï“, и приписалъ это названіе не городу, а великому Помпею. Въ концѣ XVIII в. рядомъ находокъ статуй было установлено, что всѣ эти находки принадлежать городу Помпеѣ. Раскопки начались болѣе правильно только при королѣ Мюратѣ, но потомъ при Бурбонахъ интересъ къ раскопкамъ снова упалъ, и только съ водвореніемъ въ Италіи національнаго правительства, съ 1860 г., вопросъ о раскопкахъ былъ поставленъ на раціональную почву. Въ настоящее время около половины Помпеи и часть Геркуланума выступили снова на свѣтъ, и мы имѣемъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ, по которому можемъ во всей подробности возстановить жизнь римлянъ въ первомъ вѣкѣ нашей эры.

Подробно описывать эти раскопки въ бѣгломъ очеркѣ невозможно: ихъ нужно видѣть, чтобы составить полное представленіе о культурѣ, бытѣ и искусствѣ римлянъ и грековъ. Предметы искусства изъ Помпеи и Геркуланума собраны въ неаполитанскомъ музеѣ, представляющемъ глубокій интересъ и являющемся единственнымъ въ мірѣ. Здѣсь, кромѣ замѣчательныхъ фресокъ, предметовъ домашняго обихода, кухни, священныхъ предметовъ и т. п. мы можемъ любоваться замѣчательными предметами искусства. Фрески изъ Помпеи и Геркуланума исполнены художественно, но всеобщее вниманіе привлекаетъ рядъ замѣчательныхъ бюстовъ и статуй императоровъ и за-

Горная дорога на Капри.

мѣчательно художественно исполненныя классическія статуи „Аѳины-Паллады“ и „Нереиды“, сидящей на какомъ-то фантастическомъ морскомъ чудовищѣ. Здѣсь же стоитъ замѣчательная группа,— „Апполонъ, умиряющій быка“, сдѣланная 2—3 т. лѣтъ тому назадъ изъ громаднаго куска мрамора. Работа и колоссальность группы вызываютъ всеобщее удивленіе. Нельзя пройти мимо и не остановиться передъ Геркулесомъ Фарнезскимъ и Венерой Капуанской. Разсматривая предметы домашняго обихода, въ большомъ количествѣ перевезенные изъ Помпеи и Геркуланума, зритель поражается большимъ сходствомъ многихъ стеклянныхъ издѣлій, кухонныхъ вещей, горшковъ, дверныхъ приборовъ и проч. съ современными. Ожерелья, кольца, шпильки, дамскія украшенія и многое другое даетъ намъ полное представленіе о состояніи ювелирнаго дѣла въ тѣ времена; и тогда имѣлъ мѣсто стиль декадансѣ, такъ широко развившійся за послѣднее время.

На раскопки Геркуланума и Помпеи (въ первомъ, благодаря тому, что онъ былъ залитъ лавою, а не засыпанъ, какъ Помпея, пепломъ, работы крайне тяжелы и дороги) затрачены многіе милліоны; но жалѣть о нихъ не приходится: открытые памятники, предметы быта, произведенія изящныхъ искусствъ настолько драгоцѣнны, что не поддаются учету, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ громадную научную цѣнность. Благодаря тому, что остатки старины почти въ продолженіе двухъ ты-

Фарнезскій быкъ.

Неаполь.

сячь лѣтъ были скрыты подъ землею, они не были расхищены ни пришлыми ни туземными варварами.

Почти черезъ два тысячелѣтія передъ глазами нашихъ современниковъ встаетъ полностью и во всемъ ея объемѣ древняя римская жизнь. Помпея, Геркуланумъ, неаполитанскій музей съ древними богами, галлереей императоровъ, съ секретной комнатою, гдѣ собраны фривольныя фрески, статуи, картины, амулеты, гробница знаменитаго римскаго поэта Виргилія, лежащаго здѣсь же въ Неаполѣ, гротъ Сивиллы и многое другое, разбросанное по всему Неаполю и его окрестностямъ — все это иллюстрируетъ древнюю жизнь памятниками того времени. Среди этихъ остатковъ классическаго міра то и дѣло попадаются слѣды среднихъ вѣковъ, и даже въ самомъ неаполитанскомъ музеѣ встрѣчаются памятники позднѣйшаго искусства, и между ними нельзя пройти мимо замѣчательно художественной статуи Франциска Ассизскаго, производящей глубокое впечатлѣніе. Великолѣпны и неаполитанскія церкви, которыя болѣе чѣмъ римскіе храмы навѣваютъ религіозное настроеніе.

Геркуланумъ, Помпея, неаполитанскій музей — это великая могила классическаго міра, частью разрушенная, такъ что приходится воображеніемъ возстановлять и дополнять картину былого, а особенно архитектуру. Но есть въ Италіи такой чудный уголокъ, почему-то обойденный

Улица итальянскихъ городовъ.

во многихъ путеводителяхъ, гдѣ сохранились три храма, болѣе древніе, чѣмъ римскій форумъ, Капитолій, не говоря уже о болѣе позднѣйшихъ дворцахъ императоровъ. Это Пестумъ, лежащій въ пяти часахъ ѣзды отъ Неаполя. Пестумъ — греческая колонія Посейдонія, основанная за 7 вѣковъ до Р. Х.

Здѣсь сохранились до нашихъ дней почти неприкосновенными три храма: Посейдону, Церерѣ, покровительницѣ земли, и третій неизвѣстному божеству, который носитъ неопредѣленное названіе Базилики.

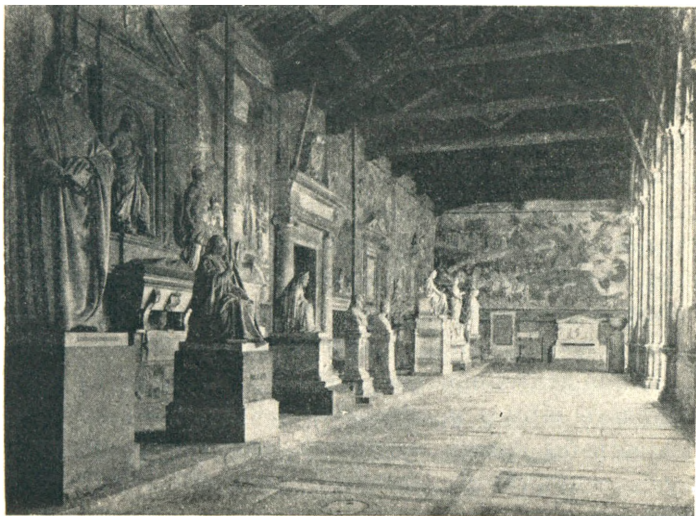
Дорическій стиль построекъ, особенно колоннъ, говоритъ о той эпохѣ, когда въ Пестумѣ о римлянахъ не было и слышно. Красота храмовъ, стоящихъ среди густой травы, выдержанность стиля построекъ изумительныя.

Поѣздка въ Пестумъ интересна еще и потому, что на пути лежитъ Салерно, городъ, выхваченный цѣликомъ изъ среднихъ вѣковъ, съ узкими улицами, гдѣ негдѣ разѣхаться, съ крохотными площадями, аркадами. Солерно — усыпальница св. евангелиста Матѳея, великолѣпный храмъ котораго построенъ въ XI вѣкѣ и сохранилъ полностью свой первоначальный видъ. Внутри храмъ полонъ остатками Греціи и Рима, іоническими, коринѣскими и др. колоннами, привезенными сюда изъ Пестума. На многихъ изъ нихъ сохранились языческія изображенія, и несмотря на это, строгій характеръ собора располагаетъ къ молитвѣ.

Совершенно иного характера подвальный этажъ съ массой свѣта. Потолокъ и стѣны его покрыты яркими и крупными цвѣтами, сдѣланными изъ различнаго цвѣта мраморовъ и камней. Мозаика замѣчательна и по яркости цвѣтовъ напоминаетъ восточныя ткани.

Пестумъ и Салерно незначительные провинціальныя городки, а первый даже нѣчто въ родѣ поселка при желѣзной дорогѣ. Здѣсь, среди древнихъ построекъ, среди заплѣсневѣлыхъ стѣнъ, травы, простыхъ жителей пріятно отдохнуть отъ шумнаго Неаполя и надоѣвшихъ туристовъ, которые почему-то избѣгаютъ посѣщать прелестныя уголки старой Италіи.

Италія, особенно Римъ и Неаполь, говорятъ путешественнику о тысячелѣтіяхъ. Даже маленькій и скалистый Капри, который изъ Неаполя, особенно съ Вомеро, кажется облачкомъ, упавшимъ въ изумрудныя воды залива, несетъ на себѣ въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ памятники, повѣстующіе объ исторіи Рима временъ императоровъ и о среднихъ вѣкахъ эпохи Фридриха Барбароссы. Капри интересенъ не своимъ лазоревымъ гротомъ, который привлекаетъ туристовъ, рискующихъ даже жизнью, чтобы, лежа въ лодкѣ, попасть въ него для того, чтобы любоваться сафировымъ цвѣтомъ и серебряными блестками брызгъ воды, не своими скалистыми утесами, не берегами и холмами (въ нашей Сибири и на Кавказѣ найдется не мало мѣстъ, по своей живопис-

Кладбище въ Пузѣ.

ности далеко превосходящихъ Капри), не сталакитовой пещерой и зеленымъ гротомъ, — онъ интересенъ какъ памятникъ былого. Маленькій островокъ, представляющій изъ себя пустыню, по капризу жестокаго Тиверія долженъ былъ стать плодороднымъ островомъ. По повелѣнію этого императора рабы привозили землю, разбрасывали ее на каменистой почвѣ, сажали виноградъ и пальмы, строили дворцы, гдѣ долженъ былъ благодушествовать Тиверій и справлять свои оргіи.

Крестоносцы также оставили свои слѣды на островѣ, гдѣ теперь иностранцы, особенно нѣмцы, скупаютъ земли для постройки виллъ.

Фридрихъ Барбаросса также воздвигъ здѣсь одинъ изъ своихъ замковъ. Но вся исторія острова канула въ Лету. Тамъ, гдѣ останавливался Барбаросса, стоитъ ресторанъ, съ террасы котораго можно любоваться чуднымъ видомъ на Неаполитанскій заливъ; тамъ, гдѣ былъ дворецъ жестокаго Тиверія, раскинулся небольшой городокъ, и съ хребта утесовъ открывается живописный видъ на Неаполь и сливающееся съ небесной синевой лазуревое Средиземное море; тамъ, гдѣ совершались оргіи Тиверія, теперь съ вершины горы смотреть С.-Марія-дель-Соккорсо, которая могла бы много повѣдать міру о прожитыхъ вѣкахъ. Ея разсказъ потрясъ бы души и сердца самыхъ невозмутимыхъ туристовъ, совершающихъ на убранномъ флагами пароходѣ поѣздку вокругъ живописнаго Капри, чтобы лучше любоваться его видами, чтобы яснѣе видѣть руины, чтобы Lacrima Christi (Слеза Христа) казалась еще слаще.

Съ мыса Трагара открывается живописнѣйшій видъ на Неаполитанскій заливъ — эту частицу неба, упавшую на землю, на вулканическую Искію, на Везувій съ его вершинами, на Неаполь, поднимающійся амфитеатромъ, а тамъ дальше — Аппенины, убранные зимнимъ снѣгомъ, блестящимъ въ лучахъ южнаго солнца, какъ божественная роза, а передъ ними роскошные сады, пальмы, розы...

„Увидѣть Неаполь и умереть“, — эта поговорка неаполитанца становится понятной. Но... и большое „но“... Туристъ, ошеломленный историче-

скими воспоминаніями, очарованный красотами природы, съ красиваго, комфортабельнаго парохода сходить на берегъ. Онъ только что любовался видами, восхищался ловкостью пловцовъ-красавцевъ, когда они, какъ дельфины, ныряли въ голубыя воды залива и съ изумительной ловкостью ловили ртомъ монеты, бросаемаыя съ парохода, удивлялся, какъ тяжело дышало море у крутыхъ скалъ горбатаго Капри... Теперь передъ нимъ не мертвый, а живой Неаполь, съ его неугомонной шумихой, вѣчнымъ крикомъ людей и животныхъ, пощелкиваньемъ бича, стукомъ колесъ, съ пѣніемъ и музыкой на всевозможныхъ инструментахъ и... грязью, вонью, нищетой, невѣжествомъ и массой горя и слезъ. Очаровательная неаполитанская Кампанья — гдѣ ты? Что ты сдѣлала съ этими несчастными людьми, живущими въ непролазной грязи, въ ужасной атмосферѣ, питающимися Богъ знаетъ чѣмъ и погруженными въ непроглядную тьму невѣжества и суевѣрія? Они то молятся своему патрону-святому, то заключаютъ его въ тюрьму, если онъ плохо имъ помогаетъ. Наши самоѣды и остяки такъ же поступаютъ со своими фетишами, какъ неаполитанецъ со своимъ св. Януаріемъ — покровителемъ Неаполя. Но нашъ инородецъ — дикарь, а неаполитанецъ, съ позволенія сказать, культурный человекъ.

Пойдите въ закоулки Неаполя (да одного ли Неаполя и только ли въ закоулки?). Здѣсь на васъ

набросится толпа попрошайекъ; васъ буквально осадятъ воры и грабители; благодарите небо, когда вы уйдете цѣлымъ изъ этихъ трущобъ, гдѣ вы будете свидѣтелемъ самыхъ невѣроятныхъ сценъ, возможныхъ только въ самой интимной обстановкѣ. Не поражайтесь, когда вамъ будутъ предлагать купить дѣвочекъ и мальчиковъ. Этотъ родъ торговли широко развитъ въ Неаполѣ и его окрестностяхъ, благодаря продавцамъ и покупателямъ живого товара. Немногимъ чище этихъ трущобъ и главныя улицы Неаполя. Дорога въ Помпею черезъ Резину и Портичи представляетъ сплошное болото грязи, и на протяженіи 15 верстъ туриста обдастъ нѣсколько разъ такимъ амбрэ, отъ котораго выворачиваетъ душу.

Генуя.

Памятники Дж. Мадзини и В. Эммануила.

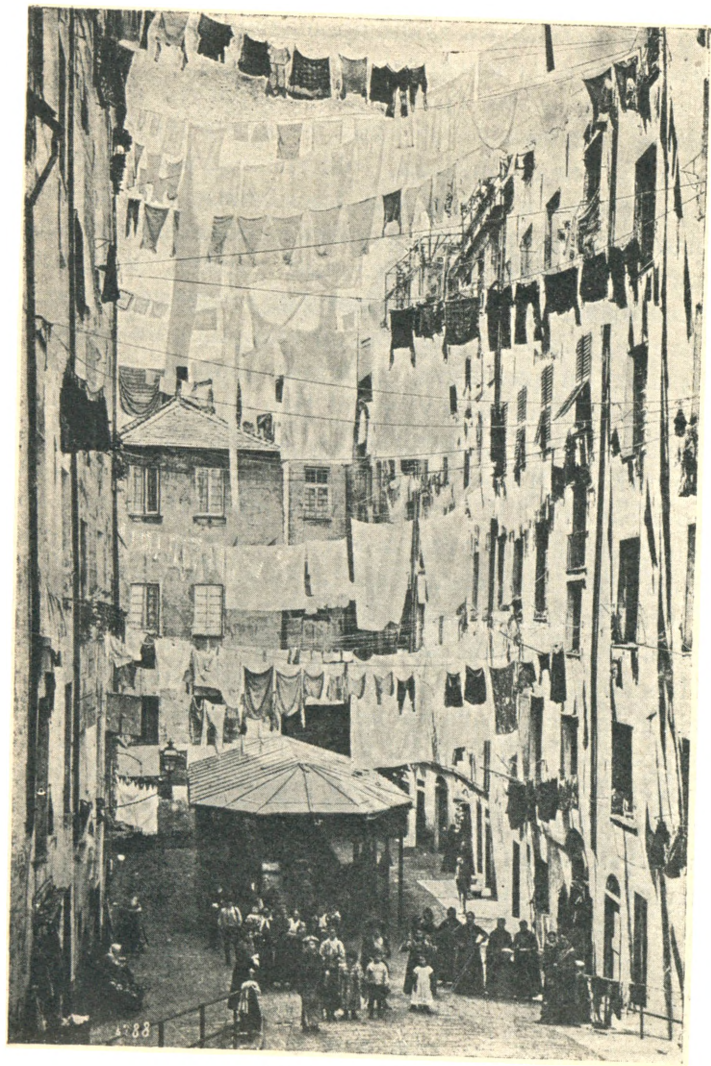
Здѣсь же вы можете видѣть, какъ продавецъ въ ресторанѣ пальцами мѣшаетъ макароны съ сыромъ, какъ онъ дуется порошокъ сыра на макароны, а затѣмъ, какъ грязный лаццарони, взявши тремя пальцами, пускаетъ эти макароны въ ротъ. Но это вѣдь макароны для лаццарони. Но вотъ рядомъ—фабрика макаронъ, которая потомъ идетъ въ магазины и потребляется за фешенебельнымъ столомъ. Макароны длинными прядями тутъ же на улицѣ развѣшаны на палкахъ и веревкахъ, а надъ ними виситъ только что вымытое бѣлье, и капли воды падаютъ на макароны. Развѣшивать бѣлье изъ оконъ прямо на улицу—обычай не только бѣдныхъ кварталовъ итальянскихъ городовъ, но и въ богатыхъ кварталахъ вы встрѣтите эти украшения. Назойливые попрошайки и нищіе васъ осаждаютъ даже въ галлерей Умберто—роскошномъ пассажѣ, гдѣ вы должны беречь свои карманы и плотнѣе застегнуть сюртукъ, иначе вамъ не видать ни кошелька ни часовъ. Въ томъ же пассажѣ васъ осаждаютъ подростки, зрѣлые мужчины и старики съ гнусными предложеніями, при чемъ эти предложенія дѣлаются на всевозможныхъ языкахъ. Иностранецъ приходитъ въ изумленіе отъ всей этой „простоты нравовъ“, отъ этой распущенности, мошенничества и попрошайничества. Не менѣе онъ изумляется, когда торгуется въ магазинахъ, гдѣ вещь ему уступаютъ за $\frac{1}{2}$, даже $\frac{1}{4}$ запрошенной цѣны. Въ Италіи принято торговаться даже въ аптекахъ.

Передъ вами невольно встаетъ вопросъ: гдѣ же причины всѣхъ безобразій, творящихся въ этомъ уголкѣ земного рая, богатомъ историческими воспоминаніями?

Гдѣ причины невѣжества, суевѣрія и кощунства, когда на улицахъ итальянскихъ городовъ встрѣчаются туники всевозможныхъ монашескихъ орденовъ — бѣлыя, черныя, коричневыя, въ такомъ числѣ, какъ ни въ какомъ другомъ государствѣ? На эти вопросы намъ можетъ отвѣтить та же исторія, и исторія недалекаго прошлаго.

Эти босые и въ обуви, въ капюшонахъ, и въ шляпахъ, и съ открытыми головами монахи въ теченіе многихъ лѣтъ были просвѣтителями народа. Они поощряли предразсудки, суевѣріе и невѣжество народа, потому что это для нихъ было выгодно. „Мой народъ не имѣетъ нужды думать“ — писалъ въ прошломъ столѣтіи неаполитанскій король Фердинандъ Бомба.

Взгляды короля и духовенства гармонировали между собою. Новое итальянское правительство, явившееся послѣ объединенія Италіи, не раздѣляетъ этихъ взглядовъ, но въ общемъ и оно дѣлаетъ очень мало для поднятія благосостоянія и просвѣщенія народныхъ массъ. Говорятъ, причина этому обстоятельству — плохіе финансы Италіи. Но такъ или иначе, невѣжество и суевѣріе итальянскаго народа настолько поразительны, что производятъ на туриста большее впечатлѣніе, чѣмъ историческіе памятники и красоты природы, потому

Улица въ Генуѣ.

что все то было въ давно прошедшія времена, а это чувствуется на каждомъ шагу теперь. Настоящее и прошлое — это громадный контрастъ, и не въ пользу настоящаго. И тѣмъ не менѣе грязь Неаполя и неаполитанца, заплѣсневѣлая стѣны, соръ, бѣлье и макароны, навязчивые лаццарони, гиды и т. д., все это кладетъ особенный отпечатокъ на этотъ удивительный городъ, который является единственнымъ. Вотъ что сказалъ великій Гёте о Неаполѣ: „Что бы ни говорили, ни рассказывали, ни рисовали, дѣйствительность представляетъ больше всего этого! Что за берега, бухты заливы, Везувій, предмѣстья, замки, увеселительныя мѣста! Я простилъ всѣмъ, кто сходить съ ума по Неаполѣ... Я... совершенно притихъ и только широко, широко открываю глаза, когда что-нибудь покажется мнѣ слишкомъ необыкновеннымъ“.

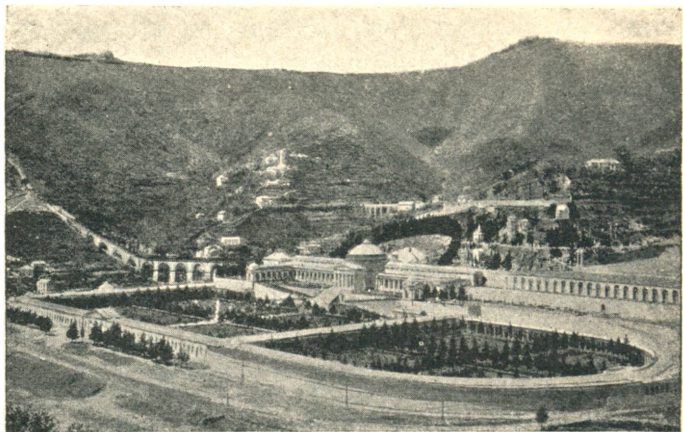
Съ такимъ же впечатлѣніемъ, въ ожиданіи увидѣть что-то необыкновенное, я оставилъ Неаполь... Пароходъ покачивало, море тяжело дышало, Везувій дымился, справа промелькнулъ бѣлый Сорренто, террасами упавшій въ море. Неаполь тонулъ въ сумеркахъ вечера, и только розовая шапка Везувія и золотистые гребни Аппенинъ сильнѣе отбѣняли темную, почти черную синеву воды. Капри рисовался уже глыбой, брошенной гигантской рукой въ воду, а впереди море и небо, устѣянное миллиардомъ звѣздъ, отражающихся въ водѣ. Спать не хотѣлось... Мы жадно вдыхали декабрьскій морской воздухъ...

Черезъ Сицилію въ Геную.

IX.

Солнце стояло уже высоко, когда мы вошли въ бухту Палермо. Моря не было... Со всѣхъ сторонъ нависли на насъ горы, покрытыя могучей причудливой зеленью, и тамъ дальше, за кактусами, апельсинами, магноліями, папирусомъ, финиковыми пальмами дымила бѣлоснѣжная вершина Этны, не разъ заливавшая своею лавою Катанію. Сицилія оригинальнѣйшій уголокъ земли, гдѣ крестьяне живутъ въ городахъ, гдѣ вѣчная зелень, благодатный климатъ и яркость красокъ растений, построекъ, костюмовъ дѣлаютъ ее едва не единственной страной міра. Все тутъ полно остатками древности, говорящими, что нѣкогда культурная жизнь стояла на островѣ на такой высотѣ, о которой не смѣютъ мечтать современники. Не даромъ греки называли ее второй Элладой, которой затѣмъ владѣли карфагеняне, римляне, арабы, готы и т. д. Узкій Мессинскій проливъ, случайно оторвавшій Сицилію отъ материка, не могъ служить

Кладбище въ Генуѣ. Памятники генуэзскаго кладбища.

препятствіемъ для варваровъ... Постройки были сметены; остатки ихъ разбросаны по всему острову; жители стали ютиться у городовъ; поля были заброшены, и остались однѣ яркія краски и стили всевозможныхъ эпохъ! Даже столица Сициліи Палермо демонстрируетъ на своихъ улицахъ всевозможные стили построекъ, включительно до китайскаго. Все смѣшалось, перепуталось: готика съ Византіей, арабскій стиль съ классическимъ. А церкви?.. Церкви сохранили всю красочность Византіи, и особенно знаменитый Монреальскій соборъ. Тутъ все ярко, пестро, изумительно красочно и безтолково, какъ безтолковъ весь Палермо, когда смотрѣть на него съ вершины Монреалья и видѣть, какъ все: и скалы, и дома, и улицы, и церкви, все

слилось въ одинъ общій орнаментъ, который играетъ красками, какъ мозаика Монреальскаго собора.

Палермо не скучно, пестро, не художественно, но изумительно красиво. Красиво безконечно и море, и солнце, и розы, и колючій кактусъ, и пестрыя ткани на бѣлыхъ стѣнахъ, и изумрудная зелень, красиво, но безтолково, безтолково, но весело...

Пестро-красочная Сицилія постепенно погружалась въ сафировыя волны моря. Уже не видно ни зелени, ни утесовъ, ни Монреалья... Только бѣлое облачко съ дымчатою струйкой долго сопровождало насъ, но и оно скрылось за горизонтомъ.

Дуль свѣжій вѣтеръ; пароходъ плавно покачивало. Небо чернѣло; темнѣла и вода. Цѣлые потоки воды упали съ неба и скрыли не только море, но и часть палубы.

Въ сторонѣ осталась Сардинія съ ея болотами, лихорадками, горами, говорящими на латинскомъ языкѣ и сохранившими многіе древніе римскіе обычаи.

Дождь пересталъ, но море курилось. Сквозь дымку вечерняго тумана заблистали огни шумной, суетливой гавани Рима Чивита-Векіи... Мы въ поѣздѣ.

Быстро промелькнула Чивита-Векія и другіе города и мѣстечки. Прорѣзывая горы, мы мчались среди лимонныхъ и апельсинныхъ рощъ, миновали Каррару съ ея знаменитыми ломками. Рано утромъ

въ туманѣ брежущаго разсвѣта показалась когда-то знаменитая по своей торговлѣ Пиза, мѣсто рожденія Галилея, домъ котораго сохраняется и донынѣ.

Сквозь утренній туманъ обрисовывался замѣчательный пизанскій соборъ и рядомъ съ нимъ падающая башня. Здѣсь, на площади собора, собрано все, что есть замѣчательнаго въ Пизѣ. Национальный музей, знаменитая Баптистерія, по изяществу превосходящая Флорентійскую Баптистерію, башня, соборъ, университетъ и домъ Галилея.

Эта площадь, да и вся Пиза съ ея Кампо Санто производятъ глубокое впечатлѣніе. Старина здѣсь чувствуется болѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ Тосканы. Когда стоишь на старой площади, заросшей травой, и смотришь на эти пожелтѣвшіе отъ времени мраморы, на стройность и соразмѣрность частей великолѣпнаго собора съ его удивительнымъ куполомъ, не хочется вѣрить, что все это построено въ XII в.

Духъ и характеръ зодчихъ и скульпторовъ XII в. воспринялъ Никколо Пизано; онъ, какъ и творцы великихъ пизанскихъ построекъ, былъ проникнутъ идеей архитектурнаго Рима временъ Діоклетіана. Но истиннымъ основателемъ пизанской школы былъ сынъ Никколо, Джованни Пизано, столкнувшійся съ готическимъ искусствомъ и видѣвшій въ самой природѣ неисчислимый источникъ образовъ и мыслей. Методъ подража-

Кладбище в Геновѣ.

Скульптура Станетти.

нія онъ смѣнилъ методомъ испытанія. Онъ явился основателемъ школы ваянія, которая дала мастеровъ эпохи Возрожденія для всей Италіи. Но и въ твореніяхъ безсмертнаго Джованни Пизано лежатъ идеи мастеровъ XII в., создавшихъ колонки, капители, фронтоны и разныя украшенія на знаменитыхъ памятникахъ архитектуры Пизы. Пиза дала Италіи скульпторовъ, но въ ней почти не было живописцевъ. И тѣмъ не менѣе стѣны Кампо Санто украшены замѣчательной живописью, фресками, исполненными флорентійцами, среди которыхъ имѣется знаменитая фреска неизвѣстнаго мастера XIV в. „Тріумфъ Смерти“. Само кладбище представляетъ грандіозный памятникъ искусства. Постройка его заканчивалась Джованни Пизано уже послѣ того, какъ Пиза была сломлена генуэзцами.

Были попытки возстановить былое могущество благороднаго города мореплавателей, но попытки неудачныя, и большинство фресокъ на кладбищѣ писалось уже впослѣдствіи монахами, также замѣчательными мастерами. Между этими строгими по стилю, содержанію и краскамъ замѣшались фрески Бенаццо Гоццолі, сплошь состоящія изъ веселыхъ пейзажей, юношей, дѣвушекъ, винограда и всевозможныхъ цвѣтовъ. Campo-Santo Пизы—единственное по своей оригинальности въ Италіи.

Быть въ Пизѣ и не съѣздить въ Лукку невозможно. Со стѣнъ этого стараго города, съ узкими улицами, стиснутыми ущельями, со стѣнъ,

Кладбище въ Генуѣ.

Барельефъ Мадонны Ск. Оренго.

обращенныхъ въ бульваръ, видны и всѣ церкви Лукки, и узкія улицы, и роскошная панорама окрестностей. Но если подняться еще выше, пройдя среди роскошныхъ платановъ къ часовнѣ Маріи-Розы, то отсюда открывается единственный въ своемъ родѣ видъ на Аппенины, Аппунскія Альпы, Каррару и безконечныя долины, уходящія вдаль.

Въ самой Луккѣ много остатковъ старины, и здѣсь на фасадѣ собора и въ др. мѣстахъ можно познакомиться съ памятниками романской скульптуры.

Изъ Лукки можно проѣхать и въ прекрасную Флоренцію, а черезъ нее, Болонью и цѣлый рядъ небольшихъ итальянскихъ городовъ: Модену, Парму, Піаченцу и др., сохранившихъ памятники эпохи Возрожденія, попадаютъ въ Миланъ.

Но мы забыли старую Пизу съ ея строгой архитектурой, смѣлой и жизненной скульптурой, замѣчательными памятниками. Всѣ эти зданія, пожелтѣвшіе мраморы, пожелтѣвшіе камни, заплѣсневѣлыя стѣны пріобрѣтаютъ особенную прелесть во время ненастья, которое болѣе гармонируетъ съ этимъ городомъ, чѣмъ ясный солнечный день. Красива площадь Пизы въ лунную ночь, когда соборъ, башня бросаютъ длинную твердо очерченную тѣнь, и старый стиль и камни пріобрѣтаютъ какой-то фантастическій видъ.

Одну такую декабрьскую ночь почти всю мы провели на улицахъ Пизы, дожидаясь поѣзда, что-

Кладбище въ Генуѣ.

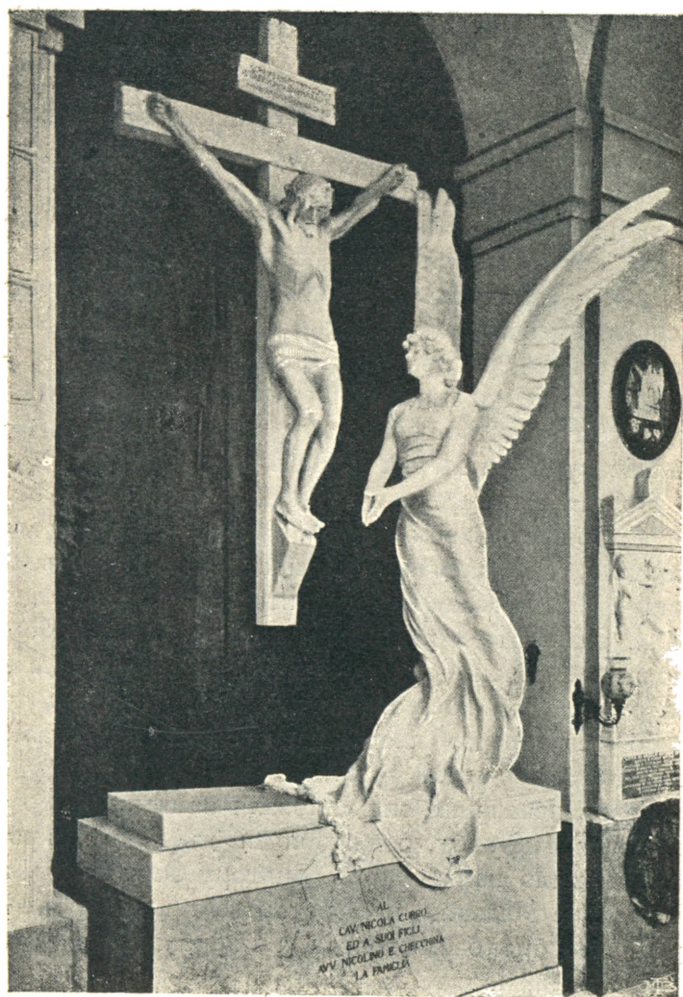
Скульптура Коста, могилы сестеръ Дапассино.

бы ѣхать въ Геную. Холодъ въ домахъ, на вокзалѣ былъ ощутительнѣе, чѣмъ на открытомъ воздухѣ. Мы думали согрѣться въ экспрессѣ, но тамъ намъ даже не бросили грѣлокъ подѣ ноги. Ежась отъ холода, мы вспоминали теплые вагоны и дома въ Россіи и удивлялись итальянцамъ, легко одѣтымъ, веселымъ и поющимъ.

Поездъ мыстро мчался къ Генуѣ, пересѣкая Аппенины, которые крутыми обрывами спускаются въ волны Генуэзскаго залива. Несмотря на скалы и крутые утесы, люди, вложившіе громадный трудъ, сдѣлали генуэзскую ривьеру очень живописной мѣстностью, а самымъ красивымъ пунктомъ на этой ривьерѣ безусловно является Генуя.

Этотъ древній городъ, нѣкогда соперничавшій по своему значенію съ Венеціей, расположенъ въ глубинѣ роскошнаго залива, громоздясь по горамъ и утесамъ. Прежнее богатство торгово-промышленнаго города создало здѣсь рядъ блестящихъ мраморныхъ дворцовъ, висячіе сады, роскошныя колоннады и богатые произведенія искусства; не даромъ же въ прежнія времена Геную называли великолѣпной.

И въ настоящее время Генуя первый въ Италіи торговый городъ и важнѣйшій портъ, съ корабельными верфями, гдѣ были выстроены два самыхъ большихъ японскихъ броненосца, причинившихъ намъ не мало вреда во время послѣдней войны. Генуя дѣлится на двѣ части: старую

Кладбище въ Генуѣ.

Скульптура Рафаѣло.

и новую. Первая расположена у порта и представляет цѣлую сѣть узкихъ, кривыхъ улицъ съ роскошными мраморными палаццо, наполненными собраніями художественныхъ произведеній, со старинными церквами, съ соборомъ св. Лоренцо изъ полосатаго мрамора, съ лавчонками, торгующими серебряными издѣліями и кораллами. Новый городъ, расположенный на горахъ, прямая противоположность старому. Здѣсь свѣтло, широкія улицы, прекрасныя площади, сады, постройки новыхъ стилей, роскошный гостинный дворъ. Недалеко отъ Генуи (можно проѣхать на трамвай), на узкой полоскѣ земли лежатъ извѣстные климатическіе курорты Нерви и Пельи.

Но самая интересная поѣздка изъ Генуи — это на кладбище „Campo-Santo“, расположенное среди холмовъ, въ красивой мѣстности. Это единственная въ мірѣ галерея скульптурныхъ произведеній... Смотрѣть картинныя галереи было невозможно, такъ какъ по случаю Рождества онѣ были закрыты. Пришлось ограничиться осмотромъ чуднаго генуэзскаго кладбища, которое въ Италіи считается первымъ.

Взявъ извозчика, мы миновали памятникъ Христофору Колумбу, родившемуся въ Генуѣ, проѣхали мимо памятниковъ Виктору Эммануилу и Джузеппе Мадзини, про котораго генуэзцы говорятъ, что онъ былъ голова, а Гарибальди руки, и въѣхали на холмъ, съ котораго открывается красивый видъ на Геную, на заливъ и Средиземное

Кладбище въ Генуѣ.

Скульптура Орего.

море, а съ другой стороны на роскошныя долины, окаймленныя яркозелеными хребтами горъ и множествомъ средневѣковыхъ построекъ, въ центрѣ которыхъ лежитъ знаменитое „Самро-Санто“. По случаю Рождества на кладбищѣ было много народу, многіе памятники утопали въ цвѣтахъ. вмѣсто превосходныхъ мраморныхъ статуй, изображающихъ часто всю семью покойнаго или наиболѣе важный моментъ изъ его жизни, вмѣсто цѣлаго ряда аллегорическихъ изображеній, говорящихъ о суетности земного, вмѣсто иногда декадентскихъ памятниковъ, въ обширныхъ галлереяхъ кладбища мы увидѣли сплошной садъ съ массой цвѣтущихъ растений. Зажженные свѣчи, фонари придавали кладбищу какой-то фантастическій видъ. Все это было очень красиво, но намъ приходилось сожалѣть, что передъ нами слишкомъ много цвѣтовъ, за которыми пропадали памятники часто принадлежащіе рѣзцу знаменитыхъ итальянскихъ скульпторовъ.

Праздничная картина кладбища на насъ навѣяла тихое, грустное настроеніе, къ которому располагала и холодная дождливая погода. Благодаря холоду и ненастью мы не поѣхали въ Туринъ, гдѣ 50 лѣтъ тому назадъ было объявлено объединеніе Италіи, столицей которой намѣченъ былъ Римъ. Столица Пьемонта неразрывно связана съ исторіей освобожденія съ именами Виктора Эммануила, Кавура, Гарибальди и Мадзини. Но въ ней немало интереснаго отъ минувшихъ вѣковъ. Тор-

Кладбище въ Генуѣ.

„Адамъ“. Скульптура Оренго.

говый оживленный городъ имѣеть и прекрасныя картинныя галлерей.

Итальянскіе вагоны совсѣмъ не приспособлены для тепла и мы, ежась отъ холода и пронизывающей сырости, сѣтуя на итальянцевъ, залѣзли въ купе вагона, но наше мрачное настроеніе скоро разсѣялось, а выглянувшее солнце согрѣло насъ. На средиземной Ривьерѣ невозможно быть мрачнымъ. Ривьера отгорожена отъ остального міра моремъ и горами. Возвышающаяся на сѣверѣ стѣна Альпъ съ снѣговыми вершинами защищаетъ ее отъ холодныхъ вѣтровъ сѣвера, а Средиземное море, омывающее Ривьеру съ юга, смягчаетъ жаркіе вѣтры Африки. Благодаря такому сочетанію моря и камня созданъ прелестный уголокъ міра, богато одаренный природой, гдѣ царствуетъ вѣчная зелень и дозрѣваютъ плоды пальмъ. Альпы, красивѣйшія въ мірѣ горы, придаютъ мѣстности живописный видъ, спускаясь въ море то крутыми обрывами, то пологими отрогами, покрытыми яркой зеленью; среди отроговъ лежатъ глубокія роскошныя долины съ разбросанными по нимъ мраморными виллами. Синее теплое морезадумчиво ласкаетъ эти отроги и утесы, бросая на все лазоревый отблескъ.

„Бѣжитъ, шумитъ задумчиво волна
И берега чудесные цѣлуетъ“...

Берегъ Средиземнаго моря отъ Каннъ до Генуи— живописнѣйшій въ мірѣ уголокъ.

Поѣздъ почти не выходитъ изъ тоннелей. Мы постоянно ныряемъ въ горы, съ тѣмъ, чтобы на мигъ выскочить изъ мрака, увидѣть безпредѣльную синеву моря, не поддающуюся описанію красоту берега, и снова скрыться подъ землей. Опять на мигъ блеснетъ яркимъ свѣтомъ и голубое небо,

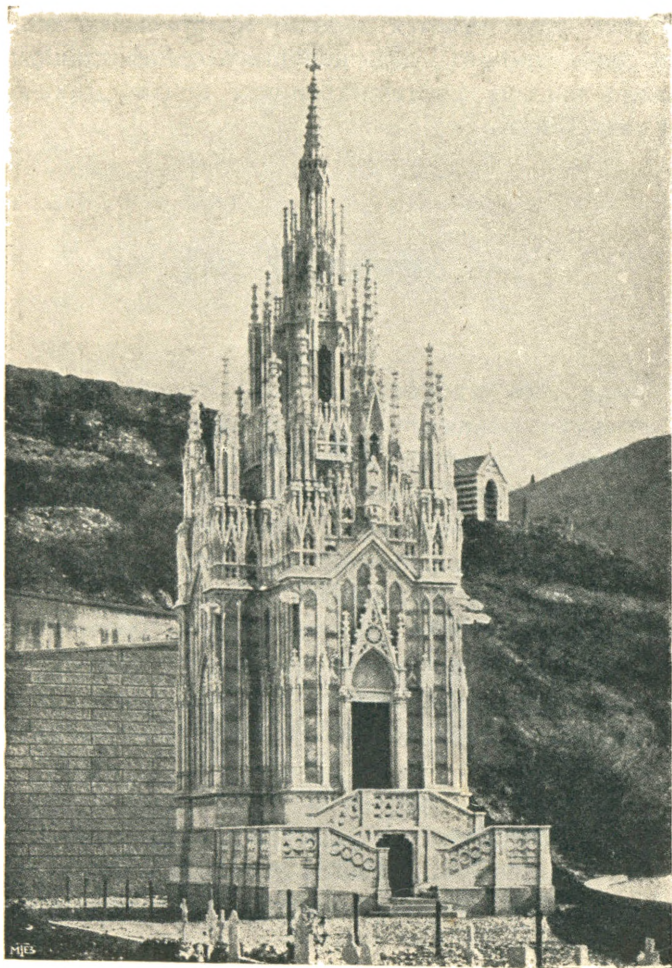
Кладбище въ Генуѣ.

Могила Дж. Мадзини.

и лазоревое море, опять услышимъ ласковый шепотъ волны и снова темно, снова шумъ и грохотъ мчащагося поѣзда раздражаетъ васъ; и вы съ нетерпѣніемъ ждете блеска утра, свѣта дня, роскошной зелени и синяго неба, купающагося въ нѣжно-голубомъ морѣ... Передъ вами мелькнетъ одинокая

скала, брошенная въ море; на вершинѣ ея уцѣлѣли какія-то развалины; вы не успѣли разсмотрѣть ихъ; развалины промчались передъ вашими глазами и быстро исчезли за хребтомъ, на которомъ опять развалины,—это или рыцарскій замокъ или укрѣпленія генуэзскихъ пиратовъ, являвшихся нѣкогда грозой для купеческихъ судовъ на Средиземномъ морѣ. Въ горахъ итальянской Ривьеры много пещеръ, много искусственныхъ сооружений, гдѣ скрывались эти разбойники. Пираты, какъ и всѣ итальянцы, были народомъ благочестивымъ и покрыли горы крестами, изображеніями и статуями Мадонны и своихъ патроновъ. Около Санъ - Ремо находится пещера, гдѣ хорошо сохранились слѣды цѣлой церкви.

Санъ-Ремо — лучшее мѣсто итальянской Ривьеры—давно сдѣлался излюбленнымъ уголкомъ англичанъ. Большинство виллъ принадлежитъ сынамъ Албіона. На улицахъ, на набережной англійская рѣчь слышится чаще, чѣмъ итальянскій языкъ. Тѣнь св. Ромула, вѣроятно, поражается, видя столько чужеземцевъ, англійскіе отели, *fai cloche* тамъ, гдѣ онъ сражался съ сарацинами. Англичане недовольны современнымъ муниципалитетомъ, почти сплошь состоящимъ изъ социалистовъ. Муниципалитетъ обложилъ виллы высокимъ налогомъ и недавно ввелъ налогъ за право жить въ С. Ремо. Многіе изъ англичанъ подумываютъ перебраться ближе къ Вентимилье и въ Бордигьеру, отличающуюся особо богатой растительностью.

Кладбище въ Генуѣ.

Часовня надъ могилой арх. Равелли.

Здѣсь уже имѣется немало прекрасныхъ виллъ и даже замковъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ нашему соотечественнику князю Демидову Санъ-Донато.

По Франціи.

Х.

Французская Ривьера по природѣ мало отличается отъ итальянской. Вентимилье служить границей, отдѣляющей благоустройство первой и грязь послѣдней. Только Санъ-Ремо по своей чистотѣ и составляетъ счастливое исключеніе среди итальянскихъ городовъ. Первый курортный пунктъ французской Ривьеры, въ которомъ мы остановились, былъ Ментона, одно изъ самыхъ теплыхъ мѣстъ Ривьеры. Живописное положеніе, чудныя горы, богатая растительность и тихая, провинціальная жизнь ее давно сдѣлали однимъ изъ излюбленныхъ мѣстъ, какъ для больныхъ, такъ и для отдыхающихъ здоровыхъ. Жизнь въ Ментонѣ значительно дешевле, чѣмъ въ Санъ-Ремо, не говоря уже о Ниццѣ.

Насколько тиха и скромна жизнь въ Ментонѣ, настолько шумна и роскошна она въ сосѣднемъ герцогствѣ Монако, существующемъ среди французскихъ владѣній по какому-то недоразумѣнію.

Новый садъ въ Ментонѣ.

Это единственное въ своемъ родѣ государство, гдѣ не существуетъ ни налоговъ, ни тюремъ. Правительство карточнаго герцогства находитъ выгоднѣе прерождать преступниковъ за границу, чѣмъ имѣть для нихъ стражу и тюрьмы.

Налоги здѣсь также не нужны: всѣ расходы съ лихвой покрываются рулеткой. На средства отъ рулетки содержатся и самъ герцогъ Монаксій съ его дворцомъ на полуостровѣ и яхтой, на которой онъ совершаетъ свои зоологическія экскурсіи по морю, и все рулеточное царство. Расходы по содержанію этого вертепа громадны. Чего стоитъ одинъ паркъ съ его мраморными лѣстницами, террасами, статуями и массой чудныхъ и самыхъ рѣдкихъ растений. Среди этого парка стоитъ великолѣпный дворецъ рулетки, съ залами,

театромъ, съ комнатами для всевозможныхъ назначеній. Роскошная обстановка, украшенія, замѣчательное богатство художественныхъ украшеній не поддаются описанію. Такую роскошь только и можно видѣть въ Монте-Карло. Администрація игорнаго дома проникнута интересами публики, для которой здѣсь получаютъ газеты чуть ли не со всего свѣта, по нѣскольку разъ въ день вывѣшиваются политическія и коммерческія телеграммы и ежедневно во время сезона устраиваются въ высшей степени интересные симфоническіе концерты, въ которыхъ принимаютъ участіе выдающіеся музыканты.

И все это предлагается публикѣ бесплатно, только посѣщайте рулетку, а она все окупить, опустошая карманы зарвавшихся игроковъ, спу-

Замокъ Смита въ Ниццѣ.

Городской театр въ Ниццѣ.

скающихъ здѣсь нерѣдко миллионныя состоянія. Администрація рулетки замѣчательно заботливое учрежденіе: обобравши, какъ липку, азартнаго игрока, она беретъ его на иждивеніе и платитъ крохотную пенсію. Для администраціи ужасно не-пріятны „несчастные случаи“, и она предпочитаетъ обображенныхъ ею легковѣрныхъ людей держать на пенсіи и не допускать до самоубійства. Если же такой грѣхъ случится, то необходимо скрыть это самоубійство, почему въ бюджетъ рулетки имѣется цѣлая статья расходовъ для подкупа газетъ.

Въ Монте-Карло могутъ играть только иностранцы, а жителямъ самого герцогства строго запрещено заниматься игрой. Золото и серебро

Парижъ. Пуссекъ. Аркадскіе пастухи.

бросаются на кѣѣтки, чтобы потомъ посредствомъ особой лопаточки попасть въ банкъ-кассу рулетки. Впечатлѣніе отъ игроковъ, да и отъ всей публики получается самое пренепріятное. Возбужденныя, часто раскраснѣвшіяся или поблѣднѣвшія лица, раздутыя ноздри и полуоткрытый ротъ, блестящіе глаза, слѣдящіе за бѣгающимъ шарикомъ, крупье съ ихъ длинными кіями-лопаточками, джентльмены, дамы и дѣвицы съ бумажками въ рукахъ, дѣлающіе какія-то кабелистическія вычисленія, что-бы отыскать безпроигрышную цифру, обыгранные игроки, которые встаютъ изъ-за стола, едва держась на ногахъ, звонъ золота и серебра и... мертвая тишина, нервное настроеніе, жадно устремленные въ одну точку глаза — все это говоритъ о страшномъ азартѣ, охватившемъ присутствующихъ, о страсти, затуманившей разумъ.

Въ воздухѣ чувствуется,

бросаются на кѣѣтки, чтобы потомъ посредствомъ особой лопаточки попасть въ банкъ-кассу рулетки. Впечатлѣніе отъ игроковъ, да и отъ всей публики получается самое пренепріятное. Возбужденныя, часто раскраснѣвшіяся или

Парижъ. Грёзъ. Любопытная.

Л. да Винчи. Монна Лиза Джіоконда.

что въ роскошныхъ залахъ игорнаго дома ежедневно безнаказанно совершается преступленіе, ежечасно нѣсколько семей пускается по міру, и быть можетъ губится не одна жизнь. Рулетка за послѣднее десятилѣтіе получила сильное развитіе, и ея растлѣвающее вліяніе уже отразилъсь на сосѣднихъ городахъ и населеніи. Ни въ од-

номъ изъ нихъ, даже въ Ниццѣ вы не найдете хорошей труппы, хорошаго театра. При хорошей оперѣ пожалуй рѣже будутъ посѣщать рулетку.

Въ Ниццѣ тоже завелось подобіе рулетки — „petits chevaux“, пріютившееся въ казино и во вновь выстроенномъ на морѣ Jette, и тамъ играютъ и просаживаютъ состоянія. Но всѣ эти игры въ сравненіи съ рулеткой ни-

Парижъ.

Давидъ. Г-жа Рекамье.

что, и нужно удивляться, какъ до сихъ поръ терпятъ Монте Карло.

Я очень люблю Ниццу. Мнѣ кажется, что солнце нигдѣ такъ не свѣтитъ тепло, какъ въ этомъ бѣломъ городѣ; море здѣсь особенно красиво, а волна ласково шумитъ, набѣгая на мягкій берегъ. Чудная набережная, протянувшаяся на 2—3 версты, прекрасный паркъ Шато съ его громаднымъ каскадомъ-фонтановъ, веселая нарядная тол-

Парижъ.

Курбе. Похороны въ Орнаеѣ. Лувръ.

па и постоянные звуки музыки придаютъ городу праздничный видъ. Ницца дѣйствительно живетъ отъ праздника до праздника. Праздникъ въ ней начинается въ октябрѣ и ноябрѣ; разгаръ его приходится на февраль и мартъ, а въ маѣ Ницца умираетъ и живетъ въ ожиданіи сезона. Всѣ учрежденія, увеселенія, гостиницы — все здѣсь рассчитано на иностранцевъ. Веселая, шумная, блестящая Ницца кормится и дышетъ англичанами,

американцами, русскими и другими націями. Это въ полномъ смыслѣ слова интернаціональный городъ, городъ шума, веселья и всевозможныхъ развлеченій.

Но и въ этомъ городѣ можно уединиться.

Нужно только подняться на Шато, гдѣ мы найдемъ и шумящій водопадъ и дикую мѣстность. Здѣсь всегда тихо, прохладно, а съ терассы открывается чудесный видъ на море, Ниццу и на Пьемонтскія Альпы съ ихъ бѣлоснѣжными вершинами.

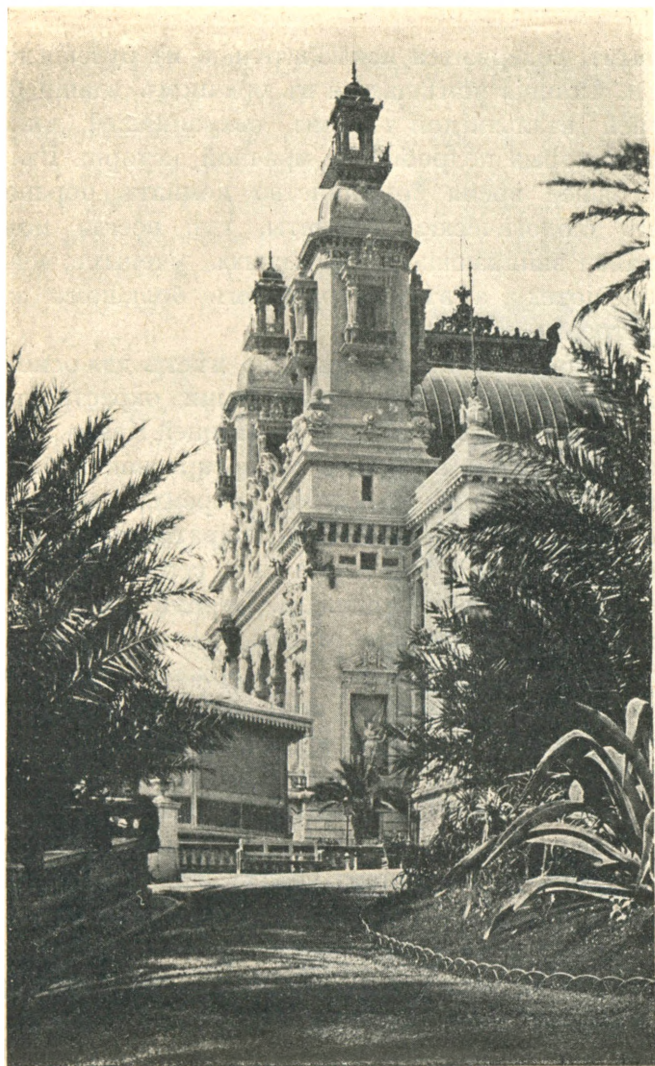
На этомъ же Шато имѣется тихій уголокъ, часто посѣщаемый русскими. Тамъ, подъ сѣнью кипарисовъ, на мраморномъ цоколѣ стоитъ, сложивши на груди руки и устремивши вдаль взоръ полной мысли, А. И. Герценъ, про котораго покойный Надсонъ сказалъ:

Такъ вотъ гдѣ борецъ,
Утомленный борьбой,
Покой свой нашель...

Памятникъ работы Забѣлло весь исписанъ надписями русскихъ, пожелавшихъ подобно Добчинскому оповѣстить о томъ, что на бѣломъ свѣтѣ существуетъ Петръ Ивановичъ.

Въ Ниццѣ имѣется учрежденіе, которое слѣдуетъ посѣтить каждому русскому; я говорю о русской зоологической станціи въ Вилла-Франшѣ.

Станція, устроенная профессоромъ Коротне-

Театръ въ Монте-Карло.

вымъ, содержится исключительно на русскія деньги. Станція помѣщается въ мрачномъ зданіи бывшей итальянской тюрьмы, сохранившей доннынѣ нѣкоторыя подробности мрачной исторіи. Въ настоящее время большинство комнатъ обращено въ биологическіе кабинеты, гдѣ всегда можно найти занимающихся пріѣзжихъ ученыхъ, музей, бібліотеку, а въ центральномъ большомъ залѣ устроены аквариумъ.

Въ общемъ въ Ниццѣ мало мѣстъ для осмотра, но зато она богата живописными окрестностями для прогулокъ. Сосѣдній съ Ниццей Каннъ, также благоустроенный городъ съ прекрасной набережной, бульваромъ и чуднымъ моремъ, давно уже сдѣлался курортомъ для аристократіи въ то время, какъ Ницца привлекаетъ къ себѣ буржуазію, особенно въ дни карнавала. Передъ Канномъ лежитъ островъ св. Маргариты, гдѣ находится крѣпость-тюрьма, въ которой содержался таинственный узникъ, извѣстный подъ названіемъ „Желѣзной Маски“. Изъ этой крѣпости бѣжалъ въ семидесятихъ годахъ маршалъ Базенъ, получившій печальную извѣстность послѣ Седана...

Экспрессъ уноситъ насъ на сѣверъ. Благодатный югъ съ его синимъ небомъ, яркимъ солнцемъ, тепломъ, зеленью и розами остался далеко позади. Густая пелена тумана окутывала насъ; пронизывающій до костей холодный и сырой туманъ проникалъ во всѣ скважины вагоновъ. Брулетки съ горячей водой мало согрѣвали. Промелькнулъ Ту-

лонъ съ его верфями и гаванью, промчались мы мимо Марсея, живого, веселаго города, гдѣ волна общественной и политической жизни подымается такъ высоко, что достигаетъ высотъ Notre Dame de la garde, стоящей на стражѣ второго Парижа. Туманъ смѣнился морозомъ, слякоть тонкой снѣжной пеленой, изморозь снѣжинками, летающими въ воздухѣ.

Сквозь эту снѣжную вуаль величественная Рона катила свои волны среди такихъ же облѣзлыхъ и голыхъ скалъ, какъ и тѣ замки, которые лѣпились по скаламъ и склонамъ горъ. Не хотѣлось вѣрить, что мы неслись по веселой Франціи, съ ея трубадурами и поэтами, съ ея турнирами рыцарей и пѣвцовъ, съ ея

Парижъ. Венера Милосская.

красавицами и вѣчнымъ праздникомъ и весельемъ былыхъ временъ. Поэзія былого погребена подъ тяжестью вѣковъ и замѣнилась сатирой. Вотъ и Тарасконъ, осмѣянный Додэ въ его „Тартаренъ“. Чѣмъ знаменитъ Тарасконъ кромѣ Тартарена,—я не знаю, но здѣсь насъ встрѣтила настоящая зима, съ которой мы уже не разставались вплоть до Парижа. У Ліона,

Парижъ. Демкруа. Рѣзня въ Хіосѣ.

съ его знаменитыми шелковыми фабриками и рабочими союзами, рѣки и озера всѣ были скованы льдомъ. Французы говорили намъ, что такой зимы не запомнятъ, что мы ее привезли изъ Сибири. Они съ завистью смотрѣли на теплое пальто, высокія галоши, и по послѣднимъ безошибочно опредѣляли въ насъ русскихъ. Въ вагонахъ было холодно, и разговоръ не клеился. Всѣ встрепенулись только тогда, когда вддали показался Парижъ, залитый міриадами огней. Мы забыли холодъ и любовались величественной картиной. Что-то феерическое было въ этой панорамѣ.

Передъ нами всталъ цѣлый рой воспоминаній о великомъ городѣ, ведущемъ свое лѣтоисчисленіе со временъ Цезаря. Современный Вавилонъ—это уже не прежняя Лютеція паризіевъ; это очагъ культуры, гдѣ въ теченіе послѣдняго столѣтія народныя массы, какъ волны бушующ-

Милле. Собираельницы колосевъ.
Лувръ.

паго моря, сметали цѣлыя историческія эпохи; гдѣ ужасъ террора смѣнялся безшабашнымъ весельемъ и кабачокъ уживался рядомъ съ гильотиной. Катаклизмы, пережитые парижанами, какъ это ни странно, создали уличной толпѣ то беззаботное настроеніе, которое прежде всего поражаетъ иностранца.

Парижане, рѣзко отличающіеся между собой по кварталамъ,— первая достопримѣчательность Парижа. Таковую толпу, какую мы встрѣчаемъ въ Парижѣ, — веселую, шумливую и нарядную, — больше нигдѣ не встрѣтимъ. Пройдитесь по бульварамъ, присмотритесь и прислушайтесь къ тому, что здѣсь происходитъ каждый вечеръ.

Коро.

Озеро. Лувръ.

Крики торговцевъ, шутки продавцовъ новостей, пѣніе уличныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, музыканты, играющіе на всевозможныхъ инструментахъ, выкрикиванье газетъ различными камло, уличные ораторы, комедіанты, петрушки, стукъ экипажей, безпрестанные сигналы автомобилей и омнибу-

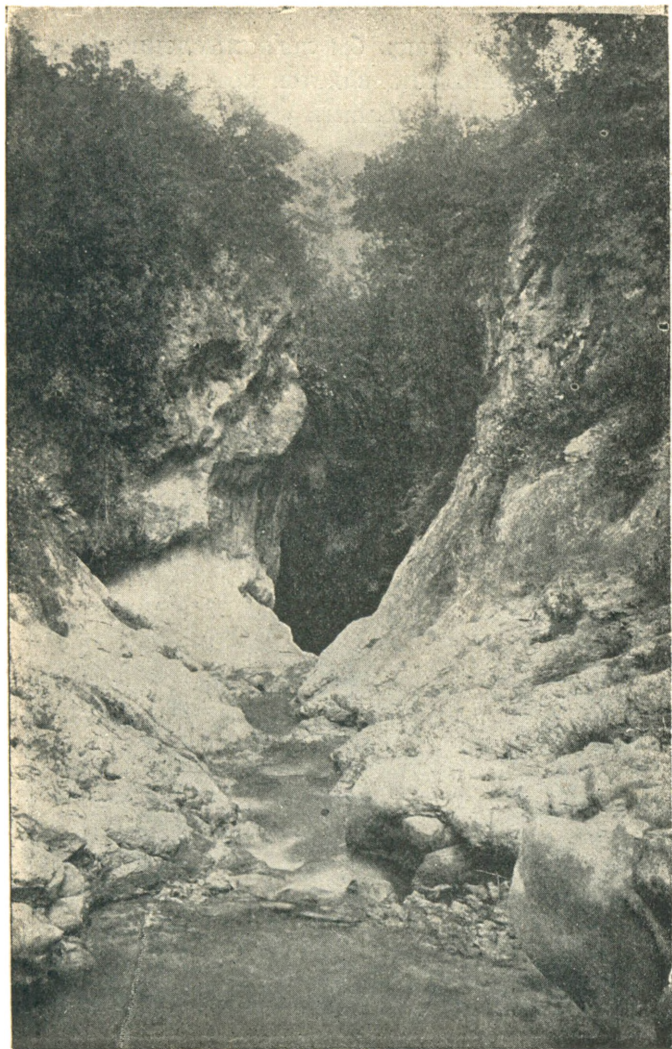

Парижъ.

Соборъ Парижской Богоматери.

совъ, смѣхъ, шутки парижанъ, уличныя кафе, переполненныя публикой, тысячи причудливыхъ вывѣсокъ, горящихъ разноцвѣтными огнями, вывѣски-карикатуры на политическія темы и остроты толпы по ихъ адресу, различныя Varieté, кабачки и театры, театры безъ конца — вотъ фонъ, на которомъ разворачивается парижская жизнь вечерами.

Въ театрахъ Varieté поются куплеты на злобу дня. Въ кафе и кабачкахъ происходятъ рабочія, ученые и партійныя конференціи; всякую остроумную рѣчь, всякую ядовитую шутку толпа встрѣчаетъ смѣхомъ и аплодисментами, которые передаются на улицу, гдѣ можно слышать, какъ тысячи голосовъ поютъ какую-нибудь злободневную

Уголокъ въ Ниццѣ.

пѣсенку. Веселое, какъ бы легкомысленное отноше-
ніе парижанина проявляется ко всему — поли-
тикѣ, правительству, самимъ себѣ и даже къ ре-
лигіи.

Не обижайтесь, если на улицѣ продавецъ *cig-
osité* предложитъ „большому свиньѣ“ купить ма-
ленькую свинью, а компанія гаменовъ будетъ
въ хороводѣ плясать вокругъ васъ и напѣвать
какой-нибудь куплетъ, характеризующій вашу
виѣшность. Важные полисмены ко всему относят-
ся равнодушно и, повидимому, ничего не замѣча-
ютъ, но только стоитъ ему поднять палку, какъ
всѣ—и люди, и экипажи—моментально остано-
вливаются съ тѣмъ, чтобы снова веселиться, шумѣть,
пѣть и плясать, когда палка опустится.

Таковъ Парижъ вечерами, когда у Максима и

Парижъ.

Оперный театръ.

Церковь св. Дѣвы въ Марселѣ.

въ Café de Paris фешенебельныя кокетки щеголяютъ своими брилліантами и дорогими мѣхами, когда отъ Мадлены до Севастопольскаго бульвара по обѣимъ сторонамъ Большихъ Бульваровъ движется почти сплошная толпа, и въ этой толпѣ вы не чужой: вы заражаетесь общей беззаботностью и забываете свои невзгоды. Вамъ становится понятнымъ восторженное восклицаніе Луизы изъ оперы Шарпанте: „О, Парижъ, Парижъ!“ и въ то же время, когда вы хорошенько взгляните въ публику на Монмартрѣ, вамъ станетъ яснымъ проклятіе отца Луизы—„Проклятый Парижъ!“ Но въ веселой и беззаботной парижской толпѣ вы забываете не только эти проклятія, но и собственныя невзгоды,

Утромъ и днемъ Парижъ мѣняетъ свой харак-

Итальянскій бульваръ въ Парижѣ.

Парижъ.

Площадь Согласія.

теръ и принимаетъ озабоченный видъ. Толпа на улицахъ такъ же многочисленна, въ большихъ парижскихъ магазинахъ; гдѣ все можно купить, гдѣ приказчики насчитываются тысячами, толпа двигается шагъ за шагомъ; конторы такъ же переполнены; на улицахъ вы видите серьезныхъ, сосредоточенныхъ людей, куда-то спѣшащихъ и всѣмъ не похожихъ на вечернюю публику. Въ кафе народу немного меньше, чѣмъ тамъ бываетъ

Мённе. Барельефъ. Люксембург. музей.

вечерами. Но характеръ публики рѣзко измѣнился: публика собралась не для веселья, а для дѣловыхъ свиданій. Въ кафе заключаются миллионныя сдѣлки; отсюда летятъ телеграммы во всѣ концы міра. Въ кафе собираются политическіе дѣятели, а

поэты пишутъ свои произведенія; такъ, Анри Мюрже въ кафе писалъ свою „Богему“.

Кафе и политическая и общественная жизнь въ Парижѣ тѣсно связаны между собою. Кафе, какъ мѣсто для всевозможныхъ конференцій и совѣщаній, для парижанина такъ же необходимо, какъ и газета.

Наука въ Парижѣ представлена великолѣпно: такихъ музеевъ, лабораторій, доступности лекцій

нѣтъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Европы, и кто хочетъ серьезно заняться наукой въ Парижѣ — все къ его услугамъ.

По своимъ сокровищамъ искусства Парижъ — первый въ мѣрѣ городъ. Всѣ историческія эпохи, всѣ народы, всѣ школы искусства имѣютъ здѣсь свои памятники. Войдите въ знаменитый Лувръ, построенный на мѣстѣ Волчьяго лѣса, и тамъ вы найдете первую въ мѣрѣ картинную галерею съ именами, которыми гордится весь мѣръ. Здѣсь на площади въ 200 тыс. кв. метровъ собраны памятники искусства съ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшаго времени. Здѣсь имѣются такіе античные мраморы, какъ, напр., Венера Милосская, Діана Версальская, Боргезскій гладіаторъ и др.

Эпоха Возрожденія и средніе вѣка представлены въ Луврѣ такъ, какъ нигдѣ въ мѣрѣ, — Гутонъ, Челлини, Микель-Анджело, Леонардо да-Винчи (лучшій и законченный имъ самимъ портретъ монны-Лизы Джіоконды украденъ въ августѣ 1911 г. изъ музея), Корреджіо, Рафаэль, Веронезъ, Ти-

Роденъ. Мысль. Люксембургскій музей.

ціанъ, Мурильо, Рубенсъ, Рембрандтъ и др. Новѣйшая скульптура и живопись имѣють здѣсь тысячи своихъ произведеній, равно какъ и древнѣйшія эпохи искусства. Большой интересъ для посѣтителя представляетъ и Люксембургскій дворецъ, гдѣ собраны произведенія новѣйшихъ художниковъ и скульпторовъ. Эти картины и скульп-

Парижъ.

Вандомская площадь.

турныя произведенія, покупаемыя правительствомъ ежегодно на выставкахъ, остаются въ музеѣ въ теченіе 10-ти лѣтъ послѣ смерти художника и потомъ или передаются въ Лувръ, или рассылаются въ провинціальныя музеи. Интересно посѣтить и Версаль съ его роскошными залами, гобеленами, картинами, преимущественно батальнаго характера, съ его чудными фонтанами въ роскошномъ паркѣ,

Парижъ.

Елисейскія поля.

и фабрику гобеленовъ, и музей Клюни и мн. другое, и даже музей Гревена съ его замѣчательными восковыми фигурами. Описывать богатства Парижа въ области искусства и науки, его рѣдкости невозможно. Нужно сюда прїѣхать смотрѣть все, всѣмъ любоваться и всему учиться, и на это необходимо затратить мѣсяцы, а не тѣ немногіе дни, которые мы прожили въ Парижѣ, да еще въ праздничное время, когда политическая жизнь города совсѣмъ замерла.

Подъ впечатлѣніемъ праздничнаго настроенія мы оставили столицу міра, сыгравшую громадную роль въ исторіи Европы. Пусть Бокль пронизываетъ, что тамъ, гдѣ въ Англіи все дѣлается спокойно, во Франціи требуются общественные катаклизмы, но умалить значеніе Франціи въ міровой исторіи онъ беспсиленъ; имена тѣхъ, чьи могилы мы находимъ въ парижскомъ Пантеонѣ, будутъ всегда дороги не только Франціи, но и всему міру. Свѣтъ ихъ ученія и подвига озарилъ міръ и постепенно проникаетъ во всѣ тайники его.

Леонардо да Винчи.

Монна Лиза Джіоконда.

Парижъ, Лувръ.

По Германіи.

XI.

Nord express уносилъ насъ на сѣверъ. Парижъ затонулъ въ туманѣ дождливаго и холоднаго дня. Мы съ головокружительной быстротой промчались черезъ Бельгію, на границѣ которой насъ даже не осматривали, и вѣхали въ Германію. Французская вѣжливость и предупредительность смѣнились прусскою грубостью; вмѣсто изящныхъ французскихъ открытокъ намъ лѣзли въ глаза нѣмецкіе солдаты во всевозможныхъ формахъ: конные, пѣшіе, въ мирное время и въ битвахъ; вмѣсто вина намъ предлагали пиво. Самая мѣстность приняла какой-то казарменный видъ. Военная выправка и выпяченная колесомъ грудь штатскихъ дѣлала ихъ болѣе военными, чѣмъ цивильными людьми. Однимъ словомъ, все измѣнилось, остался неизмѣннымъ только нашъ поѣздъ.

Въ разговорахъ и спорахъ съ нѣмцами мы незамѣтно домчались до Кельна. Бѣлая пелена снѣга покрыла городъ и величайшій изъ готическихъ

храмовъ—кельнскій соборъ, строившійся съ промежутокми около 600 лѣтъ. Высокія башни собора терялись въ утреннемъ туманѣ; но грандіозность впечатлѣнія дивнаго произведенія готическаго зодчества не только не умалялась отъ нависшихъ надъ соборомъ облаковъ, а еще производила болѣе сильное впечатлѣніе. Колоссальное зданіе снаружи украшено множествомъ опорныхъ пилостровъ, башенокъ, сквозныхъ рѣшетокъ, галерей, колоннъ, статуй и т. п.

[Дрезденъ.

Караваджіо. „Игроки“.

Внутри храмъ, благодаря простотѣ сводовъ продольнаго корпуса, производитъ величественное впечатлѣніе, особенно когда

подойдешь къ высокому, стремящемуся къ небесамъ хорошему пространству и видишь идущій вокругъ храма поясъ трифорія, перемѣшивающійся съ верхнимъ рядомъ цвѣтныхъ оконъ. Цвѣтныя окна, многимъ изъ которыхъ насчитывается не одна сотня лѣтъ, придаютъ храму таинственный полумракъ, а стрѣльчатая дуги всевозможныхъ размѣровъ, арки между столбами, оконные пролеты—все построено по схемѣ равно-сторонняго треугольника, производятъ удивитель-

ную ритмичность и гармоничность конструктивного цѣлаго. Храмъ внутри богатъ скульптурными и художественными работами, изъ которыхъ многія, напр., „рака трехъ волховъ“, гробница архіепископа Филиппа, статуи Христа, Богородицы, апостоловъ, картина „Взятіе Богородицы на небо“ и др., являются шедеврами искусства.

Подъ впечатлѣніемъ, полученнымъ отъ грандіознаго храма, мы оставили Кельнъ и направились вверхъ по Рейну—одной изъ самыхъ живописныхъ рѣкъ Европы. Поѣздъ неся по берегу рѣки, по ея извилинамъ и протокамъ. Долина то суживалась, то расширялась, и сланцевыя горы отвѣсными стѣнами падали въ рѣку, оставляя узкую щель для

прохода поѣзда; то онѣ отходили въ сторону и причудливыми отрогами спускались въ долину. По отрогамъ этихъ горъ и на ихъ вершинахъ лѣпились рыцарскіе замки, а у подножія и на хребтахъ стояли статуи средневѣковыхъ героев, которые съ изумленіемъ смотрѣли на ажурные мосты, перекинутые черезъ бурливую рѣку, и на нашъ поѣздъ, летящій съ пронзительнымъ сви-

Дрезденъ. Тиціанъ. Христосъ съ ученикомъ.

стомъ мимо ихъ. Передъ нами мелькали города, мѣстечки, съ представленіями о которыхъ связываются воспоминанія о великихъ событіяхъ, великихъ людяхъ, поэтахъ и писателяхъ.

Франкфуртъ-на-Майнѣ съ остатками старинныхъ башенъ, ратгаузомъ и многими средневѣковыми постройками напомнилъ намъ исторію книгопечатанія и имена Гуттенберга, Фауста и Шеффера, которымъ здѣсь поставлены памятники. Во Франкфуртѣ родился знаменитый Гете, и до сего времени цѣлъ домъ, въ которомъ онъ жилъ. Здѣсь ему, Шиллеру и Шопенгауэру поставлены памятники. Съ Франкфуртомъ тѣсно связаны воспоминанія о Гейне и Берне; именемъ послѣдняго названа одна изъ улицъ. За Франкфуртомъ сохранились богатые историческія воспоминанія; онъ до 60 годовъ прошлаго столѣтія игралъ видную политическую роль. Здѣсь засѣдалъ нѣмецкій сеймъ, а съ 1848 г. нѣмецкій парламентъ, національное собраніе. Во время мартовской революціи нѣмецкіе республиканцы мечтали сдѣлать Франкфуртъ столицей южной Германіи. Свое вліяніе Франкфуртъ сохранилъ до 1866 года, когда послѣ пораженія Австріи, въ союзѣ съ которой онъ сражался съ Пруссіей, городъ былъ присоединенъ къ послѣдней.

Изъ Франкфурта-на-Майнѣ мы повернули на Лейпцигъ. Промелькнули Гота, Веймаръ и друг. города, игравшіе когда-то большую роль въ исторіи Германіи и славные своими литературными

Дрездент.

Корреджіо. Святая ночь,

Кл. Лорренъ.

Итальянскій пейзажъ.

традиціями. Веймаръ въ началѣ прошлаго столѣтія былъ центромъ нѣмецкой литературы: здѣсь жили Гете, Шиллеръ и Виландъ. Городъ свято хранитъ ихъ жилища, а на кладбищѣ покоится

прахъ этихъ великихъ писателей, славныхъ не только въ нѣмецкой, но и міровой литературѣ.

Прорѣзавъ нѣсколько княжествъ, герцогствъ, мы въѣхали въ страну музыкантовъ, композиторовъ, художниковъ, ученыхъ, съ ея красивыми городами Лейпцигомъ и Дрезденомъ.

По своимъ красивымъ зданіямъ, а главное—по богатому собранію сокровищъ искусства, Дрезденъ называется нѣмецкой Флоренціей, и вполне заслуженно. Въ его величественномъ зданіи Zwinger помѣщается нѣсколько замѣчательныхъ музеевъ: королевская библіотека, нумизматическій кабинетъ, музей древностей, богатѣйшее собраніе фарфора, зоологическій, и минералогическій музеи съ богатѣйшими коллекціями по естественной исторіи, физико-математическій, собраніе гипсовъ, „Зеленое Подземелье“ съ драгоценностями и проч. Но всего драгоценнѣе въ Дрезденѣ картинная галерея, по богатству третья въ мірѣ. Въ ней на-

считывается до 3 тыс. картинъ, преимущественно итальянской и фламандской школы, между которыми имѣются шедевры, и единственное въ мірѣ собраніе гравюръ—до 350 тыс. листовъ. Дрезденъ можетъ гордиться такой уникай, какъ знаменитая Сикстинская Мадонна Рафаэля-Санціо. Эта картина написана великимъ художникомъ однимъ, безъ всякаго участія его учениковъ, и написана въ періодъ наивысшаго развитія его стиля и мастерства. Въ этой картинѣ наиболѣе ярко и полно вылились и геній, и личность великаго мастера. Передъ стоящимъ зрителемъ открывается неземное видѣніе: пресв. Дѣва дивной красоты съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ парить къ зрителю на облакахъ, едва касаясь ихъ ногами. Богородицу окружаютъ ангелы, постепенно, по мѣрѣ удаленія, сливающіеся съ облаками. У ногъ Богоматери съ пламенной молитвой стоитъ колѣнопреклоненный папа св. Сикстъ, указывающій просительнымъ жестомъ руки на міръ, нуждающійся въ спасеніи. Св. Варвара, замѣчательной красоты, въ смущеніи отъ чуднаго видѣнія опустила долу глаза. Всѣ фигуры на картинѣ исполнены

Франкфуртъ-на-Майнѣ.
Карнахъ. „Венера“.

экспрессіи и проникнуты геніальной мыслью художника, но Мадонна и Христосъ выше всего — это полное олицетвореніе, это идеаль божественной красоты, какихъ міръ еще не видѣлъ. Отъ божественныхъ лицъ нельзя оторваться; глаза Матери и Младенца приковываютъ вниманіе зрителя, и онъ съ восхищеніемъ, съ глазами полными слезъ, читаетъ въ нихъ идею, вложенную неземнымъ геніемъ величайшаго въ міръ художника.

Приснодѣва—юная женщина небесной красоты—проникнута сознаниемъ своего высокаго призванія. Это сознание заглушаетъ въ ней и материнскую любовь, и всѣ другія чувства. Она поглощена одной мыслью, — что на ея рукахъ Мессія, Искупитель за грѣхи міра; эта мысль не оставляетъ мѣста ни для какой другой идеи, ни для какого другого ощущенія или внутренняго движенія. Блестящія, неподвижно уставившіеся глаза Младенца выражаютъ необычайную нравственную силу, духовное могущество, которыми этотъ Младенецъ—нѣжное существо, долженъ покорить міръ и искупить грѣхи человѣчества. Чѣмъ больше смотришь на св.Дѣву и Младенца, тѣмъ яснѣе и яснѣе становится идея картины, и душа зрителя наполняется священнымъ трепетомъ: онъ читаетъ великую книгу предопредѣленія и чувствуетъ всѣмъ своимъ сердцемъ, всѣмъ умомъ, что Мессія идетъ на ужасныя страданія, чтобы спасти человѣчество.

Если бы Дрезденъ имѣлъ только эту одну картину, которой нѣтъ цѣны, нѣтъ ничего равнаго

Дрезденъ.

Рафаэль-Санціо. Сикстинская Мадонна.

въ мірѣ, то и тогда нельзя миновать Дрезденъ, но Дрезденъ богатъ и другими шедеврами, богатъ той умственной жизнью, которая обусловливается его учеными и художественными коллекціями, учебными заведеніями, многочисленными обществами, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ жизнь культурной, осмысленной и богатой по содержанію. Внѣшній видъ города какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ его, такъ сказать, духовному содержанію. Прекрасныя уллицы, величественная архитектура, чудные театры, Брюлева терасса, живописныя окрестности, замѣчательное благоустройство и чистота дѣлають Дрезденъ однимъ изъ наилучшихъ городовъ міра, гдѣ могутъ получить наиболѣе полное удовлетвореніе всѣ запросы и потребности культурнаго челоуѣка.

Послѣ Дрездена Лейпцигъ уже не производитъ того впечатлѣнія, какое долженъ производить этотъ красивый и чистый городъ. Дрезденъ—продуктъ новѣйшей исторіи, въ немъ особенно ярко отразилось новѣйшее искусство и стиль рококо. Лейпцигъ полонъ средневѣковой старины, богатъ зданіями, на которыхъ лежитъ сѣдая старина, а его сохранившіяся во многихъ мѣстахъ узкія и кривыя уллицы съ проржавѣвшими стѣнами, стрѣльчатыми башнями, статуями Лютеру, Меланхтону, Фридриху, переносятъ насъ въ эпоху Реформаціи. Центръ старины лежитъ въ центрѣ города, который опоясывается новыми уллицами, широкими площадями и парками съ великолѣпными зданіями

Берлинь.

Ватто. Любовь на французской сценѣ.

музеевъ, театра, университета. Въ новомъ городѣ разбросано много пѣмѣтниковъ ученымъ Геллерту и Лейбницу, музыкантамъ Баху, Цельнеру, Шуману и др.

Когда смотришь на эти монументы великихъ композиторовъ, на роскошныя зданія концертнаго зала и оперы, на домъ Бетховена, гдѣ все полно воспоминаніями о знаменитомъ музыкантѣ-композиторѣ, когда ходишь по обширнѣйшему въ мірѣ университету, богатымъ музеямъ, любишься средневѣковой стариной или, сидя въ погребкѣ Ауэрбаха, гдѣ передъ вами стоитъ та самая бочка, на которой Мефистофель и Фаустъ въ Вальпургіеву ночь улетѣли на шабашъ вѣдьмъ, а на стѣнахъ написана въ картинахъ исторія Фауста, когда вы видите подземный ходъ изъ этого по-

греба, ведущій за стѣны прежняго Лейпцига,— вамъ не хочется вѣрить, что вы находитесь въ центрѣ обширнѣйшей въ мірѣ мѣховой торговли, въ центрѣ кожевеннаго производства и печатныхъ машинъ.

Саксонцы гордятся своими городами, но особенную гордость ихъ составляютъ Дрезденъ и Лейпцигъ, съ которыми, по ихъ мнѣнію, не можетъ тягаться Берлинъ,— резиденція солдатчины, а не ума и генія. Они отчасти и правы. Но Берлинъ за послѣднія 10—15 лѣтъ значительно улучшился и долженъ быть отнесенъ къ числу наиболѣе благоустроенныхъ городовъ Европы и быть можетъ въ этомъ отношеніи онъ единственный городъ. Столица Германіи начала обстраиваться послѣ 1871 г. на французскія деньги, и теперь по красотѣ смѣло можетъ конкурировать съ Парижемъ. Широкія улицы, масса красивыхъ зданій, парки, роскошные памятники, театры, рейхстагъ, масса ученыхъ и учебныхъ заведеній, различныя общества, громадный музей, прекрасное освѣщеніе и чистота дѣлаютъ жизнь въ Берлинѣ интересной и пріятной.

Берлинъ—относительно новый городъ, и въ немъ мало историческихъ воспоминаній и памятниковъ. Только „Аллея предковъ“, созданная Вильгельмомъ II въ Тиргартенѣ, знакомитъ берлинцевъ съ династіей Бранденбурговъ, но ничего замѣчательнаго она не представляетъ ни въ отношеніи старины, а тѣмъ паче художественности. Памятники

позднѣйшимъ дѣателямъ и нѣкоторые фонтаны, особенно работы Бегаса, куда цѣннѣе и художественнѣе исполнены, чѣмъ аляповатыя статуи предковъ Вильгельма.

Въ Берлинѣ иностранцамъ показываютъ памятники недавняго прошлаго, напр., дворецъ Вильгельма I. Сокровищъ искусства классической школы и великихъ мастеровъ „Возрожденія“ въ Берлинѣ почти нѣтъ: картинная галлерей и скульптурный отдѣлъ представлены слабо, хотя въ картинной галлерей имѣется нѣсколько картинъ Рубенса и очень интересное собраніе картинъ Беклина.

Большой интересъ представляютъ зоологическій и этнографическій музеи съ замѣчательно обширными и интересными коллекціями; интересенъ музей почтоваго вѣдомства, гдѣ представлена вся

Берлинъ.

Бёклинь. Игра волнъ.

исторія почтовыхъ сношеній, и только что реставрированный фасадъ Пергамскаго храма, помѣщающійся въ отдѣльномъ зданіи и переносящій насъ въ классическую эпоху. Тонъ умственной жизни Берлина даютъ высшія учебныя заведенія, всевозможныя общества и университетъ, замѣчательно богато обставленный, имѣющій среди профессоровъ имена свѣтилъ науки и насчитывающій до 7 тыс. слушателей, рейхстагъ, ученые и учебныя заведенія, академіи, масса школъ; все это дѣлаетъ Берлинъ крупнымъ умственнымъ центромъ не только Германіи, но и всего міра. И тѣмъ болѣе непріятное впечатлѣніе во многихъ городахъ Германіи, и особенно въ Берлинѣ производятъ статуи побѣды, колонны славы, вылитыя изъ непріятельскихъ пушекъ. Такихъ монументовъ часто встрѣчается по два и по три въ одномъ и томъ же городѣ. Это кичливое напоминаніе о побѣдахъ надъ французами и австрійцами наводитъ на грустные размышленія, говоритъ о дикости нравовъ, еще существующей въ культурной націи, славной своими учеными и философскими изысканіями, гордящейся своимъ народнымъ учителемъ и высокимъ умственнымъ уровнемъ населенія.

Статуя побѣды, памятникъ Бисмарку съ странными аллегорическими изображеніями помѣщаются около великолѣпнаго зданія рейхстага, съ площадки котораго видна и „Аллея предковъ“. Народное представительство и желѣзный кулакъ соперничаютъ между собой. Блестящая колонна изъ

французскихъ пушекъ со статуей Викторіи наверху, и дикарь нападающій на другого дикаря (барельефъ на памятникѣ Бисмарку) съ одной стороны, и рѣчь Бебеля о братствѣ народовъ съ другой — вотъ антитеза, на которой строится современная германская имперія. Между этими двумя началами идетъ постоянная борьба въ скромномъ залѣ засѣданій рейхстага и отчасти въ ланд-

Берлинь. Донателло.
Іоаннъ Креститель.

Берлинь. Дюреръ. Портретъ

тагѣ. Не проходитъ почти ни одного засѣданія, чтобы депутаты, сидящіе на лѣвой, не спорили съ тѣми, кто занимаетъ кресло передъ бюро или съ депутатами правой. Но въ этихъ страстныхъ дебатахъ сторонній слушатель подмѣчаетъ одну черту, которую частенько забываютъ въ другихъ парламентахъ, — это взаимное уваженіе и вниманіе, съ какими представители различныхъ партій

относятся другъ къ другу. Но особеннымъ вниманіемъ въ рейхстагѣ пользуется Бебель, лучшій ораторъ среди нѣмцевъ. Когда со второй скамейки и второго мѣста поднимается скромная фигура этого оратора, напоминающая скорѣе клерка или скромнаго ученаго, чѣмъ народнаго трибуна— весь рейхстагъ смолкаетъ, залъ наполняется депутатами, министерскія скамьи не пустуютъ, и въ залѣ стоитъ гробовая тишина, прерываемая апплодисментами и одобрительными отзывами или выраженіями протеста.

Засѣданія германскаго рейхстага по своему дѣловому характеру, крайне серьезному отношенію къ обсуждаемому вопросу и пониманію, съ какимъ депутаты слушаютъ другъ друга, на меня произвели глубокое впечатлѣніе. Попадать въ рейхстагъ очень легко: бюро охотно выдаетъ билеты на галлереи, а если бы билетовъ тамъ не оказалось, то марка, данная гардъену, отворяетъ двери ложъ. Ни въ одномъ изъ парламентовъ (въ Лондонѣ я не бывалъ) я не видѣлъ такой массы корреспондентовъ, какъ въ берлинскомъ рейхстагѣ— трибуна прессы, имѣющая болѣе сотни мѣстъ, всегда бываетъ переполнена ими.

Печать въ Берлинѣ и Германіи пользуется не меньшимъ значеніемъ, чѣмъ въ Англіи и Франціи. Газеты здѣсь растутъ не по днямъ, а по часамъ; нѣкоторыя изъ нихъ выходятъ по четыре раза въ день. Въ настоящее время въ Берлинѣ выходитъ

до 700 періодическихъ изданій, и берлинецъ, кто бы онъ ни былъ, безъ газеты жить не можетъ.

Берлинъ былъ послѣднимъ европейскимъ городомъ, который мы посѣтили. Съ массой впечатлѣній о бывшихъ цивилизаціяхъ и народахъ, съ воспоминаніемъ о великихъ произведеніяхъ искусства, о богатномъ

югѣ, объ иной, чѣмъ наша, жизни, мы вѣхали въ родную страну, покрытую снѣжной пеленой и скованную льдомъ. Иныя воспоминанія, иныя впечатлѣнія нахлынули на насъ какъ бы для того, чтобы оттѣнить контрастъ между западомъ и востокомъ. И люди, и природа, и

интересы, и жизнь — все стало инымъ и не въ нашу пользу. Но всего разительнѣе встаетъ передъ русскимъ путешественникомъ, возвращающимся изъ Европы, наша некультурность, и какъ результатъ ея, наша бѣдность и неуваженіе къ историческимъ памятникамъ, которые такъ тщательно сохраняются на Западѣ.

Берлинъ.

Менцель. Концертъ.

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ГОРОДОВЪ.

Венеція.

Площадь св. Марка и Піаццета: Часовая башня. Соборъ св. Марка, Дворецъ Дожей, Мостъ вздоховъ, Тюрьма. Двѣ колонны съ св. Маркомъ и св. Теодоромъ на крокодилѣ. Королевскій дворецъ и колоннада, обходящая всю площадь. На набережной Скиавани памятникъ Виктору Эммануилу. Арсеналь. Городской садъ съ памятникомъ Гарибальди. Большой каналъ. Академія изящныхъ искусствъ—картины венеціанской школы. Палатцо Ферра (Дездемоны). Поллацо Морэ (Огелло). Мостъ Ріальто. Улица Мерчіаніа. Пмятникъ Б. Каллеоне работы Вероккіо. Церкви: Марія делля Сзлоти съ картинами Тиціана и Сальвіати, С. Сальваторе, С. Марія Формоза, с. Севастіана, с. Джіованни съ гробницами дожей и др. Муниципальный музей. Музей Коррера. Мурано съ фабриками венеціанскаго стекла и музеемъ венеціанскихъ стеклянныхъ издѣлій. Лидо (купанье). Кіоджу; армянскій монастырь.

Верона.

Древній форумъ. Башня. Трибуна на пл. делле Эрбе. Амфитеатръ Деоклеціана. Церкви с. Маріи Антика, Соборъ съ статуями Карла Великаго, Роланда и Оливье и съ картиной Тиціана „Вознесеніе“, св. Анастасіи, с. Фермо Маджіаре, с. Джор-

джіо (коллекція картинъ Веронской школы) и др. Палаццо—Трибуналъ, Совѣта. Помпеи, Джерети (садъ). Гробницы Капулетти, Скалигеровъ. Кладбище.

Миланъ.

Соборъ (осмотръ внизу и вверху). Памятники Виктору Эммануилу, Леонардо да-Винчи. Галлерея В. Эммануила Палаццо ди-Брера съ картинной галлереей. Публичная бібліотека (собрание монетъ). Монастырь св. Маріи делле Граціе съ картиной Леонардо да-Винчи, „Тайная Вечеря“. Кладбище. Театръ Скаля. Паркъ. Поѣздки на итальянскія озера, въ Монцу и Чертозу.

Падуа.

Соборъ. Церкви: с. Жустины, Эрмитани съ фресками Мантенья, Мадонны дель Арена съ фресками Джіотто. Развалины римскаго амфітеатра. Площадь В. Эммануила съ 82 статуями. Ботаническій садъ. Университетъ.

Генуя.

Старый и новый городъ. Портъ. Церкви; Соборъ св. Лоренцо, св. Аннуціаты, св. Амброджіо („Вознесеніе“ Г. Рени), св. Филиппа и др. Палаццо Спиноли, Паллавичини, Доріа, Дураццо, Біанко, Реале, Бриньоле-Соле и др. съ картинными галлереями и художественными произведеніями. Академія искусствъ. Биржа. Памятники Колумбу, Мадзини, Кавуру, В. Эммануилу. Кладбище самое замѣчательное въ мірѣ. Корнильено съ дворцомъ Дураццо (естественно-историческія коллекціи), Пелье съ виллой Паллавичини и чуднымъ паркомъ.

Болонья.

Стѣна съ 12 воротами. Улицы съ портиками и аркадами. Дворцы; Palazzo del governo, палаццо Подесты и др. относящіяся

къ XIII. в. Церкви: Соборъ св. Петра, Базилика, св. Патронія съ барельефами Якова Геерсія, св. Доминика съ скульптурой Никола Пизано, Микель Анджело и др., св. Стефана; рядомъ съ нимъ двѣ падающія башни. Монастырь св. Луки съ мадонной ап. Луки и др. Университетъ въ палаццо Челлези. Академія Художествъ съ сокровищами искусствъ.

Флоренція.

Набережная Лунгарно съ шестью мостами, старинный римскій „Понте Веккіо“. Паркъ Кашинѣ. Нѣсколько старинныхъ воротъ. 23 площади. Центръ города—площадь Синьоріи съ палаццо Веккіо (резиденція Медичи). Конная статуя Козима I. Фонтанъ съ Нептуномъ и Тритонами; Лоджіа дей Ланца (Персей-Бенвенуто Челлини, похищеніе Полиksены Піо-Феди и др.). Знаменитыя галлерей Уффици и Пити, академія искусствъ полны художественными сокровищами. Цѣлый рядъ палаццо Строцци, Рикарди, Подеста и др. Церкви: соборъ, Баптистерія Джіованни, Санто Кроче съ гробницами Данте, Галилея, Микель Анджело и др., св. Лоренцо-усыпальницы Медичи съ памятниками работы Микель Анджело и мн. др. Памятники Данте, Фердинанду I и др. Галлерей Буанороди; галлерей дель Арацци (стѣнные ковры), музей при соборѣ, музеи—археологій, индѣйскій, зоологическій и др. Національная бібліотека. Дороги Віале дей-Колли. Площадь Микель-Анджело со статуей Давида (оригиналъ въ Академіи), окруженный 4 аллегоріями съ гробницы Медичи. Поѣздки въ Чертозу, Прато, Миніято.

Римъ.

Холмы Рима: Виминаль, Квириналь, Эсквилинь, Палатинъ, Целіанъ, Авентинъ, Яникулъ. Ворота: Порта Піа, порта дель Пополо, порта О. Лоренцо и др.

Новый Римъ съ ул. Національ, Кавуръ; самая оживленная „Карсо“. Площади: св. Петра съ колоннадой Бернини, обелискомъ и двумя фонтанами Модерны; Капитолійская, Квириналь-

ская съ двумя мраморными колоннами—Диоскуры, украшающіе коней. Площадь Колонна съ колонной Марка Аврелія, Монте-Читоріо съ парламентомъ и обелискомъ. Площадь Новона съ колоссальными фонтанами и обелискомъ Бернини; Испанская площадь съ лѣстницей. Площадь Треви съ знаменитымъ фонтаномъ и др. 10 мостовъ, древніе кваттро Кани и С. Анджело. Великолѣпный паркъ Пинчіо обрывается на площади Папуло-Романо. Чудный видъ. Храмы: Пантеонъ съ гробницами Рафаэля и В. Эммануила; св. Джіованни Латерано съ музеемъ и картинной галлереей, Маріи Маджіоре, Санъ-Петро Винколи (Моисей). Базилика С. Паоло, монастырь капуциновъ и мн. др. Чрезвычайно интересный и знаменитый соборъ св. Петра съ статуей апостола и гробницей Петра; алтарь подъ сѣнью Бернини, саркофаги папъ, масса сокровищъ. Ватиканъ—богатѣйшій музей скульптуръ, картинъ, бібліотека, антики, египетскія древности и пр. Сикстинская капелла (Страшный судъ Микель Анджело); Станцы и лоджіи Рафаэля; Резиденція папъ. Замокъ и мостъ св. Ангела. Квиринальскій Дворецъ. Академія изящныхъ искусствъ французская академія, Капитолійскій музей (скульптуръ, картинъ и древности) цѣлый рядъ палаццо съ художественными сокровищами, особенно виλλα Медичи въ паркѣ Пинчіо. Древности: Христіанскія катакомбы, Аппіева дорога, Колизей, бани-термы Каракаллы и др. Римскій форумъ съ колоннами, храмами, статуями, развалинами Базиликъ. Палатинскій холмъ съ дворцами цезарей. Форумъ Траяна, Храмъ Сивиллы, Виλλα Адріана; гротъ Нептуна и Сирены. Сады,—Тиволи, Каскады и мн. др. Памятники: Виктору Эммануилу, Марку Аврелію, Гарибальди—чудный видъ на Римъ и др. Кладбище у Авентинскаго холма.

Неаполь.

Национальный музей (картинная галлерея, античныя скульптуры, предметы изъ Помпеи и Геркуланума). Музей при церкви Санъ-Мартино. Церкви. Соборъ св. Яннуарія, Джезу Нуово, Чертеза на С. Эльмо съ музеемъ и др. Королевскій дворецъ—коллекція фарфора и статуи королей. Акваріумъ въ городскомъ

саду. Катакомбы христіанъ. Улица Тассо (прекрасный видъ) Памятники Данте, королей, колонна мучениковъ въ память погибшихъ во время революціи. Парки. Старинныя ворота. Театръ Санъ Карло (самый большой въ мірѣ).

Гробница Виргилія. Гротъ Сивиллы. Поѣздки на Везувій. Геркуланумъ, Помпеи, Торру Аннунціату, наполовину залитую въ 1906 г. лавой. Солерно и Пестумъ. Въ Помпеи—музей, открытый городъ (Вилла Діамеда, домъ Фауна, театры, а около Помпеи римскій амфитеатръ). Поѣздки на пароходѣ въ Саренто, на Капри, Искію и Кастелламаре.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	1
До Вѣны, гл. I.	9
Вѣна, гл. II.	17
Тироль, гл. III.	25
Венеція, гл. IV.	33
По пути во Флоренцію, гл. V. (Верона, Миланъ, Огера, Падуя, Феррара, Болонья, Равенна)	49
Флоренція, гл. VI. (Прато)	67
Римъ, гл. VII. (Новый Римъ, древній Римъ, Ватиканъ, окрестности. Уличная жизнь и карнавалъ.)	95
Неаполь, гл. VIII. (Соренто, Капри, Везувій, Помпея, Герку- ланумъ, Салерно, Пестумъ.)	157
Черезъ Сицилію въ Геную, гл. IX. (Сицилія, Сардинія, Чивита, Векля, Пиза, Лукка, Генуя, съ окрестностями, Туринъ, итальянская Ривьера.)	181
По Франціи, гл. X. (Ривьера и Парижъ.)	201
По Германіи, гл. XI. (Кельнъ, Рейнъ, Франкфуртъ на М., Дрезденъ, Лейпцигъ, Берлинъ.)	225
Достопримѣчательности итальянскихъ городовъ: Венеціи, Вероны, Милана, Падуи, Генуи, Болоньи, Флоренціи, Рима и Неаполя	243
